

антология
пермской
литературы

Николай
БАШМАКОВ

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ В ЮНОСТИ

сборник прозы

16+

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание сборника прозы Николая Борисовича Башмакова «Всё начиналось в юности» и подготовка его электронной версии осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель» благодарят
Пермское отделение ВОО «Союз художников России» за содействие
в оформлении серии «Антология пермской литературы».

На обложке, титульном листе: «Натюрморт», 1988 г., ДВП, масло — работа члена Союза художников СССР Альберта Турбина.

На форзаце: «Городской мотив», 1950-е гг., бумага, карандаш — работа живописца, графика Леонида Попова.

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Николай
БАШМАКОВ

**ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ
В ЮНОСТИ**

сборник прозы

«Пермский писатель»

Пермь
2019

УДК 821.161.1-312
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44
Б 33

антология пермской литературы • том 28

Николай Борисович Башмаков
Всё начиналось в юности
сборник прозы

Башмаков Н. Б.

Б 33 **Всё начиналось в юности:** Сборник прозы. — Пермь: Пермский писатель, 2019. — 240 с. — (Антология пермской литературы; т. 28).
ISBN 978-5-6042008-0-3

Новая книга прозы «Всё начиналось в юности» Николая Башмакова составлена из произведений, большей частью опубликованных в периодических изданиях. Многие из них получили искренние читательские отклики: люди узнают свою личную биографию, семейные воспоминания в чертах судьбы своего отчества, в жизненных сюжетах литературных героев — и пишут об этом, сугубо своём, волнующем. Не обходят вниманием книги и публикации этого пермского писателя и литературные критики, представляющие издания как российские, так и большого русскоязычного мира.

В книгу вошли рассказы, байки и повесть. Николай Башмаков — писатель приметливый, точно схватывающий эпизоды нашей жизни, которые характеризуют человека и в социальной действительности, и с нравственной стороны, и в координатах истории. Что и разворачивается в сюжеты произведений, которые обогащены, конечно, и неповторимой деталью, и выразительной речью персонажей. Нередко поступки героев произведений вызывают восхищение и поражают душевной красотой характера. Достоверность происходящего, неизбывная доброта, юмор, жгучесть обид и счастливая радость — неизменные спутники знакомства с произведениями Николая Башмакова.

Книга рассчитана на читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-6042008-0-3

9 785604 200803

УДК 821.161.1-312
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44

© Н. Б. Башмаков, текст, 2019
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2019

Бумеранг из юности. Повесть

Глава 1

Они плыли по таёжной реке третий день. Катя впервые отважилась на такое рискованное предприятие, поддавшись на уговоры Леонида. Маршрут выбрали проверенный. Леонид сплавливался здесь на плоту два года назад. Тогда их вёл опытный проводник-экстремал, исколесивший этот участок тайги вдоль и поперёк. Сегодня Леонид сам возглавлял экипаж студентов медицинского института. С ними сплавливались друзья — Сергей и Света.

Путешествие протекало благополучно, хотя и не совсем так, как мечтали и планировали. На прошлой неделе случились сильные дожди, вода в реке заметно поднялась, и любоваться красотами природы, как задумывали, стало некогда. Приходилось активно работать, откладывая все прочие прелести на привалы и ночёвки.

— Приготовьтесь, сейчас будем проходить «трубу», место сложное, — предупредил Леонид. — После неё — сразу привал!

Перед «трубой» возник непростой для новичков порог. Вода в этом месте бурлила на затопленных камнях. Водопада не было, но образовался солидный водоворот. Плот закрутило, он потерял управление.

— Держитесь крепче! — зычно скомандовал Леонид.

Сергей и Света бросили вёсла и вцепились в скобы плота. Катя запоздала. Она делала попытки остановить вращение плота и не заметила свалившегося с обрывистого берега и наклонившегося над рекой дерева. Удар был не сильным, но достаточным для того, чтобы сбросить девушку в воду. Плот проскрежетал по камням, крутанулся, едва не задев её, и, пройдя порог, быстро устремился к «трубе».

Вынырнув, Катя не растерялась. Плавала хорошо с детства. Помогал держаться на воде и спасательный жилет. Она сделала несколько сильных гребков поперёк течения и уцепилась за выступавший из воды валун.

— Выбирайся на берег, мы придём за тобой! — крикнул Леонид, прежде чем плот завернул за поворот.

— Ну уж дудки, буду сидеть и ждать вас мокрая... пока не околею, — пробурчала она сама себе. — Пойду за вами, всё равно где-то причалите.

Поборовшись с течением и побарахтавшись в воде, выбралась на мелководье. Ощувив под ногами твёрдую почву, заторопилась,

поскользнулась на мокром камне и почувствовала резкую боль.
— Только этого не хватало, лодыжку подвернула! — констатировала девушка новую напасть.

Превозмогая боль, выкарабкалась на сухой участок. Осмотрелась, сняла мокрую одежду и принялась её выжимать. Закончив работу, натянула одежду на тело, нашла подходящую палку и, опираясь на подручную трость, побрела в ту сторону, куда уплыл плот.

Через некоторое время упёрлась в «трубу». Стало понятно, почему Леонид так называл это место. Река здесь протекала в ущелье. И справа и слева обрыв подходил почти к самой воде. В засушливое время сохранялась узкая полоска, позволявшая пройти вдоль уреза воды. Но после дождей между двух обрывистых берегов нёсся сплошной поток.

Катя подняла голову: наверху густой лес. Перспектива карабкаться в гору и обходить «трубу» через бурелом не радовала, но иного выхода не было. Друзья пойдут её искать верхом, через лес.

«А ведь можем разойтись! — мелькнуло в голове. — Надо оставить знак».

Девушка нашла подходящую палку, воткнула её в землю и повесила на неё спасательный жилет. На фоне зелени и серого грунта оранжевый жилет выделялся ярким пятном. Рядом с опознавательным знаком выложила стрелку из камней, показывающую направление, в котором ушла.

По косогору поднималась медленно. Мешали кустарник, высокая трава, при каждом неловком движении возникала острая боль в ноге. Когда выбралась наверх к большому лесу, совсем опечалилась. Опасения подтвердились: здесь хорошо поработал ураган, превративший лес в бурелом. Единственно правильное решение — идти вдоль леса, чтобы обойти этот завал. Так и сделала. Немного погодя бурелом кончился, и она углубилась в лес. Некоторое время шла параллельно реке, потом повернула к ней. Девушке казалось, что она действовала правильно, но не учла Катя одного: новичку выдержать без компаса правильное направление в тайге практически невозможно. Часа через два осознала, что заблудилась. Она понимала: чтобы совсем не потеряться, нужно возвращаться к реке. Но где находилась река, теперь не имела понятия. Проплутав ещё пару часов, вышла не то к ручью, не то к маленькой речке.

«Ручей должен впадать в реку», — справедливо рассудила путешественница и, преодолевая боль в ступне, побрела вдоль него. Двигалась медленно. Приходилось вместе с ручьём выписывать его пово-

роты, обходить заросли кустарника, ямы, поваленные деревья. То и дело ждала: вот-вот покажется водная гладь, но время шло, а желанной реки всё не было.

Между тем азарт, с которым она ринулась догонять товарищей, прошёл. Мокрая одежда давала о себе знать — Катя переохладилась. Девушку начал бить озноб, силы были на исходе, в душу заползла апатия, но именно в этот критический момент ей повезло. Она вышла на лесную поляну, где под вековыми елями уютно расположилась небольшая охотничья избушка. Апатия сменилась радостью: «Есть Бог на свете!»

Охотничий сезон ещё не начался. Избушка пустовала, но из рассказов Леонида она знала: охотники в таком временном жильё оставляют самое необходимое. Катя зашла внутрь и тщательно обследовала жилище. Нашла котелок, простенькую посуду, спички, соль, пачку чая, удочки. Больше всего обрадовалась старому, выцветшему от времени покрывалу, которое лежало на топчане, прикрытое клеёнкой. Видимо, оно же служило одеялом.

«Можно вскипятить чай и попробовать поймать рыбу, но всё это после! — рассудила Катя. — Сначала нужно высушить одежду».

Солнце ползло к горизонту, но ещё пригревало. Девушка нашла кусок старой верёвки, протянула её от домика к ближайшей ели, сняла одежду и развесила так, чтобы её сушили ветерок и солнце. Сама завернулась в покрывало и уселась на чурбак, лежавший возле домика, с солнечной стороны.

Под сухим покрывалом быстро согрелась. Разморило. Август выдался тёплым. Они не напрасно выбрали это время. Ночи уже прохладные, массовый гнус и комары исчезли. Днём солнце пригревало и давало возможность почувствовать, что лето ещё не закончилось, хотя природа уже предупреждала — это последние подарки уходящего тепла. На полянах среди матёрой зелени тайги кое-где проглядывали жёлтые островки осеннего наряда. Вчера ещё буйное разнообразие цветов всех оттенков уступило место жёлтеньким цветам поздних сорняков. Чистота воздуха поражала, дышалось легко. На ярком, почти синем небе медленно плыли белые облака. Они ненадолго закрывали солнце, и на землю сразу набегала лёгкая тень. Вместе с ней приходила прохлада. Но как только солнце выбиралось из-за облака, его ласковые лучи вновь несли тепло всему живому.

Катя, прищурившись, посмотрела на светило: до горизонта приличное расстояние, пока солнце зайдёт — одежда подсохнет. А что делать дальше?

Пожалуй, лучше всего пересидеть в этой избушке. Леонид будет искать и обязательно найдёт её. А вот плутать по незнакомой тайге без ружья и компаса — это верная смерть. Можно окончательно заблудиться или ненароком повстречать медведя. Опытные люди предупреждали: в тайге медведь хозяин. Разбираться, где свой, где чужой, он не станет. У местного народа на этот счёт даже поговорка есть: «Медведя в тайге все знают... Медведь никого не знает!»

Мысли о медведе заставили встрепетаться. Чтобы окончательно не заснуть, встала и услышала, как за спиной кто-то крикнул. Мгновенно обернулась. Привыкшие к яркому солнечному свету глаза видели плохо, но не на столько, чтобы не увидеть в тени дома бурый силуэт.

Катя замахала руками и завизжала на самой высокой ноте:

— А-а-а!

От испуга на неё напал столбняк. Ноги и руки отнялись. Она понимала: надо бежать, но тело повиноваться отказывалось.

Медведь двинулся к ней из тени и вдруг заговорил человеческим голосом:

— Ты чего орёшь?! Людей что ли давно не видела?!

Испуг был сильнейшим. Даже при звуке человеческой речи девушка из шока не вышла. Покрывало валялось у ног. Катя стояла совершенно голая и расширившимися от ужаса глазами смотрела на коренастого светловолосого парня в коричневой куртке, который изумлённо тарачил на неё свои по-девичьи синие глаза. Наконец, страх отпустил: перед ней не медведь. Быстро нагнулась за покрывалом, прикрылась и зачатила:

— Как ты меня напугал! Я думала, это медведь! Ты кто? Откуда здесь взялся? Подглядывал что ли за мной?

Парень ответил с явной насмешкой:

— Вёрст десять топал, чтобы успеть подглядеть... Не каждый день в тайге увидишь болтающийся на верёвке бюстгальтер и голую девчонку.

— Ты кто — маньяк? Или из колонии сбежал? — спросила она всё так же бестолково и невпопад, но с заметной тревогой в голосе.

— Успокойся, я нормальный. Закончил лесотехнический, направлен сюда по распределению. Приглядываюсь к месту будущей работы.

— Хорошо приглядываешься... за неодетыми женщинами...

Парень улыбнулся доброй располагающей улыбкой и ответил уже без иронии:

— Не надо подставляться. Никак не рассчитывал встретить в глухой тайге одинокую путешественницу. Ты как здесь оказалась?

Катя как-то сразу поверила незнакомцу. Окончательно успокоилась и кратко рассказала о своих злоключениях. Он внимательно выслушал, но потом покритиковал:

— Вот она, женская психология. Вместо того, чтобы идти вдоль реки и искать друзей, забралась поглубже в тайгу и спокойно загорает: «Ищите меня, ищите...» Кстати, как мне к тебе обращаться? Имя назовёшь?

— Да нет, — вполне серьёзно ответила она на его ехидное замечание, — женская психология тут ни при чём. Я не только заблудилась, но и ступню подвернула. Идти совсем не могу. А зовут меня Екатерина.

— Отличное имя! Так мою тётку зовут. Можно, буду тебя звать покороче, просто Катя?

— Можно. Я, честно говоря, рада, что у меня объявился спаситель и не придётся дожидаться, пока друзья разыщут. А тебя как зовут?

— Меня зовут Михаил. Можно — Миша.

— Хи-хи, — непроизвольно хихикнула Катя. — Не зря я тебя перепутала с Потапычем!..

— Не надо разводить тут хаханьки! Я и есть Потапович! Михаил Потапович собственной персоной. Родители у меня люди с юмором, когда выбирали сынишке имя, сделали тёзкой хозяина тайги.

Катя снова засмеялась:

— Кусаться не будешь, как он?

— Не бойся, мы с ним всего лишь тёзки, а характеры у нас разные. Но радоваться не спеши, я сам сегодня заблудился и понятия не имею, где мы сейчас находимся и как отсюда выбираться.

Катя пристально посмотрела в глаза Михаилу. На лице у парня ни тени смущения, но смешинки в глазах исчезли. Похоже, не врёт.

— А я думала, что выпускник лесотехнического не может блудить в лесу в принципе. Ладно, мы — медики, но вы-то должны чувствовать себя в лесу, как рыба в воде.

— И на старуху бывает проруха... и на старика. Да ты не расстраивайся, у меня есть самое главное: провиант дня на три и аптечка. С голоду не умрём, ногу твою перебинтуем, а потом сообразим, что делать дальше.

Парень говорил тоном уверенного в себе человека и этим окончательно успокоил девушку. Она изучающе смотрела на него и осмысливала ситуацию. Всё-таки вдвоём ждать помощи будет не так

страшно. Ну, а какие-либо поползновения по отношению к себе она не допустит. Не слепая и видит: паренёк не сводит с неё глаз. Как говорит студенческая братва: «Запал с первого взгляда». Может, оттого, что голую её увидал? Но она в себе уверена. В случае чего постоять за себя сможет. Хотя... одно обстоятельство немного тревожит. Есть что-то в нём притягательное, не запасть бы самой... Леониду это категорически не понравится.

Михаил ушёл в лес собирать хворост. Катя использовала это время для того, чтобы одеться. Одежда, кроме трусиков и бюстгалтера, не просохла. Девушка вздохнула: явно не купальный костюм, но хоть что-то. Показала уже незнакомому парню все свои прелести, на сегодня хватит.

Она зашла в дом, одела бельё и снова завернулась в покрывало. Едва вышла из избушки, столкнулась с Михаилом. Неудачно дёрнулась, приступила на ногу, и лицо её скривилось от боли.

Михаил посочувствовал :

— Больно? Надо посмотреть твою ногу.

— Подвернула на камне, когда вылезала из воды. Наверное, растянула сухожилие.

— В аптечке есть бинт. Давай перебинтуем, чтобы ступня меньше двигалась.

— Рассуждаешь как медик, а сумеешь?

— С твоей помощью обязательно.

Она села всё на тот же чурбачок, высвободила из покрывала ногу и вытянула её. Он аккуратно взял в руки ступню и принялся бинтовать. Катя консультировала и подсказывала. Получилось только с третьей попытки. Сначала повязка получилась слишком слабой. Потом чрезмерно тугой. Но недовольства ни с той, ни с другой стороны не последовало. Ему нравилось держать её ногу, ей были приятны его прикосновения.

Когда он закончил бинтовать, Катя внимательно посмотрела на Михаила и спросила:

— Откуда ты, такой добрый и внимательный, свалился? В смысле, откуда родом?

Михаил пожал плечами:

— Ничего примечательного. Если верить маме с папой, то было, как у всех. Меня нёс аист и в селе Сосновое выронил прямо в огород с капустой, где меня родители и подобрали. В общем, деревенский я. А ты, вижу, девушка городская?

Катя ответила на его вопрос совсем кратко:

— Да, я родилась, жила и живу в городе.

Они посидели ещё с полчаса. За это время она вытянула из Михаила ровно столько, сколько он о себе захотел рассказать. Учился в Свердловске, в лесотехническом институте. Сюда приехал знакомиться с новым местом работы. Хотя окончательно неизвестно, станет ли здесь работать. В институте была военная кафедра, он получил звание лейтенанта, и осенью его направляют на два года в армию. Сегодня утром с местным лесником пошли осматривать и размечать участки для вырубki леса. Чтобы ускорить это дело, разошлись. Как дал блуда, понять не может.

Солнце между тем опустилось к горизонту. Становилось прохладно, и они перешли в избушку. Михаил принялся хозяйничать. Растопил печку, поставил чайник, нарезал хлеб, разогрел консервы. Зелёный лук, огурцы, помидоры дополнили сервировку стола. Принёс и повесил возле печки недосохшую Катину одежду. Она сидела всё так же закутанная в покрывало, смотрела, как хлопочет Михаил, глотала слюну — как-никак не ела весь день — и обдумывала внезапно случившееся с ней приключение.

Она призналась себе: новый знакомый понравился ей. Понравился как-то иначе, чем Леонид. Она невольно сравнивала этих парней.

Внешне Михаил проигрывал. Среднего роста, коренастый и светловолосый, с ярко выраженными «девичьими» глазами и курносом носом, характерным для русских людей из уральской глубинки, Михаил казался простым, понятным, ясным и располагал к себе, как располагают чистые, пусть немного и наивные, деревенские люди. Вместе с тем он был не так прост, каким на первый взгляд казался. Она угадывала в нём природный ум и интеллект, которые он старался особенно не демонстрировать.

Леонид, высокого роста, с зычным голосом, похожий на молодого артиста Ланового, смотрелся иначе. Скептическое выражение на лице, умение поставить себя в любой среде, преподнести с лучшей стороны свои достоинства выделяли его среди сверстников. Хорошая память и эрудиция позволяли ему проявлять определённый снобизм, чувство интеллектуального превосходства над людьми. Манеры его были более развязны. Кате он казался человеком сложным и очень рациональным. Но был ли этот «сложный» парень более интересным, чем «простой» Михаил?

Михаил между делом включил свой небольшой транзисторный приёмник и поймал мелодию, ведущей в которой была свирель. Катя смотрела на парня и удивлялась тому, чего никогда не видела

в Леониде. Оказывается, мужчины могут быть натурами вполне романтическими и чувствительными. Когда-то велись споры, противопоставлявшие «физиков» и «лириков». Михаил явно относился к «лирикам». Так слушать свирель мог только человек, которому мелодия и инструмент действительно нравились. Он слушал музыку не с равнодушной скептической маской, какую демонстрировал Леонид, если обстоятельства вынуждали его это делать. На лице Михаила отражались чувства, целая гамма чувств.

Музыка закончилась, и Михаил внезапно поймал на себе оценивающий взгляд Кати. Он тоже думал о ней. Девушка приглянулась ему сразу. Парень размышлял не о внутреннем мире встретившейся в тайге незнакомки (чтобы понять его, требовалось время), а исключительно о её внешности. Привлекательное лицо, красивая фигура с хорошо развитой грудью, упругое, пышущее здоровьем тело любого парня не могли оставить равнодушным. У неё очень приятный тембр голоса и особые, восхитительные и добрые глаза, излучавшие приятность и теплоту. Хороши и губы...

Глаза их встретились. Ему стало неловко, будто она подслушала или угадала его мысли. Чтобы скрыть смущение, кивнул на транзистор:

— У нас с тобой это единственное развлечение, хоть какая-то связь с большим миром...

Она уловила его смущение и ответила с некоторой загадочностью:

— Ну почему единственное? Развлекались ведь как-то люди, когда радиоприёмников не было... И вообще... давай уже хоть корочку хлеба съём. Иначе я до утра не дотяну и помру от голода.

Катя сняла возникшую было напряжённость, и они сели наконец ужинать. С большим аппетитом ели и продолжали беседовать, узнавая друг о друге всё новые подробности. Когда закончили трапезу, уже стемнело. Наступил снова неловкий момент. Нужно было укладываться спать, а топчан в избушке один и не так широк, чтобы на нём без тесноты могли разместиться два человека. Спать на голом полу без матраца и одеяла смог бы только смертельно уставший или «в доску» пьяный человек. Оба думали об этом, но выжидали. Наконец, Михаил предложил вариант:

— Топчан у нас один... Придётся спать по очереди. Ты ложись, я буду сидеть на охране. Когда выспишься, прилягу я.

Девушка чувствовала: парень говорит не то, о чём думает, но сделала вид, что покорно с его предложением согласилась:

— Как скажешь, мой спаситель... Будем спать по очереди.

Катя была более искушённой в любовных делах, чем Михаил. Она не считала себя ханжой и по молодости соблюдение старинных традиций в век электроники признавала за пережиток. Да и нравы в медицинском институте, в сравнении с другими вузами, уже в то время были более свободными. С Леонидом они жили как муж и жена, хотя до оформления законного брака оставался ещё месяц. Сегодня чувство долга перед Леонидом в ней боролось с совершенно новыми, не испытанными до сих пор ощущениями. Она не могла взять в толк, почему её как магнитом тянет к близости с Михаилом. Это пугало. Неужели она настолько испорчена, что готова броситься в объятия к парню, с которым познакомилась несколько часов назад?

Михаил тоже боролся с собой. Ему очень хотелось поцеловать Катю. Поцелуй снимает определённую границу и сближает. Эта случайная встреча в тайге для него оказалась той самой любовью с первого взгляда, которая, хотя о ней много написано в литературе, в жизни встречается не у каждого. Девчонка понравилась ему так, как до этого не нравилась никакая другая. Его тянуло к ней, но он не был уверен в том, хотела ли этого она. Переступить же границу и действовать напором парню не позволяла порядочность.

Они сидели в темноте, лишь слабый свет, пробивавшийся из буржуйки, слегка освещал избушку. Молчание затягивалось. Катя внутренним чувством поняла состояние Михаила. В конце-концов, она покорилась своему влечению и сама подошла к нему.

— Миша, спасибо тебе за вкусный ужин... за всё... Можно я тебя поцелую?..

Лёгкое прикосновение её губ к его щеке ликвидировало все границы. Михаил обхватил девушку руками, притянул к себе и поцеловал в губы. Поцелуй дал свободу их чувствам.

Говорят, женщина даже тогда, когда молчит, всё равно разговаривает. «Как же здорово он целуется! — мелькало в её голове. — Голова идёт кругом!»

И следом за приятными, неожиданно новыми для неё ощущениями в этой закурившейся хмельной голове то и дело шёлкал холодный стоп-кран: «Целоваться разрешу, но крепость не сдам!»

Крепость не продержалась и получаса...

Она отдалась ему с пылкостью и страстью любящей женщины, и сама пока не могла понять почему. С Леонидом, которого знала с детства, всё это тоже было. Но всё было не так!..

А Михаил вознёсся на седьмое небо. Вместе с неизведанными доселе ощущениями в нём возникла глубокая нежность к этой,

кинувшейся в его объятия девчонке. Они лежали на топчане, тесно прижавшись друг к другу, и через радиоприёмник некогда популярный певец Вадим Мулерман пел им свою песню:

*«Разнесёт весна тополиный пух,
Словно сто снегов, и окажется:
Если ты одна любишь сразу двух,
Значит, это не любовь, а только кажется...»*

«Похоже, мне придётся сделать выбор, — думала Катя. — Но это всё потом... Боже, как мне с ним хорошо!..»

Их случайная встреча растянулась на три дня и три ночи. Словно в красивом сказочном сне пролетело это время. В будущем и тот и другой станут вспоминать этот короткий период жизни как самый счастливый. Ведь в юности все ощущения обострены до предела, у влюблённых особенно. Они жили словно на необитаемом острове, без всякой связи с другими людьми, без каких бы-то обязательств перед ними, были заняты только друг другом. Несмотря на бытовые неудобства и трудности, не на райском острове, а в суровой уральской тайге им было комфортно и радостно вдвоём.

На четвёртый день их нашли. Нужно было возвращаться «на большую землю», хотя ни тому, ни другому этого не хотелось. Оба чувствовали: в мире людей им грозит расставание.

Поисковую команду, в которой был и Леонид, привёл тот самый лесник, с которым уходил работать Михаил. Спасатели не застали влюблённых врасплох, но Леонид шестым чувством всё понял. Катя видела, что он в гневе и еле сдерживает себя, однако жених решил обойтись без публичных сцен и перенести разборки на потом. Катю это устраивало. Она тоже отложила серьёзный разговор на будущее.

Михаил улучил момент и шепнул ей: «Жди, я обязательно к тебе приеду!»

Глава 2

Пока добирались до города, Катя молчала. О чём-то думала, в разговор с Леонидом не вступала, лишь односложно отвечала на его вопросы. Хмурое лицо жениха показывало: он недоволен так неудачно завершившимся предсвадебным путешествием. Невеста трое суток провела с этим невесть откуда свалившимся лесовиком. Интуитив-

но, но безошибочно он определил: связь между Катей и этим парнем установилась более тесная и явно выходила за рамки обычных отношений между попавшими в беду людьми. Самолюбие Леонида было задето. Воображение одну за другой рисовало картины измены невесты, в голове тупо билась и не давала успокоиться мысль о рогах, которыми она наградила его ещё до свадьбы.

Едва остались вдвоём, скопившееся недовольство нашло выход, и они вдрызг разругались. Он чувствовал себя пострадавшим и морально правым. На этом основании в грубой форме приступил к допросу, чтобы досконально выявить все детали её проступка, всю низость её измены. Ему казалось: неверная невеста уже прочувствовала свою вину и станет оправдываться и просить у него прощения. Она возмутилась и повела себя дерзко, не стала откровенничать и вымаливать помилование, а заявила, что не любит его и свадьбы не будет. Запахло полным разрывом, который мог похоронить далеко идущие планы рационального Леонида. Это заставило его изменить поведение и задуматься. Два дня он обдумывал, что предпринять, на третий подтянул тяжёлую артиллерию, иначе говоря, подключил к разрешению конфликта родителей Кати.

Отец Кати, Юрий Макарович Жуков, являлся деканом того факультета, на котором молодые учились. Леонид слыл одним из перспективных студентов, и отец откровенно обрадовался, когда дочь и его любимый ученик решили пожениться. Лучшего кандидата трудно было подыскать. Отец планировал оставить Леонида в институте, а значит и дочь, выйдя замуж, автоматически не попадала под распределение.

План оказался под угрозой. Леонид рассказал своему учителю о таёжном приключении и попросил серьёзно поговорить с дочерью. Катя родителей уважала, они были для неё эталоном в человеческом плане и примером в семейной жизни. Юрий Макарович и Мария Павловна познакомились ещё студентами, поженились сразу после окончания института и жили счастливо и бесконфликтно. Трудности, которые подбрасывала им жизнь, не влияли на их взаимоотношения негативно, преодолевая их, родители лишь посмеивались: «После радости — неприятности... по теории вероятности!» Вечером того же дня состоялся разговор.

Основную беседу вели отец с дочерью, Мария Павловна лишь слушала, изредка тяжело вздыхала и иногда вставляла реплики. Отец доброжелательно и по-взрослому, он всегда так беседовал с дочерью, попытался разобраться в сути:

— Катя, расскажи нам с мамой, что у вас произошло с Леонидом? Когда вы подавали заявление в загс, всё было в порядке, что изменилось за несколько дней?

Катя находилась в состоянии полного смятения. Три дня, проведённые с Михаилом, в её душе всё сместили и перевернули. Радостное ожидание перемешалось с тревогой, а чувство долга с бесшабашной удалей. Ей не хотелось откровенничать ни с кем, но утаить от родителей внезапно вспыхнувшую любовь она не могла:

— Папа и мама, со мной произошло то, что со многими случается — я встретила парня, в которого влюбилась!

— Постой, постой, — немедленно отреагировал на её заявление отец. — А что же у тебя с Леонидом? Вы столько лет знакомы, собираетесь пожениться, и что, всё это без любви?

— Думаю, что так, папа, я не люблю Леонида. У меня просто к нему определённая привязанность, привычка. Любви, такой, какая есть у вас с мамой, у нас с ним нет, и никогда не будет...

Юрий Макарович, опытный врач и педагог, понял, что произошло с дочерью. В благополучных семьях очень распространённое заблуждение у девочек: они видят идеал мужчины в отце и ищут в жизни подобного ему человека. В Леониде такого она не нашла, а тут подвернулся парень, который показался ей именно таким, какого она подспудно ждала. Но по прошествии времени она может разочароваться и в нём:

— А не сделала ли ты поспешный и необдуманный вывод, дочь? Мы с мамой три года дружили, прежде чем поняли, что наши чувства связывают нас всерьёз и надолго. А ты встретила паренька и через три дня после знакомства уверена, что это на всю жизнь! Настоящие чувства нужно проверить временем.

Едва он закончил говорить, вставила свою реплику и мать:

— Дочка, это, может быть, и не любовь вовсе... Всего лишь наваждение. Показалось, а потом растает без следа, как дым...

Мама сказала то, чего Катя опасалась и сама. Чем больше проходило времени с момента знакомства с Михаилом, тем больше теряла она уверенность в своих тогда казавшихся ей ясными чувствах. В душе зародился червячок сомнения: «Не временным ли помутнением разума объясняется то, что с ними произошло? Не ошиблась ли она в нём?» Ей нужно было подтверждения их любви здесь и сейчас, а Михаил приезжать не спешил, и чем дольше тянулась эта неопределённость, тем сильнее грыз и точил её этот червячок. Но показывать родителям своё душевное колебание она не стала:

— Нет, мои милые родители, у меня это всерьёз и, думаю, надолго. Я просто не смогу теперь с Леонидом жить.

Катя росла доброй и мягкой девочкой, редко перечила родителям и капризничала, но иногда была очень упрямой. Столкнувшись с её упорством, отец разволновался:

— Катя, разве можно делать такой серьёзный вывод после кратковременного знакомства с парнем?! Нельзя рушить то, что создано, что уже есть, основываясь лишь на сиюминутных ощущениях и ничем не подкреплённой вере! В конце концов вы с Леонидом можете отложить свадьбу и вернуться к этому, когда ты проверишь свои чувства. Но рушить всё одним махом — это глупо!

Дочь понимала родителей. Со стороны эта таёжная история так и выглядела, поэтому переубедить их вряд ли удастся. Она сменила тактику:

— Да что ты, папа, всё время укоряешь меня кратким знакомством с Михаилом? Вы его даже не видели. Он замечательный парень, вы с мамой убедитесь в этом, когда с ним познакомитесь!

Она попала в точку, отец тут же пошёл на попятную:

— Дочь, мы хотим тебе только добра. Решать в конечном счёте всё равно тебе, но пока этот парень не приехал, не торопись. Обещай нам, что не будешь раньше времени разрывать отношения с Леонидом.

— Может, он и не приедет совсем, — вздохнув в очередной раз, вставила новую реплику Мария Павловна. — Поигрался, получил своё и бежал...

Катя вспыхнула:

— Как ты можешь так говорить, мама?! Я верю ему! Забирать заявление из загса, раз просите, пока не буду, но как только приедет Михаил, мы к этому разговору вернёмся!

Катя ждала Михаила со дня на день. Надеялась: вот-вот приедет. Но время шло, на календаре середина сентября, а его всё не было. Она злилась, придумывала слова, которые ему скажет при встрече, но всё это так и оставалось невысказанным, перегорало в душе, оставляя в ней тёмный след негатива и усугубляя пессимизм. Потом наступила апатия, и она сделала неправильный вывод: всё, что произошло в таёжной избушке, для Михаила было лишь приятным, ни к чему не обязывающим приключением. Постоянное присутствие этой мысли жгло её изнутри и постепенно привело к душевному ожесточению. Теперь она корила себя за то, что поддалась его обаянию. Влюбилась, как наивная девчонка, а на деле оказалась всего лишь игрушкой,

с которой поиграли, а потом за ненадобностью выбросили. Быть игрушкой в руках даже самого замечательного человека не хочется никому. Поддавливали на принятие решения и близкие. Катя жила в обстановке непонимания. И родители, и подруги были против незнакомого им Михаила и уговаривали выйти за Леонида. Часто молодые в подобных случаях никого не слушают и под воздействием чувств бросаются в омут любви. У неё получилось наоборот. Разум победил сердце. Она сдалась и согласилась на брак с Леонидом.

*

Михаил приехал за три дня до свадьбы. Разыскал институт, где она училась, и после занятий состоялась их встреча. Катя вышла из учебного корпуса вдвоём со Светой. Михаил радостно окликнул её. Катя в смятении обернулась и едва не бросилась к нему, но сумела сдержаться и спрятаться за маской спокойного равнодушия... Взгляд Михаила натолкнулся на эту маску, радость на его лице погасла.

Они присели в сквере на нарядную скамеечку, раскрашенную диковинными цветами, под стать Цветочному городу, в который волею судьбы попал Незнайка. Света, которую распирало любопытство, оставила их наедине, но не ушла, а уселась на скамейке неподалёку, чтобы в случае надобности вмешаться и помочь подруге.

Со времени их случайного знакомства прошло совсем немного времени, но многое за этот период изменилось. Осень раскрасила в жёлто-оранжевые цвета деревья и кустарники. Лёгкий ветерок гонял по дорожкам опавшие листочки. Чудный день тёплого сентября располагал к лирике, но душевного взаимопонимания у влюблённых не случилось. Разговор получился коротким, совершенно не таким, каким представлялся тому и другому. Михаил начал так, как и задумал: взял в ладони её руку, однако дальше всё пошло не по плану. От волнения и неласковой встречи слова, которые заготовил, вылетели из головы, и он сделал предложение сумбурно и совсем не романтично:

— Катя, я люблю тебя и приехал за тобой! Выходи за меня! Меня направляют служить в Польшу, давай поженимся и уедем вместе!

Катя тяжело вздохнула. Ещё две недели назад она не раздумывала бы над его предложением и секунды, но ответить взаимностью теперь не могла. За последние дни сама себе внушила, что потеряла веру в его любовь, в искренность его чувств, и, самое главное, связала себя обязательствами с женихом и дала слово родителям. Ответила холодно, с трудом сдерживаясь, чтобы не выплеснуть своё негодование и неудовлетворённость:

— Быстрый ты, Миша, на решения, но сегодня опоздал. Торопиться надо было чуть раньше, когда я тебе поверила и ждала каждый день, а ты так и не приехал. Теперь всё изменилось... Через три дня выхожу замуж за Леонида. Да и не могу я всё бросить и уехать с тобой, мне ещё целый год предстоит учиться в институте...

Михаила смотрел на отстранённое, какое-то чужое лицо девушки и не мог понять, почему она приняла такое решение. Им так хорошо было в таёжной избушке, их чувства были обоюдными, что изменилось? Он горячо и торопливо принялся её убеждать:

— Катя, я виноват перед тобой! Пойми, я не мог приехать раньше — у меня умер отец. Не выходи замуж, у нас всё будет хорошо! Я тебя люблю — это главное!

Катя растерялась, на некоторое время потеряла над собой контроль. Смерть отца — причина более чем уважительная. Накатила волна жалости к Михаилу, но волну погасил возникший следом вопрос: почему ничего не сообщил? Можно было дать телеграмму. Находясь в полном смятении, она совершенно упустила из виду, что парень попросту не знал, куда ей писать. Настолько хорошо им было вдвоём, что они забыли обмениваться адресами. Она поймёт это чуть позже, а сейчас в ней разыгрался дух противоречия. Нет, нельзя поддаваться чувствам! Рвать — так рвать сразу! Она резко вскочила:

— Ты непробиваемый эгоист, Миша! Меня забыл спросить: люблю ли я тебя?! Спасибо за дивное время, проведённое в тайге, и... прощай!

Она развернулась и почти побежала к выходу из сквера. Женское поведение в такие моменты непредсказуемо. В душе её кипели страсть и возмущение, а сердце ждало иного: не остановит ли её Михаил, не заставит ли вернуться...

Михаил был молод, неопытен и совсем не разбирался в женской психологии. Словно громом поражённый, стоял и растерянно смотрел ей вслед. Все надежды и планы полетели в тартарары, а причина стара, как мир: она его не любит. Он возомнил невесть что, а она восприняла их таёжное знакомство и близость как приключение, как «приятное времяпрепровождение»...

К нему подошла Света, она слышала весь разговор. Девушке стало жаль парня, она посочувствовала ему:

— Что ж ты поздно приехал? Катя ждала тебя...

Михаил отсутствующим взглядом посмотрел на Свету, с трудом уловил суть её вопроса:

— Приехать раньше не мог. Умер отец, пришлось заниматься похоронами и поминками. Сообщить тоже не мог, я не знаю её адреса. Теперь всё понял: не захотела ждать, значит, действительно не любит...

Он опустил голову и направился в противоположную сторону от той, куда убежала Катя. Их вспыхнувшая в таёжной глуши любовь так и не смогла разгореться. По дороге жизни они пойдут порознь, а не вдвоём, на что ещё совсем недавно оба надеялись.

Света смотрела ему вслед. Она понимала и видела: подружка влюбилась в этого парня крепко и по-настоящему. И если бы он проявил должную настойчивость, всё сегодня могло измениться в его пользу.

«Гордый мальчик! — оценила она Михаила. — Но Леонид Катьке подходит больше, поэтому лучше оставить всё как есть».

Катя одумалась сразу после свадьбы. Они с Леонидом стали мужем и женой, но бракосочетание не принесло им того, что называют ёмким словом «счастье». Обычно после свадьбы между молодыми происходит притирка, в результате которой они становятся ближе друг к другу, лучше начинают понимать один другого. Их притирка имела обратный результат. С каждым прожитым днём они стали отдаляться друг от друга, пропасть непонимания между ними всё увеличивалась.

На первый взгляд в их отношениях всё осталось по-прежнему, на деле между ними встал третий. Как ни старалась Катя, она не могла воспринимать мужа таким, каким принимала его до знакомства с Михаилом. Первое время Леонид не скупился на ласки, но эта близость её раздражала. К его ласкам у неё возникало устойчивое неприятие. Она окончательно и бесповоротно поняла, что не любит мужа и сделала величайшую глупость, согласившись выйти за него. Осознала и степень вины перед Михаилом. Вместо сочувствия, которое нужно было проявить, как маленькая капризная девчонка оттолкнула парня, только что пережившего горе, отказалась выслушать его, не поверила в его любовь. Ко всему прочему Катя узнала, что беременна, и внутренним чутьём понимала: отцом будущего ребёнка не является её законный муж. Это ребёнок её и Михаила.

Катя запоздало корила себя: «Какая же я дура! Надо было не задумываясь бросаться к нему на шею и ехать с ним хоть на край света!» Теперь она не считала нарушение обязательств перед Леонидом и родителями предательством, потому что с ужасом начала осознавать: с человеком, который стал её мужем и которого она не любит, придётся прожить всю жизнь. И время, когда можно было всё исправить, без-

возвратно кануло в прошлое. Она совершила глупость, но поехать к Михаилу и признаться в этом было невозможно. Поезд умчал того за тысячи километров и отделил линией, которую называют «государственная граница».

*

Михаила направили служить в доживавшую последние годы Северную группу войск. За границей он побывал только один раз в детстве. В составе пионерской группы ездил в Германскую Демократическую Республику. Германия ему понравилась. Нечто подобное он ожидал увидеть и в Польше, но действительность разочаровала. Много слышал о гоноре и самолюбии поляков, однако сравнение с Германией убедило его, что гонор этот безоснователен. Польша во многом проигрывала соседней стране и предстала перед ним как страна контрастов. Наряду с современной техникой, хорошими, оборудованными по европейским стандартам дорогами, современными микрорайонами городов и заводами увидел он снопы на полях, лошадок, работающих вместо современных тракторов, гужевые повозки, о которых в Советском Союзе давно забыли, двигающиеся на буром угле паровозы и дома, отапливаемые коптящими небо печами. Кроме того, у него возникло ощущение, что вся страна сплошь состоит из торговцев. Вместе с крупными магазинами в городах было множество мелких торговых лавок и лавчонок со специфическим, неприятным для русского человека запахом. Современность и убогость соседствовали повсюду. Страна торговцев — сделал он свой первый вывод об этой республике. Однако жизнь страны пребывания отошла на второй план, как только его закрутила служба. На службе человек ощущает себя везде одинаково, в какой бы части света воинская часть ни находилась, потому как контактировать здесь ему приходилось только с соотечественниками. Служба на время притупила боль и обиду, нанесённую Катей, только ночью и в редкие часы отдыха мысли вновь и вновь уносились туда, где получил он первую в жизни душевную рану.

Михаил попал в понтонно-мостовой полк и был направлен командиром взвода в инженерно-мостостроительную роту. Есть такие подразделения в инженерных войсках: строят мосты на свайных опорах, но не где-то в тылу, а непосредственно в боевых порядках. Для этого в роте было всё необходимое. Рота могла строить деревянные мосты из готовых конструкций и одновременно изготавливать эти конструкции из леса, который находился поблизости. Если мост строился

с заготовкой конструкций, то темп строительства был в три раза медленнее. Сначала нужно было свалить лес, изготовить из брёвен сваи, напилить на передвижной пилораме брус, плаху, доски и изготовить из них пролётное строение. Потом перевезти всё это к реке. Непосредственно на реке нужно было забить сваи, обстроить их, то есть сделать опоры моста, уложить на них пролётное строение и обстроить мост. Такой деревянный мост выдерживал технику весом до шестидесяти тонн, по нему свободно могли переправляться современные танки.

Мостостроители и в мирное время занимались тем, что должны были делать в боевых условиях. Они имели возможность тренироваться в реальных условиях, собирая мост из готовых конструкций. Кроме того, часто строили деревянные мосты для гражданских нужд, в том числе и здесь, в Польше. Замполиты придумали название для этих мостов — «мосты дружбы». Одним словом, мостостроители совмещали полезное с приятным, так как лучшей боевой подготовки, чем практические занятия, ещё никто не придумал.

Михаила назначили командиром взвода заготовки конструкций. Само название говорило о том, чем этот взвод занимался. А если мост строился из готовых конструкций, взвод укладывал пролётное строение и обстраивал мост. Задачей другого (первого) взвода была подготовка опор моста. В их распоряжении был сваебойно-обстрочный паром, с помощью которого дизель-молотами забивались одновременно четыре сваи. Затем сваи опиливались и поверх них прибивалось опорное бревно.

Михаил прямо с дороги попал на осенние лагерные сборы понтонно-мостового батальона, в состав которого входила и его рота. Сдал в штаб документы, бросил в офицерской гостинице чемодан и с продуктовой машиной уехал в лагерь, который был разбит в пойме илистой и своенравной реки Варты.

Командир роты капитан Колбин представил взводу нового командира и напутствовал, как показалось Михаилу, излишне кратко:

— Сержанты у тебя опытные, люди дело знают. Заместитель командира взвода старший сержант Мартиросян три месяца исполнял обязанности командира взвода. Командуй, лейтенант, учи и воспитывай! Думаю, недели на то, чтобы освоить обязанности, тебе хватит.

И ушёл...

Михаил молча смотрел на выстроившихся в две шеренги солдат. Подчинённые смотрели на нового командира. Он не знал, что делать дальше, о чём говорить. Все теоретические знания, навыки, полученные на военной кафедре и на сборах, вылетели из головы. Понимал:

надо что-то сказать, но что? Наконец выдал из себя правду, которая, собственно, и поставила его в затруднительное положение:

— Честно говоря, я не представляю пока, чем вы занимаетесь, поэтому учиться придётся сначала мне у вас. Старший сержант Мартиросян завтра, как обычно, будет проводить занятия, а я первое время просто посмотрю...

Кто-то из солдат засмеялся... Мартиросян показал наглецу кулак.

*

Неделя пролетела быстро. Институтские знания и навыки деревенской жизни помогли Михаилу быстро втянуться в работу, которая повторялась изо дня в день. Заранее подготовленные пролётные строения в виде готовых блоков подвозились к урезу воды. Здесь перегружались автомобильным краном на паром с домкратами. Паром доставлял их к опорам, которые подготовил первый взвод. С паромом другим автомобильным краном, который стоял на построенном участке, пролётное строение укладывалось на опоры и крепилось. За неделю познакомился с солдатами и сержантами взвода, но доверительных отношений ни с кем не сложилось. Подчинённые видели в нём начальника, потому и держали с молодым офицером дистанцию.

Рота готовилась к итоговым осенним учениям. Главная задача на них: показать высокий темп строительства моста. Из заранее заготовленных конструкций мост нужно было строить с темпом от восемнадцати погонных метров в час — на «удовлетворительно», до двадцати пяти — на «отлично».

Взвод заготовки и сборки конструкций справлялся с обязанностями без особого напряжения. Темп строительства сдерживал первый взвод, который работал на сваебойно-обстрочном пароме. Дизель-молота, которые забивали сваи, вели себя капризно. То работали безотказно, то начинали вдруг один за другим глохнуть. Расчёты, во главе с опытным командиром взвода старшим лейтенантом Братковским, постоянно останавливали молота, что-то регулировали в них, но поработав какое-то время, те снова замолкали.

Братковский матерился и кричал:

— Сглазили нас вороги вместе с нашими молотами! На полигоне работали, как часы, на речке один за другим глохнут!

Систематическая регулировка молотов и отборные каскады ненормативной лексики, в которых поминались: бабушка, чья-то душа, женщины лёгкого поведения, собачьи особи женского пола и чаще всего чья-то мать — не помогали.

Михаил особо не задумывался над тем, что там у них происходит. Братковский — офицер кадровый. Выпускник военного училища, взводом командует три года. Свою работу знает хорошо, сам разберётся. Михаил полностью сосредоточился на своём взводе, чтобы, не приведи господь, не отстать от первого взвода. Освоив дело, он начал тренировать расчёты в слаженности, чтобы они понимали не только голосовые команды, но и сигналы, подаваемые свистком и флажками. Кадровые офицеры считали это ерундой, он отнёсся к этому серьёзно. Отдавая команды в шуме моторов, грохоте дизель-молотов, молодой лейтенант уже через три дня занятий сорвал голос. Мегафон помогал мало. Батарейки быстро садились, да и перекричать шум часто не удавалось даже с мегафоном.

Как бы то ни было, свои обязанности он освоил, а вот не проявлял интереса к действиям мостостроительного взвода зря, потому как вскоре в роте остался единственным офицером. Сначала тяжело заболел ротный.

Перед отъездом он построил роту и произнёс напутственную речь:

— Я убываю в госпиталь. За командира роты остаётся старший лейтенант Братковский. В этом году мы подготовились к учениям хорошо и темп должны дать нормальный. До седьмой отдельной мостостроительной роты нам далеко, она показала тридцать погонных метров в час. Но уложиться в отличный норматив мы обязаны. Я вас прошу: не проиграйте хотя бы третьей роте первого батальона...

Оставшись за ротного, Братковский по-прежнему сидел на молотах, стучал молотком по толкателям, регулировал впрыск топлива и «дорегулировался». За сутки до учений его нога случайно соскользнула на направляющую штангу, и движущийся по ней молот бобышкой стукнул его по пальцам. Временно исполняющего обязанности командира роты тоже увезли в госпиталь.

Михаил в тот злополучный день заступил дежурным по лагерному сбору. Его вызвал комбат Слинкин. Недавно получивший звание майор слыл в полку хорошим коммуникабельным мужиком, настоящим источником войскового юмора, потому как отпускал штампованные шуточки по любому поводу. Имел комбат и слабость, которая в последнее столетие стала губить русских людей. Служба в отдалённой местности на Дальнем Востоке способствовала его привыканию к спиртному. Не бросил он эту привычку и здесь, в Польше. В тяжёлые запои не входил, но почти ежедневно от него исходил аромат, явно указывающий на повышенную норму промилле в его организме. Комбат был раздосадован. Впереди осенняя проверка, а лагерные

сборы в мостостроительной роте завершаются кадровой чехардой. Из офицеров в строю один желторотик, которого самого ещё учить и учить.

— Видишь, лейтенант, у нас — как на войне. Всего неделю в армии, а приходится тебе уже роту доверять. Завтра с вашей ротой итоговые учения, принимаешь командование в самый ответственный момент. Обрати внимание на взвод Братковского, что-то с регулировкой молотов у них не идёт. Пока ночью в наряде бодрствуешь, почитай внимательно инструкцию.

Михаила новость не обрадовала, скорее ошарашила:

— Попробую, товарищ майор... А раз я остался из офицеров один, может, меня с наряда снимете?

Комбат скривил физиономию:

— Не попробовать я сказал, а командовать! Одна попробовала, родила после этого! И дрыхнуть тебе ночью некогда. В шесть утра из полка приедут проверяющие, тогда с наряда и сменим. Ты должен до этого времени загрузиться и подготовить роту к маршу в исходный район!

— Понял, товарищ майор, только я многого ещё не знаю, вы уж подскажите, если что буду делать не так.

Слинкин стукнул кулаком по столу и повысил голос:

— Подскажу, без контроля не останешься, но командовать за тебя не буду! Как хочешь крутись и вертись, но чтобы положительная оценка роте была! Всё, иди, готовься!

Ничего не оставалось Михаилу, как начать действовать. Нужно было загрузить все машины и построить роту в колонну. Любые учения начинались с выдвижения в запасный район. Там ставилась задача, оттуда рота выдвигалась к месту строительства моста. Он отдал своему взводу распоряжение на погрузку, а первому взводу велел ждать, сначала нужно было взглянуть на инструкцию, узнать, что не так с регулировкой этих злосчастных молотов. В палатке нашёл документацию и внимательно прочитал всё, что касалось работы и регулировки дизель-молотов. Уяснил, что при нормальной подаче топлива молота глохнут из-за плохой отдачи. То есть в том случае, если грунт слабый и свая легко уходит в него. Однако рекомендаций, что делать, не нашёл. Он ещё раз внимательно прочитал это место и увидел маленькую звёздочку, обозначающую сноску. Кинулся искать эту сноску и нашёл в конце инструкции. Напечатанная мелким, едва различимым шрифтом, она не привлекала к себе внимания, потому, видимо, никто не знал в роте об этом примечании.

Сноска объясняла неудачную работу молотов на илистой Варте. При забивке сваи в илистые грунты свая не заострялась, забивалась, как есть. Кроме того, длина толкателя дизель-молота устанавливалась максимальной — ровно пятьдесят миллиметров. Всё.

Михаила охватило волнение: неужели всё так просто? Он выскочил из палатки и кинулся к сваебойно-обстрочному парому. Нужно было проверить на практике то, что вычитал. В этот день первый взвод последнюю опору так и не забил. Из четырёх свай была забита лишь одна.

Лейтенант подозвал заместителя командира первого взвода и объяснил суть дела. Они вместе залезли на заглохший молот и установили нужную длину толкателя. После этого выдернули лебёдкой незабитую сваю и поставили под молот новую, у которой предварительно отпилили заострённый конец. Молот забил сваю без единого сбоя. Для гарантии всё повторили на двух других. Сваи тоже зашли в грунт без остановки. Михаил сам отрегулировал последний молот, дал команду выдернуть сваи, разобрать паром и загрузить его на машины. Сам направился к машине, на которую уже были загружены подготовленные классическим образом сваи. Здесь ему пришлось выдержать первый локальный бой. Сержант, который отвечал за подготовку и транспортировку свай, категорически отказался разгружать машину и отпиливать у свай заострённые концы. Мотивировал это тем, что за это его убьёт командир батальона, который лично учил его, как нужно готовить сваи.

Михаил приказал разгрузить машину. Когда это было исполнено, взял бензопилу и отпилил заострённые концы у свай сам. Таким образом он спас жизнь сержанту, но поставил под угрозу свою.

*

На рассвете мостостроительной роте сыграли тревогу. Сложностей не предвиделось, машины стояли в колонне — заводи и поехали. Но два ЗИЛа заводиться упорно не желали, аккумуляторы сдохли в самый неподходящий момент.

Руководитель учений — заместитель командира полка подполковник Пальый с кислой миной смотрел, как лейтенант, временно исполняющий обязанности командира роты, суетился с водителями, пытаясь завести машины. Старый подполковник не был специалистом инженерных войск. Его перевели в полк по знакомству, чтобы дать возможность дослужить срок, подкопить денег и благополучно уволиться на пенсию. Служба за границей давала определённые

преимущества, во всяком случае, два оклада платили исправно. Надо отдать должное: за четыре года службы в полку подполковник многое узнал и многому у сапёров научился. Учения с ротами проводил регулярно и по начальным действиям сразу же сделал вывод: рота под командой молодого лейтенанта если и выполнит задачу, то с большими потугами.

В запасный район выехали с опозданием, на марше колонна сильно растянулась, шла с непредвиденными остановками. Пока сосредоточились в районе, отставание от графика ещё больше увеличилось. На первом этапе рота «отвоевала» на твёрдую двойку.

В районе сосредоточения привели себя в порядок, позавтракали. После завтрака — общее построение, и Михаил, как мог, подвёл первые неутешительные итоги. Опыта в подведении итогов совсем не было. За спиной стояли и ловили каждое его слово проверяющий подполковник и комбат. Слушали, как бестолково мямлил перед личным составом двухгодичник, но не вмешивались, чтобы новоиспечённый командир окончательно не растерял и без того слабый авторитет.

После того, как Михаил закончил разбор, взял слово подполковник Палый. Хорошо поставленным командирским голосом он перечислил все недостатки, допущенные ротой на первом этапе учений и, укоризненно покачав головой, заявил, что пока рота действует только на «неуд». Чтобы заслужить положительную оценку, нужно очень постараться...

После этого комбат Слинкин зачитал роте приказ. Суть его была проста: выдвинуться к реке Варте и к такому-то времени построить через неё низководный деревянный мост на свайных опорах под грузы весом шестьдесят тонн. Вместе с приказом он вручил данные инженерной разведки, произведённой полковыми разведчиками.

Марш к реке прошёл более организованно. Михаил учёл свои ошибки и уже вполне сносно управлял колонной. Подразделение совершило марш без опоздания, но когда колонна добралась до берега, произошёл инцидент и не предусмотренная планом учений задержка. Руководитель учений прошёл вдоль колонны, и внезапно его взгляд остановился на машине, перевозившей сваи. Он немедленно приказал вызвать к нему комбата. Комбат подбежал к проверяющему, между ними произошёл неприятный диалог на повышенных тонах.

— Майор, ты почему лично не проверил готовность роты к учениям?!

Слинкин, огорошенный таким вопросом, попытался возразить:

— Как не проверил? С вечера проверил лично, всё было нормально!

Заявление комбата рассердило старого подполковника ещё сильнее. Лицо его покраснело от натуги, он повысил голос:

— Какого чёрта ты мне врёшь! Ты доверил командовать ротой лейтенанту, прослужившему в армии неделю, а сам устранился! Посмотри, он собрался забивать неподготовленные сваи!

Сказать по правде, Слинкин находился в состоянии лёгкого похмелья и только сейчас разглядел, что загруженные в машину сваи в нижней части были не заострены. Майору захотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не кошмарный ли ему снится сон. Накануне взвод на его глазах целый день готовил эти сваи. Всё было сделано строго по инструкции: и оголовки свай и нижняя их часть. Лицо комбата тоже налилось краской, и он заорал:

— Лейтенант Быков, ко мне!

Михаил подбежал, комбат показал на сваи:

— Это что?! Ты можешь объяснить, почему сваи оказались неподготовленными!

Михаил без всякого обоснования своих действий скромно признался:

— Это я их вчера опилил!

Последовала немая сцена. Подполковник и майор были повергнуты в ступор. После нескольких секунд гробового молчания Слинкин обречённо и тихо спросил:

— Зачем?

Михаил принялся сумбурно объяснять суть дела.

Подполковник Палый, не дослушав, махнул рукой: «Делайте, что хотите!» — и пошёл к урезу воды. Здесь, глядя на спокойно текущую воду, без всякого валидола успокоился и решил не вмешиваться в то, что творят подчинённые. В конце концов он вправе поставить им двойку и доложить командиру полка, что роте требуется повторная проверка.

Комбат тоже не стал вникать в околёсицу, которую нёс лейтенант, и, как только проверяющий отошёл, снова заорал:

— Что ты белиберду мне на уши вешаешь! Заострённые сваи тебе помешали?! Хреновому танцору всегда яйца мешают! Тебе сегодня мост надо строить, а не исследованиями заниматься!

Этот крик и нежелание комбата понять его заставили Михаила забыть о субординации, робости перед начальником, и он закричал в ответ:

— Не орите на меня! Назначили командиром, так дайте возможность командовать! Не мешайте мне выполнять задачу!

Слинкин в высшей степени изумлённо посмотрел на желторотика и с удивлением и тайным злорадством произнёс:

— Ну ты и борзОй!.. Хорошо, давай командуй, а мы посмотрим, что из этого получится... Не справишься — отстраню и ротой командовать старшину назначу!

Вместо ответа Михаил громко скомандовал:

— Рота, строиться в голове колонны!

Личный состав побежал к месту построения. Когда построились, Михаил вышел перед строем. Комбат стоял поблизости и наблюдал. Лейтенант вспомнил, как действовал в подобных случаях командир роты Колбин. Уточнил, всем ли понятен приказ, всё ли готово и, убедившись, что все расчёты на месте и задачу знают, громко скомандовал:

— Рота, к строительству моста приступить!

Рота начала действовать вполне организованно, что указывало на неплохую выучку. Быстро сбросили понтоны сваебойно-обстрочного парома, собрали его и приступили к забивке свай первой опоры. Так же быстро собрали паром с домкратами. На берегу подогнали кран, подвезли первые опоры. К удивлению и комбата, и проверяющего незаострённые сваи прекрасно забивались в грунт, молота работали безотказно, сваебойно-обстрочный паром стал уходить вперёд так быстро, что взвод Михаила, который укладывал пролётное строение, начал отставать. Чтобы подтянуть отстающих, Михаил перешёл к своему взводу и принялся командовать обстройкой моста лично, подгоняя тех, кто настроился работать неспешно. Темп строительства ускорился.

Подполковник Палый и майор Слинкин стояли на берегу и с изумлением наблюдали, как абсолютно никчёмная рота, воодушевившись хорошей работой техники, с азартом и желанием выполняла задачу. До выхода на противоположный берег оставалось забить две опоры. Подполковник Палый посмотрел на часы и повернулся к Слинкину:

— Это какая-то фантастика. Они показывают темп сорок погонных метров в час!

Слинкин и сам видел, что рота его батальона в шаге от полкового рекорда. Такого никогда не было. Не мог подумать, что его мостостроительная рота может составить конкуренцию отдельной седьмой роте, укомплектованной кадрами и техникой по высшему разряду.

Но лукавый не дремлет. Один из молотов всё же дал сбой, когда до полной забивки сваи оставалось с десятков ударов. Михаил работал на берегу и поздно заметил это. Молот заглох и никак не хотел заводиться. Возле него в полном ажиотаже суетился комбат. Из-за остановки рекорд может не состояться. Слинкин приказал солдатам забить сваю вполне «оригинальным» способом. Как при запуске, они поднимали молот лебёдкой и бросали его. Молот чихал несколько раз и глох, но свая от удара уходила в грунт на несколько сантиметров. После этого всё повторялось.

Михаил моментально понял: теряют драгоценное время. Не только в рекорд, но и в норматив могут не уложиться. Он бросился к молоту, но на пути встал комбат:

— Товарищ майор, на толкателе контргайка отошла, надо отрегулировать длину и её закрутить.

Комбат решил по-своему:

— Лейтенант, не мешай, пусть они забьют эту сваю хотя бы так!

— Это вы мне мешаете!

Эмоции захлёстывали. Михаил оттолкнул комбата в сторону и ринулся к молоту. Майор от толчка упал и едва не свалился в воду. Он опешил от негодования, но лейтенант был уже наверху и с помощью ключей и обычной офицерской линейки выставлял длину толкателя. Молот снова заработал. Эта заминка снизила темп строительства — и рекорд полка не состоялся. Тем не менее, рота показала лучший результат в учебном году — тридцать три погонных метра в час. С учётом огрехов при совершении марша подразделение получило твёрдую четвёрку за учения.

Поражение — сирота. У победы много отцов. Никто не ставил этот результат в заслугу без году неделю прослужившему в войсках лейтенанту. Но подполковник Палый на совещании офицеров отметил его с лучшей стороны и попенял старшему лейтенанту Братковскому. Две недели регулировал дизель-молота кадровый офицер без толку, а молодой лейтенант выполнил это за пять минут с помощью обычной офицерской линейки. Старожилу Братковскому было обидно, а авторитет Михаила в офицерской среде сразу вырос. Его служебная деятельность налаживалась, о жизни личной не было и речи. Какая личная жизнь может быть в изолированном, находящемся в чужой стране военном гарнизоне? До ближайшего польского городка было пять километров. Вся жизнь холостяков замыкалась внутри гарнизона, в котором располагался полк совместно с танковым полком Войска Польского.

Глава 3

Михаил относился к воинской службе серьёзно и часто задерживался в роту допоздна. Так оставалось меньше личного времени, которое он здесь, в армии, невзлюбил. Лишь только оказывался наедине со своими мыслями, неизменно наползала тоска. Женатые офицеры после службы спешили к семьям, у холостяков выбор был небогатый.

В гостинице кроме него жили ещё три молодых офицера. Обычно проводили вечера в полковом кафе «Берёзка» или в ближайшем польском «Казино». «Казино» не имело ничего общего с игорным заведением. Так называлось кафе польского танкового полка. Туда забегали советские офицеры и офицеры Войска Польского выпить пива или что-нибудь покрепче, полакомиться бигосом шлёнским и голёнкой з муштардой, а заодно, повысив градус, поболтать с братьями по оружию. Обсудить, например, как ловкий и хитрый советский солдат продал жолнежу Войска Польского бронзовое кольцо вместо золотого, на котором была выбита даже проба. А когда пришёл в магазин с вырученными в результате «удачной сделки» деньгами, выяснилось, что поляк расплатился с ним давно вышедшими из обращения злотыми. Других развлечений не было. Уходить в злачные места и заводить шашни с паненками под страхом выдворения из заграницы запрещал особист.

Вечерние попойки быстро надоели. Пробовал сидеть в гостинице перед телевизором или читать книги — выходило не лучше. Финал был один: тосковал по дому, по родной стороне и чаще всего — по Кате. Не мог забыть девчонку. Мысли часто улетали в уголок уральской тайги, где они, словно на необитаемом острове, прожили три счастливых дня. Там пахло хвоей, таёжным разнотравьем и брусничкой, которую собирали меж сосен, а потом из рук кормили друг друга. В воспоминаниях душа его стремилась туда, где старая охотничья избушка с топчаном, сваренной каким-то умельцем печкой — буржуйкой и единственным окошком стала прибежищем их любви, свидетелем их короткого счастья. Воспоминания вызывали и радость, и грусть, и обиду. Он чувствовал и понимал: девчонка была с ним искренней, влечение друг к другу обоюдным. Почему же она отказалась от всего и категорически отвергла его любовь? Он и хотел и не хотел искать ответ на этот вопрос. Понимал: если ответ найдётся, исчезнет навсегда даже призрачная надежда.

В самом начале нового года Михаила вызвал в свою канцелярию комбат Слинкин и огорошил неожиданным вопросом:

— Ну что, лейтенант Быков, не утомила ли тебя воинская служба? Не пора ли съездить в отпуск и немного отдохнуть?

Михаил ожидал чего угодно, но только не этого:

— Товарищ майор, какой отпуск, я прослужил всего четыре месяца!

Слинкин ухмыльнулся:

— А ты что, хотел в отпуск летом? Совсем не знаешь воинских традиций, лейтенант. Солнце светит и палит — в отпуск едет замполит! За окном январь холодный — в отпуск едет Ванька взводный... Так что собирайся, сдавай взвод Мартиросяну, и вперёд... в Россию! И мой тебе совет — женись, иначе сопьёшься в нашей гостинице.

Михаил всё ещё непонимающе смотрел на комбата:

— Товарищ майор, а командир роты в курсе? Как-то через голову получается... И почему я должен сдать взвод, меня за что-то отстранили?

Слинкин посерьёзnel:

— Колбин уже не твой командир. Ты парень толковый, мы решили перевести тебя в четвёртую понтонную роту. Так что после отпуска будешь командовать понтонно-мостовым взводом с перспективой на роту. Ты же хочешь в понтонёры?

— Хочу. Нравится мне это дело.

— Ну вот! Вернёшься, примешь новый взвод. Покажешь себя хорошо — получишь должность ротного и оставим тебя в кадрах.

*

Съездить в Пермь и встретиться с Катей, как намечал ранее, не получилось. В глубине души сознавал: поездка эта ничего не даст и только разбередит душу. Ко всему, как по заказу, затеял свадьбу старый студенческий друг и пригласил его быть свидетелем. Михаил из Москвы сразу направился в Свердловск, да там и остался. На свадьбе познакомился с Маргаритой, свидетельницей невесты. Не выделить среди гостей стройную, симпатичную брюнетку он не мог. Когда свадьба запела, выявилось ещё одно достоинство девушки: она обладала красивым и сильным голосом и прекрасно пела. Знала мелодии и слова всех популярных песен, но особенно хорошо у неё получались народные. Михаил сам пел редко, но слушать песни любил, потому сразу проникся к красавице симпатией. В разгар свадьбы у него зародилась мысль: «А не жениться ли, как посоветовал комбат?»

Маргарита в Свердловске явно скучала и не скрывала своей обиды на судьбу. Закончила в столице престижный вуз — факультет

международной торговли открывал прекрасные перспективы, однако при распределении её услали на российскую периферию. Козни устроил декан, который безуспешно пытался сделать студентку-красавицу своей любовницей. С Михаилом она собиралась просто пофлиртовать, но когда узнала, что парень служит за границей, её интерес к нему резко возрос. Он сам проболтался во время танца. И хотя пытался скептически шутить: «Курица не птица, Польша не заграница!», девушка для себя сделала вывод: «Такого холостяка упускать нельзя. Слегка наивный — так это даже лучше!»

Завершилось их случайное знакомство поспешной, за две недели организованной свадьбой.

После свадьбы они съездили к матери в деревню, побывали на могиле отца. Мать благословила их брак и всё время твердила, что им обязательно нужно «наращать детей». Семьи без детей — пустоцветы.

К родителям Маргариты они не поехали. На этом настояла сама Маргарита, опасавшаяся крупного скандала. Родители были в шоке от того, что любимая дочь выскочила замуж тайком, без их согласия, да к тому же за какого-то неизвестного и неродовитого офицера.

Отгуляв продолжительный отпуск «заграничника», совмещённый с медовым месяцем, в часть Михаил возвращался в начале апреля. В поезде отсыпался и отдыхал. Осмысливал новый поворот в судьбе и подолгу смотрел в окно, где пейзаж от заснеженного белого однообразия плавно переходил к картинам зрелой весны. Повезло живущим в Европе с климатом. Печка под названием «Гольфстрим» хорошо отапливала этот уголок земли, и в отличие от родного Урала, где всё ещё лежал снег, в западной части Польши, до войны принадлежавшей Германии, уже зацветала дикая груша. Он ехал служить с большой надеждой: после женитьбы жизнь его непременно наладится. Появятся семейные заботы, родятся дети и уже не придётся думать о том, чем заполнить пустоту холостяцкого существования.

Через полтора месяца оформила документы и приехала Маргарита. Командир полка выделил им жильё в двухкомнатной квартире, где в соседней комнате проживал прибывший в полк чуть раньше прапорщик Иван Грицак со своей молодой женой Марийкой, яркой, очень активной и любвеобильной хохлушкой, успевшей за короткое время пофлиртовать с несколькими офицерами и прапорщиками. Сам Грицак был под прочным Марийкиным каблуком, роптать по поводу неверности жены не имел ни малейшего права, хотя регулярно такие попытки предпринимал.

Совместное проживание семей в одной квартире давало повод позубоскалить. О таких молодых семьях в полку ходили легенды, которые имели реальное основание. На слуху у всех был случай, когда две молодые пары настолько «сдружились», что поменялись супругами и к новому месту службы убыли в обновлённом составе. Бывал и противоположный вариант — у соседей проявлялась полная несовместимость. Начинали ругаться, скандалить и жаловаться друг на друга в политотдел. Бытовые скандалы не красили полк, и всё же командир полка вынужден был идти на такое распределение жилплощади просто потому, что отдельных квартир на всех не хватало. В данном случае две молодые семьи хорошо ужились. Мужчины служили в разных подразделениях, и делить им было нечего, а Маргарита с Марийкой, несмотря на разницу в образовании и воспитании, как это ни покажется странным, быстро нашли общий язык.

*

Катя переносила беременность хорошо и ждала ребёнка с волнением и душевной радостью. Теперь она была уверена, что забеременела именно от Михаила, когда не предохраняясь миловалась с ним, и это, как ей казалось, давало шанс изменить свою жизнь в будущем.

Они жили с Леонидом вдвоём в квартире его родителей, которые второй год находились в командировке в Египте. Отец, инженер, участвовал в каком-то крупном строительстве. Мать, опытный врач-терапевт, работала по специальности.

Леонид перемены в их отношениях связывал с таёжным происшествием. Он ждал от жены покаяния и раскаяния, а она с этим не спешила. Однажды в воскресенье, когда на улице разыгралась последняя мартовская метель, он не убежал, как обычно, по делам, а подсел к Кате и попытался вызвать жену на откровенный разговор:

— Катя, какая-то ты другая стала, давай поговорим откровенно, скажи, что тебя в нашей жизни не устраивает?

Супруга отвечать откровенно не стала. Пожала плечами и ответила спокойно, без всяких эмоций:

— С чего ты взял? Меня всё устраивает. Другая стала, потому что жду ребёнка, беременность всегда меняет женщину...

Его взбесил её похожий на отговорку ответ, но он сдержался и продолжил в том же, как ему казалось, доброжелательным тоне:

— Нет, Екатерина, ты сильно изменилась, а я не пойму, в чём причина. Неужели тебя так сильно зацепил этот таёжный бродяга?

Катя и на этот раз уклонилась от прямого ответа:

— Зацепил — не зацепил, какая теперь разница... Я вышла за тебя и буду жить с тобой, кого бы раньше ни любила...

Он воспринял её ответ как очередной удар по его самолюбию и озвучил вывод, который постоянно крутился в его голове:

— Значит, у тебя с ним на самом деле было что-то серьёзное...

Этот разговор только углубил раскол. В мае, когда родился сын Алёшка с ярко-синими глазами, признаваться ни в чём уже было не надо. Что тут скрывать, если в её родне и в родне мужа глаза сплошь у всех карие. Но не зря мать и отец называли её упрямецой. Она ни в чём не созналась, не покаялась и так и не рассказала мужу правду. Считала: если суждено жить вместе — со временем всё само собой рассосётся и забудется, а не суждено — так и откровенничать ни к чему. Поэтому на любопытство знакомых и неудобные вопросы родных лишь неопределённо пожимала плечами и валила всё на генетику:

— Генетика — дело тёмное... Видимо, был кто-то синеглазый в родне.

Леонид, для которого всё окончательно прояснилось, в ответ на это её заявление гневно сверкнул глазами и ехидно бросил:

— Хорошо, хоть негра и китайца в «нашей» родне не оказалось!..

С этого момента супруги стали стремительно отдаляться друг от друга. Они жили вместе, но каждый своей жизнью. Она, несмотря на трудности, связанные с родами, всё же защитилась и получила диплом. После чего полностью переключилась на сына, который стал главным человеком в её жизни.

Он сосредоточился на своей карьере. К родившемуся ребёнку был холоден, интереса к нему не проявлял, хотя в средствах, которые то и дело требовались, Кате не отказывал. Теперь, когда Леонид убедился в неверности жены, он посчитал себя человеком морально свободным и начал втихую одну за другой покорять молодых студенток. При этом формально вёл себя как добропорядочный семьянин, тщательно скрывал размолвку с Катей, был исключительно вежлив с Жуковыми-старшими. Те, как могли, помогали молодой семье. Мария Павловна нянчилась с внуком, когда дочь убежала в институт. Юрий Макарович деятельно поддерживал зятя во время защиты диплома, а позднее в выстраивании его карьеры.

Произошло после рождения ребёнка и ещё одно событие. Подружка Света, которая всегда всё и обо всех знала, по каким-то ведомым только ей каналам разузнала, что Михаил женился и увёз молодую жену в Польшу. Она сразу же рассказала об этом Кате.

Как ей казалось, это известие должно было несколько охладить чувства подруги к «таёжному другу» и заставить нормализовать отношения с Леонидом.

Екатерина виду не подала, но удила закусилась. Надежда на встречу и возобновление отношений с Михаилом растаяла. «Страдать, так страдать — сама виновата», — рассудила Катя, выбросила из головы мысли о разводе с Леонидом и полностью сосредоточилась на воспитании сынишки. При этом отношения с мужем её волновали всё меньше и меньше. Формально она поддерживала семейные отношения, на деле — жила в своей скорлупке.

*

В гарнизонной суете, войсковых буднях с нарядами, командировками, лагерями и учениями потянулись дни за днями и незаметно пролетел год. За это время Михаил завоевал определённый авторитет и стал в полку своим человеком. У него сложились ровные, доброжелательные отношения с офицерами батальона. Его признал и оценил Полкан. Полканом за глаза называли командира полка Антонова. Грубоватый, с вечно сердитой поглядкой и излишне строгим голосом, полковник имел довольно вспльчивый характер. Вывести из себя его мог любой, самый пустяшный просчёт подчинённых, и тогда разражалась гроза, которая, к счастью, очень быстро проходила и, как правило, не приносила провинившемуся серьёзных последствий. У полковника Антонова в характере преобладала главная черта: он не любил бездельников. Черта эта проявлялась по-разному. Мог, к примеру, увидев возле контрольно-пропускного пункта неприбранный окуроч, заставить наряд перекрасить только вчера выкрашенные ворота. Эта же черта способствовала тому, что, послужив под его началом, никто из офицеров и прапорщиков на него не оставался в обиде. Людей деятельных, активных он подмечал и двигал по служебной лестнице у себя в полку. От бездельников как можно скорее избавлялся. С помощью обширных знакомств находил им в других частях более престижные и удобные должности и, не затягивая, оформлял перевод.

Михаила командир полка отнёс к группе людей деловых. И было за что. Молодой лейтенант к исполнению обязанностей командира понтонно-мостового взвода отнёсся добросовестно и добился заметных успехов. В летних лагерях его понтонный взвод показал лучшие результаты. Он и в этой роте учил подчинённых понимать сигналы и команды с полуслова, не тратить время на бестолковые крики и бол-

товню, беспорядочную и хаотичную беготню, не проявлять липовый героизм, а добивался работы быстрой, чёткой и слаженной.

Почему здесь упомянут липовый героизм, можно пояснить на одном только примере. Часто при сборке наплавных паромов и мостов можно наблюдать, как солдаты бросаются в ледяную воду, чтобы руками подвести понтоны друг к другу и тем самым ускорить сборку. Нелзя без умиления смотреть на эту самоотверженность и не похвалить солдата за геройский поступок, если не понимать, что следом за сборкой парома и моста в боевой обстановке или на учениях с войсками этим промокшим насквозь солдатам придётся в течение длительного времени переправлять боевую технику. Костюмы понтонёра, которыми их снабжают, сохраняют герметичность только в первую неделю, пока новые. Поэтому в холодное время года подобный героизм выливается в серьёзную болезнь солдат, а иногда и в не боевые потери. Михаил в своём взводе сразу же прекратил подобную практику и заставил подчинённых работать так, как предписано в инструкции — баграми. Для этого он не только восстановил утерянные багры, но и добился того, чтобы ремонтный взвод полка изготовил для его подразделения по два багра на машину. Рассудил он вполне здраво: нужно научить солдат работать грамотно, а героизм проявить в случае чего никогда не поздно. После этого весь батальон с большим интересом наблюдал, как переучивались солдаты взвода лейтенанта Быкова. Как мучились они, пытаясь бестолково и суетно стягивать понтоны в ленту баграми. Недели две мучились... Потом пришёл навык, и взвод стал укладываться в норматив «не замочив ног», а к концу лагерных сборов выполнял нормативы лучше всех в полку.

Успехи молодого лейтенанта не только подняли его авторитет, но кое у кого возбудили зависть. Среди завистников особо выделялся командир пятой роты капитан Полынин. Второй понтонно-мостовой батальон имел в своём составе три роты: две понтонно-мостовые — четвёртую и пятую — и одну мостостроительную — шестую. Четвёртая и пятая роты были извечными соперниками, потому Полынин любой успех четвёртой роты воспринимал с ревностью. От природы капитан был человеком высокомерным, злопамятным и завистливым. Когда лучшим по итогам лагерного сбора объявили взвод лейтенанта Быкова, Полынин проникся к молодому выскочке антипатией. Подлила масла в огонь и зависть в личной жизни. Полынин был женат на дочке генерала — женщине некрасивой. Сошлись с ней они не столько по любви, сколько по расчёту. На фоне жены Полынина Маргарита Быкова смотрелась королевой. Капитан вёл себя

с лейтенантом высокомерно: негоже опускаться старшему по должности и по званию до какого-то лейтенанта-двухгодичника. Поэтому прямых стычек у них не было, но сильнейшую антипатию со стороны капитана Михаил почувствовал, и инстинктивно в нём возникла ответная неприязнь. Рано или поздно это должно было привести к конфликту.

*

В семейной жизни у Михаила с Маргаритой что-то не срасталось. Внешне у Маргариты всё складывалось хорошо. Элегантную красавицу в гарнизоне заметили и оценили сразу. Уже через две недели она пела в гарнизонной самодеятельности, а немного погодя стала незаменимой помощницей для заместителя командира полка по тылу. Его заинтересовали её знания в торговле, предприимчивость, и Маргарита была зачислена товароведом для закупки и завоза в гарнизонный магазин польских товаров. Иначе говоря, стала замом по дефициту! После чего добрая половина женщин гарнизона тут же прониклась к ней уважением, а другая половина принялась перед молодой красавицей откровенно лебезить. Но внешние успехи не помогли Маргарите сохранить душевное спокойствие. Внутри нарастало напряжение: она поняла, что ошиблась.

Михаил много времени проводил на службе, однако домой шёл с охотой. Не в пустую холодную гостиницу топал, как в начале службы, а в свой угол, в свою комнатку, где ждёт красавица жена. Хотя послесвадебная увлечённость и острота чувств схлынули, он привязался к супруге. Совсем иначе их брак воспринимала она. Тому, что в их отношениях появились трещинки, было несколько причин. Главная — полное разочарование Маргариты в гарнизонной жизни. Её мечты о загранице не совпали с реальностью. Это угнетало и наталкивало на мысль, что она совершила ошибку — выбрала не того мужа. Михаил хотел создать нормальную офицерскую семью, которая была бы его крепким тылом, где жена и дети, не раздумывая, как нитка за иголкой ехали бы с ним туда, куда пошлют. Мечтал о том, чтобы у них было, как минимум, двое детей: девочка и мальчик — сперва нянька, потом лялька. Она заводить детей категорически отказывалась: перспектива офицерской жены — мотаться за мужем всю жизнь по гарнизонам — её не устраивала. При таком раскладе карьеру делал муж, а никак не жена. У них назревал серьёзный разговор, они должны были обозначить свои интересы и решить, как жить дальше.

В один из редких выходных дней Михаил уговорил Маргариту прогуляться. Они вышли за пределы части и, переговариваясь ни о чём, направились вдоль могучего европейского леса, состоящего из дуба, граба, бука, ясеня и прочих редких для Центральной России лиственных деревьев. Михаил пытался разговорить Маргариту, но она отвечала односложно и постоянно отводила глаза.

Ненадолго зашли в чащу леса. На опушке было солнечно и светло, внутри — прохладно и темно. Тянуло сыростью, запах у леса был чужой, не такой, как у леса русских равнин, и уж тем более отличался от запаха тайги. Обоим стало холодно и неудобно, они поспешили выбраться на солнце. На опушке Михаил взял жену за руки и, пытаясь заглянуть ей в глаза, спросил:

— Рита, мы так и будем с тобой жить каждый в своём мире? Мне не нравятся наши отношения, давай поговорим откровенно и выясним, что не так?..

Маргарита тотчас отвела глаза в сторону, но ответила согласием:

— Давай поговорим...

— Рита, я не пойму, что с тобой происходит? Вроде бы всё у нас хорошо, а ты ходишь словно в воду опущенная... Скажи честно и прямо — чем ты недовольна?

Маргарита на этот раз глаза отводить не стала, выдержала взгляд Михаила и коротко бросила:

— Всем!..

Михаил непонимающе уставился на неё. Супруга словно взорвалась, слишком долго молчала:

— Миша, мы с тобой совершили большую ошибку! Не надо было нам сходиться! У нас разные цели в жизни и различные интересы. Тебя устраивает такая жизнь, карьера военного, а я не хочу так жить! Я училась в Москве не для того, чтобы работать в каком-то заштатном гарнизонном магазине... В конце концов... хочу попробовать стать профессиональной певицей! Да что много говорить — нам надо расстаться!

Михаил её признанием был ошеломлён. До этого надеялся: взаимоотношения можно подкорректировать, что-то подправить, что-то изменить. Считал главным виновником семейных разногласий себя и свою службу. Теперь в одно мгновение стало понятно: дело не в личных отношениях — её не устраивает сам образ их жизни. Маргарита из другого теста и из иного мира. Получалось, что говорить им действительно не о чем. Михаил прервал затянувшуюся паузу и угрюмо поставил в разговоре точку:

— Понял тебя: не по себе я срубил дерево... Только прошу тебя, не торопись. Давай дождёмся отпуска и решим этот вопрос в Союзе.

*

Как ни старалась Катя жить своей отдельной жизнью, не обращая внимания на мужа, у неё это не всегда получалось. Совместно проживающие люди хочешь не хочешь всегда в контакте друг с другом. И в ней проявлялась какая-то раздвоенность. Иногда ей хотелось возобновить с мужем нормальные отношения, иногда она его откровенно ненавидела.

Катя с большим удовольствием нянчилась с сыном, сполна отдавала зачатому в любви ребёнку всю свою материнскую любовь. Алёшке шёл второй год, он менялся на глазах, становился с каждым днём всё интереснее. Подходило время, когда ему будет необходим отец — человек, которого он назовет папой. Но Леонид оставался к ребёнку равнодушным. Мысль о том, что в маленьком человечке течёт не его кровь, превратилась в иголку, непрерывно коловшую его самолюбие и возбуждавшую в душе неприязнь и к Кате, и к её сыну.

Год назад Катя ещё надеялась: если родится второй, их общий с Леонидом, ребёнок, у мужа проснётся отцовский инстинкт, который заставит иначе относиться и к первенцу. Но из затеи родить второго ничего не вышло. Супруги периодически ложились в одну постель, чтобы «исполнить супружеские обязанности», однако забеременеть она так и не смогла.

На людях они по-прежнему делали вид, что у них всё в порядке. Он даже говорил о том, что любит её. На деле их отношения подходили к той черте, когда и муж и жена говорят один про другого: «Опостылел!».

Теперь Катю раздражало в нём всё. Его формальное и притворно-сладенькое «малыш». Слово, которым он именовал не только её, но и, она знала это точно, всех своих молоденьких студенток-любвиц. Ни одну из них он никогда не называл по имени, чтобы не проговориться: «малыш» тут, «малыш» там. Леонид вёл себя с юными девами подобно тому, как ведёт себя испытывавший «непередаваемое удовольствие» наркоман. Обвораживал очередную жертву, завлекал её своим обаянием, получал определённую порцию удовольствия, после чего бросал и переключался на поиски новой «дозы».

За всей его ухоженностью, отутюженными рубашками, тщательно выбранными дезодорантами и духами, изящными манерами, за его безукоризненно подобранным щегольским нарядом чувствовал-

ся вышедший на охоту самец. Для него высшей ценностью в жизни был он сам, его похоть и его желания. Любимой у него стала фраза: «Жизнь коротка, нужно успеть взять от неё как можно больше!» Катя правильно понимала его: успеть получить больше удовольствий. Он и успевал. Делал карьеру, зарабатывал всеми доступными способами деньги и покорял дурочек, которые слетались к нему, как мотыльки, и даже ожёгшись повторяли: «Ах, какой мужчина!»

А мужчина, на её умудрённый семейной жизнью взгляд, был обыкновенным пустоцветом, жившим ради удовлетворения своих порочных страстей. Она больше не могла его не только любить, но и просто терпеть и уважать.

Пришла очередная осень, и стало ещё хуже. Катя любила весну. Весной оживала вместе с природой. Поздняя осень её угнетала. Низкое тёмное небо, отсутствие солнечного света, пропахший дождём и прелой листвой воздух, нудный морозящий дождь давили на психику, нагоняли тоску. В такие дни она уходила в воспоминания.

Вспоминала, как бродили с Михаилом по лесу и собирали грибы, а вечером варили из них похлёбку, добавляя в неё немного тушонки. Кажется, вкуснее похлёбки она никогда не ела.

А однажды после прогулки по лесу купались в холодном ключе. Она прыгнула за ним в воду смело и решительно, а потом долго не могла согреться, и он устроил ей тёплый душ. Поливал на неё из ковшика тёплую воду, подогретую в чугуне на печке-буржуйке.

Вспомнила, как, сидя перед жарко натопленной печкой, поддразнивала Михаила: заявила, что собралась замуж за Леонида. Как разволновался он и кинулся её горячо убеждать:

— Катя, не торопись выходить за него! Может оказаться так, что у вас с ним нет ничего общего, и когда разберёшься в своём избраннике, вам не о чем будет с ним даже разговаривать!

Потом внезапно, словно вспомнив что-то важное, замолчал и с едва заметной печалью в голосе тихо спросил:

— Неужели тебе совсем плохо со мной?

А ей только этого и надо было: увидеть, как он при таком известии разволновался... Почувствовать, что она ему небезразлична...

Михаил оказался прав: с её законным супругом ей разговаривать действительно не о чем. Задним числом она понимала: Михаил — вот её настоящий мужчина. Почему она поняла это так поздно? Ведь любовь, настоящая любовь подсказывала ей... Не зря же так часто ей стали сниться сны, в которых Михаил обнимал её и целовал. Целовал в губы, потом покрывал поцелуями её тело, а ей хотелось ещё и ещё...

Как в той таёжной избушке, где провели они незабываемые три дня и три ночи.

Она получала от этих объятий такое удовольствие, которого никогда не испытывала со слащавым и холодным красавцем Леонидом даже в первый год их близости, в год, когда он пытался быть с ней напористым и пылким.

Во сне она смеялась от счастья и льнула к Михаилу всем телом, а проснувшись, понимала, что вокруг реальный мир, чужой и холодный. Враз остывала, осознавая, что это всего лишь сон, всего лишь душевные отголоски близости, возникшей между ними в той избушке, которая могла связать их навек.

А Мулерман пел и пел свою песню про тополиный пух. Прав он — сердце на двое не разделится... «Миша-Мишенька, какую же я совершила ошибку», — вместе со слезами выливалось из её сердца...

Глава 4

Просуществовав чуть больше года, поспешный брак Михаила и Маргариты распался. Их устремления, интересы и воспитание оказались настолько разными, что кончиться их семейная жизнь должна была тем, чем часто в таких случаях заканчивается: жена предала вечно занятого на службе мужа.

Командира пятой роты капитана Польшина полковник Антонов тоже причислял к группе деловых людей. Мало того, тот значился в списках особо приближённых. Не только потому, что являлся зятем известного генерала, но и оттого, что от природы обладал даром ловкого, пронырливого добытчика. Он лучше других был осведомлён, где, что и как можно было выгодно купить у поляков, что и где можно было им продать. В глазах начальства это делало его человеком незаменимым. Если нужно было достать дефицит, то на поиски отправляли Польшина.

В разгар лагерного сбора Польшина отозвали в полк. Требовалось срочно «отоварить» членов московской комиссии, проверявшей инженерное управление. Начальник инженерных войск лично приехал в полк, вручил офицеру перечень того, что требовалось закупить, и дал на всё три дня. Для контроля качества товаров и закупки женской одежды с Польшиним отправили Маргариту. Капитан заглядывался на красавицу и, воспользовавшись представившимся шансом, использовал все свои уловки, чтобы её обольстить. Маргарита на повы-

шенное внимание со стороны напарника отреагировала положительно. Ей было интересно: что из этого получится? Начать поиски дефицита было решено со столичных магазинов. В Варшаве они пробыли двое суток, за это время настолько сблизились, что в гостинице переспали в одной постели. Тому и другому это понравилось, и с этого момента любовники начали встречаться регулярно. Они соблюдали конспирацию и старались встречаться за пределами гарнизона, выискивая любой предлог для совместных поездок. Однако тщательная маскировка и в таких случаях даёт обратный результат. Утаить в мешке шило пробуют многие — эффект всегда один и тот же. Скоро в гарнизоне об их связи не знали только жена Польшина да Михаил.

Михаил в это время осваивал новую должность. Командира четвёртой роты отправили преподавателем на военную кафедру. Исполнять обязанности ротного назначили лейтенанта Быкова. С первых же дней у нового командира возникли трудности: начал открыто ставить палки в колёса второй взводный — старший лейтенант Довганюк. Его возмутило то, что комбат доверил вакантную должность не ему, а молодому, не имеющему достаточной профессиональной подготовки лейтенанту-двухгодичнику. Довганюк и так-то командовал взводом спустя рукава, а теперь и вовсе занялся откровенным саботажем. Хорошо хоть командир берегового взвода старший прапорщик Вершинин в их противостояние не ввязывался и сохранял нейтралитет.

Между тем с уходом старого ротного обстановка в роте ухудшилась. Заметно упала дисциплина, произошло несколько случаев воровства. После выдачи денежного довольствия пропали деньги сразу у нескольких молодых солдат. Профилактические беседы, проведённое комсомольское собрание результатов не дали, вора так и не выявили. Сержант Высоцкий, секретарь комсомольской организации, беспомощно разводил руками: «Ничего не могу поделать!» Вдобавок ко всему вышла из-под контроля группа азербайджанцев, которые держались особнячком и в буквальном смысле относились к службе так, как предписывала поговорка: «Солдат спит — служба идёт!»

Но Михаилу удалось справиться с ситуацией. Помощь пришла с неожиданной для него стороны. Молодому ротному принялся активно помогать старшина роты — старший прапорщик Анцупов.

Весельчак и балагур из той породы, которые нравятся женщинам и имеют авторитет у мужчин: умный, добродушный и вместе с тем строгий и справедливый старшина имел тот самый нравственный стержень, что держал и держит русского человека в любой самой

сложной обстановке. Его детство пришлось на военные годы. Выходец из многолетней крестьянской семьи, потерявшей ушедшего на фронт отца уже в сорок первом, он не понаслышке знал, что такое нищета и лишения. У него не было возможности получить высшее образование, но природный ум в сочетании с крестьянской мудростью делали его человеком незаурядным. Михаила удивило, что случаи дедовщины, которые встречались в мостостроительной роте и других ротах полка, в четвёртой роте практически отсутствовали. В этом была несомненная заслуга старшины. Ротные «деды» не просто боялись старшего прапорщика Анцупова — они уважали его, а он не на словах, а на деле учил их так же, как и молодых солдат, войсковому братству.

Старшина подал новому ротному идею по поимке вора, которую сам же и помог осуществить. Принёс из дома привезённую из Союза бутылку «Столичной», выпросил на складе три банки армейской тушёнки и поехал в криминальный отдел польской милиции. Как договаривался — осталось тайной, но привёз оттуда несмывающуюся водой и обычным растворителем краску. Вдвоём, без привлечения солдат, они обработали этой краской деньги у трёх молодых солдат, аккуратно завернули купюры в целлофановые пакеты и положили в карманы их военных билетов.

На следующий день утром Михаил прибыл на подъём. Анцупов был уже там. По его лицу было видно: воришка клюнул. Старшина встретил лейтенанта перед входом и вместо громкого доклада тихо сказал:

— Товарищ лейтенант, украли деньги у двоих солдат. Один из них наш...

Михаил приказал построить роту.

Когда построились, приказал вытянуть руки вперёд, лично прошёл вдоль строя и внимательно осмотрел ладони каждого. Рук, запачканных краской, не обнаружил.

— Старшина, кого нет в строю?

— Все в строю, товарищ лейтенант, за исключением сержанта Высоцкого. Он в туалете, живот схватило...

Михаил усмехнулся и сказал громко, чтобы слышала вся рота:

— Приведите сержанта! Сейчас я покажу вам вора, который регулярно крадёт у молодых солдат деньги!

Сержант между тем суматошно пытался смыть водой и мылом краску с рук, но у него ничего не получалось. Сильнее всех был разочарован сам старшина: Высоцкий считался его правой рукой. Ком-

мунист с большим стажем, Анцупов приложил определённые усилия, чтобы сержанта избрали секретарём комсомольской организации. Старшина любил песни Владимира Высоцкого, обожал барда и с какой-то присущей русским людям наивностью полагал, что человек с такой фамилией попросту неспособен на дурные поступки — и уж тем более! — на воровство. Особенно его поразило лицемерие сержанта — полное противоречие между тем, что он говорил и что делал. Не зря говорят в народе: «В тихом омуте черти водятся». Реакция старшины была закономерной. Он повторил знаменитые слова Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью!» Сержанта разжаловали в рядовые. Уволен он был с отрицательной характеристикой, самым последним из своего осеннего призыва, как раз перед новогодними праздниками.

*

Только втянулись после летних лагерей в размеренную гарнизонную жизнь, как пришлось снова возвращаться на речку. Предстояли учения с войсками Северной группы, участвовать в которых назначили второй понтонно-мостовой батальон, показавший в лагерях лучшие результаты.

До учений оставалось две недели. Готовиться к ним батальон прибыл на Одру в местечко Бялогура. Первые три дня занятий прошли ни шатко ни валко. Четвёртая рота выполняла все задачи, но вяло и без огонька. Добавил Михаилу тревоги и приезд командира полка. Полковник прибыл лично посмотреть, как батальон готовится к учениям. Особенно внимательно наблюдал за четвёртой ротой. Присутствие высокого начальника подхлестнуло личный состав, рота действовала вполне сносно, но результаты показала гораздо хуже, чем пятая рота капитана Полянина. После обеда, перед тем как уехать, полковник подозвал старшего прапорщика Анцупова, которого по праву считал лучшим старшиной в полку:

— Старшина, поди сюда на минутку.

Анцупов подошёл, приложил руку к козырьку, чтобы как положено доложить о прибытии. Полковник махнул рукой:

— Брось ты этот официоз, Иван Фёдорович, посоветоваться с тобой хочу.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Ты хорошо знаешь обстановку в роте, как считаешь, правильно комбат Слинкин назначил ротным лейтенанта Быкова, а не старшего лейтенанта Довганюка? Не завалит Быков учения?

Старшина внимательно посмотрел на командира полка, прикидывая, как бы деликатнее ответить:

— Не имею привычки обсуждать действия старших начальников, товарищ полковник, но вам своё мнение скажу. Считаю: Быков толковый парень, авторитетом в роте пользуется заслуженно, на учениях не подведёт. А вот Довганюк помешать может... Слабоват он как командир и с гнильцой... Обида взыграла и занялся разлагающей деятельностью... Отправили бы вы его, товарищ полковник, в командировку что ли, от греха подальше.

Антонов выслушал старшину с интересом, с доводами старшего прапорщика согласился, но пригрозил:

— Ладно, убедили вы меня с комбатом. Но смотри, если что, и с тебя спрос будет!

Анцупов видел: после сытного обеда командир полка в добром настроении, и, хитро сверкнув глазами, ответил с иронией:

— Понял вас, товарищ полковник, если ошибусь, готов понести наказание по всей строгости советского закона...

Этот их разговор не прошёл впустую. Через день старший лейтенант Довганюк был откомандирован в инженерное управление группы для помощи в разработке штабных документов нового оперативного плана. Он неплохо рисовал и писал плакатным пером, и потому на роль писаря вполне годился. Михаилу теперь никто не мешал, однако рота по-прежнему показывала слабые результаты. Об этом не преминул напомнить комбат. Вечернее подведение итогов он построил исключительно на четвёртой роте. В завершении своей речи эмоционально подхлестнул молодого командира:

— Быков, если рота так будет работать на учениях, получим двояк! Вы с трудом укладываетесь в нормативы сейчас, а там придётся переправлять реальную технику — танки в первую очередь... Лейтенант, проведи работу, иначе загубишь всё дело!

Михаил и сам понимал, что что-то нужно делать, как-то настроить людей, но не знал, как. Приказом и устрашением моральный дух людей не поднимешь, только навредишь и оттолкнёшь. Он снова попросил совета у Анцупова, высказал все опасения, пересказал слова комбата. Опытный старшина опять успокоил лейтенанта и пообещал перед вечерней поверкой провести с личным составом, как он её называл, политбеседу.

Обещание Анцупов сдержал. Михаил со студенческих времён скептически относился к всякого рода беседам, не верил в их ответственность, считал всё это глупостью и никому не нужной пропа-

гандой, но на вечернюю поверку пришёл. Чтобы посмотреть, что из затеи старшины получится. Политбеседа старшего прапорщика меньше всего походила на многословную речь замполита. Он не говорил о глобальной тяжёлой обстановке в мире, не упоминал о «космических кораблях, бороздящих просторы вселенной», а коротко сказал о делах насущных, приземлённых и понятных каждому солдату и сержанту:

— Вот смотрел я на вас сегодня, родная моя четвёртая рота, и удивлялся. Вы работали, как та муха, которая пахала, сидя у быка на рогах! Но когда обед привезли, то ложки застучали во всю мощь, тут вам равных не было!

При этих словах многие в строю засмеялись, а старшина, выдержав паузу, продолжал:

— Получается, жрёте, как бык, а пашете, как муха! И поэтому мы по всем нормативам проигрываем... И кому проигрываем?! Пятой роте, которую в летних лагерях обштопали по всем показателям! А что изменилось сейчас? Вот сегодня командир полка пообещал: роте, которая покажет лучшие результаты на учениях, даст в два раза больше отпусков и ценных подарков. У нас что, никто не хочет съездить в Союз и повидать родных?!

Старшина сделал паузу. Когда заговорил снова, в его голосе зазвучали угрожающие нотки:

— А тебе, Магомедов, последнее предупреждение! Ты у нас старший среди азербайджанцев, ротный собрался после учений дать тебе отпуск. Но если твои джигиты не перестанут затевать драки и не будут выполнять нормативы на «отлично», отпуска тебе не видать! А я вдобавок напишу письмо вашим старейшинам и сообщу, что вы толком не служите, зато с превеликим удовольствием едите свиное сало, которое выдаём на паёк... Будет от земляков позор на вашу голову!

В строю снова засмеялись, а старшина завершил речь призывом:

— Обращаюсь ко всем: хватит ползать, как сонные мухи, и жевать сопли! Пора как следует поработать и показать, на что мы способны!

Анцупов снова дождался, пока в строю стихнет оживление, и уже негромко добавил:

— Ротный у нас молодой, но грамотный и дело хорошо знает! Надо поддержать его. Нечего нам у пятой роты быть на подхвате, мы всегда были впереди!

Михаил, пока старшина говорил, стоял в сторонке, слушал и поражался: простую, незамысловатую речь люди понимали и правильно, без всякой обиды, на неё реагировали. Точно так же понимали

Анцупова офицеры, когда он выступал на партийном собрании. Вот что значит человеческая мудрость и армейский опыт.

Когда старшина закончил говорить, Михаил вышел на середину строя и подвёл итог:

— Старшина хорошо и точно всё сказал. Меньше должно быть слов, больше должно быть дела. Вы все прекрасно знаете свои обязанности, нужно только научиться правильно понимать сигналы командиров и бегать бегом, а не вразвалочку ходить. Этим с завтрашнего дня и займёмся.

*

На учениях отрабатывались действия передового отряда при форсировании водной преграды. В передовой отряд выделили усиленный мотострелковый полк. Второй понтонно-мостовой батальон придавался полку для обеспечения переправы через Одру.

Четвёртую понтонную роту было не узнать. Работала без осечек, и всё у неё складывалось настолько удачно, что комбат Слинкин время от времени сплёвывал через левое плечо и пару раз даже перекрестился. Марш к водной преграде совершили без происшествий. Быстро выдвинулись к реке, собрали шестидесятитонные паромы, без помех и сбоев перебросили на левый берег танки первого эшелона. Когда наступающие отвоевали на противоположном берегу плацдарм, понтонёры собрали большегрузные паромы и несколькими рейсами перевезли на противоположный берег остальную технику первого эшелона. После совместно с пятой ротой навели шестидесятитонный наплавной мост. По мосту началась переправа главных сил. Здесь руководил комбат. Пятая рота в начальный период действовала несколько хуже, но и она с задачей успешно справилась, потому батальон отработал на учениях хорошо.

Михаил был в самой гуще переправы, расслабляться и глядеть по сторонам было некогда. Прямо там, на берегу, где разгружалась его рота, с самого начала стояли двое проверяющих из штаба группы войск. Один из них то и дело что-то записывал в блокнот. Их званий Михаил не видел: день выдался серенький, на землю оседал лёгкий бус, и проверяющие были в плащ-накидках, но, судя по всему, люди это были солидные. Как впоследствии оказалось — солиднее некуда. За форсированием и переправой без излишней шумихи наблюдал сам командующий Северной группой войск.

Разбор учений командующий провёл в клубе понтонного полка. На него пригласили весь участвовавший в учениях командный

состав, до командира роты включительно. Михаил на таком мероприятии был впервые, ему было интересно всё.

Видимо, потому, что вблизи наблюдал картину переправы, командующий много времени уделил понтонёрам. Но прежде поднял командира мотострелкового полка, действовавшего в передовом отряде, и обрушился на него с критикой:

— Полковник, я приказал, чтобы БМП первого эшелона атаковали и форсировали водную преграду своим ходом! А комбат вашего первого батальона переправлял плавающие машины на парамах понтонёров! Это прямое нарушение приказа. Чем объясните?

Покрасневший как варёный рак, полковник пытался оправдаться:

— Эти две БМП, товарищ командующий, не могут плыть, они неисправны...

— Так какого чёрта, полковник, вы тащите в передовом отряде неисправную технику? Чтобы создать себе лишние проблемы? Об учениях вы знали заранее, почему не подготовили боевые машины?

Досталось на орехи и командиру понтонного полка:

— В реальной боевой обстановке, товарищ командир полка, вы сегодня остались бы без своих понтонёров!.. Ваши понтонёры бежали впереди паровоза!.. Мотострелковый батальон ещё только выбирался на противоположный берег, а машины с понтонами уже выползли на разгрузку. Противник расстрелял бы их прямой наводкой! Это ошибка командира, раньше времени отдавшего приказ на выдвижение, то есть ваша!.. А сами понтонёры действовали быстро и слаженно, задачу по переправе войск полностью выполнили. Молодцы! Особенно понравился мне командир четвёртой роты лейтенант Быков.

Комбат Слинкин толкнул Михаила в бок. Михаил вскочил, сидевшие в зале повернулись и уставились на него, а он от смущения готов был провалиться сквозь землю. Командующий указал на него и продолжил свою речь:

— Ставлю его в пример всем младшим командирам. Надо научиться управлять подразделениями так, как этот лейтенант. Никаких лишних слов и команд. Свисток и флажки... И все без слов и крика его понимают. Это я к тому, что командир другой роты в звании капитана так суетился и орал, что голос сорвал. Пытался перекричать взрывы и шум машин, да не получилось... Поверьте моему боевому опыту, на войне это сделать ещё труднее. Поэтому ставлю всем задачу: провести детальные занятия с каждым подразделением,

на которых отработать управление с помощью флажков и сигналов. А вы, командир полка, напишите представление на досрочное присвоение этому лейтенанту воинского звания!

— Есть, товарищ командующий, только лейтенант Быков двухгодичник и осенью увольняется...

Командующий повысил голос:

— Вот это и плохо, полковник! Оценивать людей надо по их реальным делам и заслугам! Таких ребят, как этот лейтенант, нужно оставлять в кадрах! А бездельников не преподавателями на военные кафедры отправлять, они там только студентов портят, а гнать из армии!..

Критика со стороны командующего и похвала в адрес лейтенанта Быкова больно задели самолюбие капитана Полынина. В его завистливой голове закрутились идеи, как унижить выскочку, побольнее ударить его.

*

Михаил с учений приехал в приподнятом настроении: его рота показала лучшие результаты, но в полку началась чёрная полоса. Штаб полка странным образом поменял результаты, и лучшей оказалась пятая рота. Михаила такой откровенный подлог возмутил. Желая восстановить справедливость, он, минуя комбата, побежал на приём к командиру полка, которого считал офицером хоть и грубым, но честным и справедливым. Полковник принял просителя в своём кабинете, выслушал и огоршил:

— Я так распорядился. Капитан Полынин заменяется в Москву на вышестоящую должность, ему нужна отличная характеристика. А чем недоволен ты? Тебя назначили командиром роты, на подведении итогов отметил командующий, на тебя отослали представление на досрочное присвоение очередного воинского звания...

Михаил смутился, его действительно не обошли, но отступить он не мог:

— Товарищ полковник, за всё, что сделали для меня лично — спасибо, но как я буду оправдываться перед личным составом роты? Перед учениями я объявил ваше решение: роте, которая покажет лучшие результаты, будет предоставлено наибольшее количество отпусков и ценных подарков. Четвёртая рота показала лучшие результаты, этого из истории не выкинешь... А теперь получается, что историю фальсифицировали, а я своих подчинённых обманул...

Лицо полковника начало багроветь. Верный признак резкого ухудшения его настроения, но он пока держался, на крик, как это

часто бывало, не переходил, лишь усилил голос, в котором зазвучали предгрозовые нотки:

— Брось философствовать, лейтенант! Историю у него фальсифицировали. Проще будь, иногда в жизни приходится чем-то жертвовать. Дам я твоей роте такое же количество отпусков, как и пятой, но отчёт менять не буду! Свободен! И в следующий раз не лезь через голову, а действуй по команде.

Михаил, не мигая, в упор смотрел на старшего офицера. Авторитет командира полка, личное уважение к нему рухнули за несколько минут. Он ничего не ответил и вышел совершенно не по уставу. Просто молча повернулся и ушёл.

В роте его поджидали старшина Анцупов и командир берегового взвода Вершинин. По каким-то своим, неведомым для Михаила каналам они уже знали, из-за кого штаб подменил результаты. Увидев хмурое лицо ротного, Вершинин махнул рукой:

— Я говорил: ни хрена не получится. В этом полку все пенки для любимчика-капитана. Талант доставать модные тряпки дорого стоит...

Михаил, ничего не утаив, рассказал суть разговора с командиром полка. Оценив степень расстройств молодого командира, впервые столкнувшегося с обычными для армии интрижками, опытный Анцупов поспешил его успокоить, чтобы тот окончательно не потерял веру в справедливость. Старшина обратился к ротному по имени-отчеству, чего раньше никогда не делал:

— Не расстраивайтесь, Михаил Потапович, не так всё мрачно. Много в нашей армии бардака, но хорошего всё равно больше. Отпуска Полкан солдатам дал — это главное. Вас на должность утвердил, получите звание — и будем служить дальше. А все эти штабные козни личный состав не волнуют, объясним как-нибудь в чём дело...

Анцупов поднял настроение. В душе остался осадок, но Михаил вынужден был признать: не так уж плохо всё сложилось. Однако второй удар в спину вывел его из равновесия. С Маргаритой они всё обсудили, ждали лишь отпуска, чтобы расстаться официально. Изменения в поведении Маргариты он связывал с этим решением, пока не услышал за спиной подлый смешок одного из офицеров пятой роты:

— По нормативам-то мы четвёртой роте проиграли, зато наш капитан наставил их лейтенанту рожки!

Михаила словно ледяной водой окатили. Он уже настроился на то, что Маргарита из его жизни уйдёт. Наверное, смог бы простить ей

измену с любым офицером полка, но только не с Польшинным, которого зачислил в разряд личных врагов. Домой в этот день он пришёл раньше обычного. Маргарита сильно задержалась и заявила вечером под хмельком, в последнее время это стало происходить с ней часто. Обычно Михаил никогда не расспрашивал её, где была и что делала, а тут спросил:

— Где ты сегодня так задержалась?

Маргарита только что обсудила свои дела с любовником. Польшин клятвенно пообещал ей: как только переведётся на новое место, разведётся с женой, и они поженятся. Москва открывала перед Маргаритой новые горизонты. Ранее уже обсудила всё и с отвергнутым мужем, поэтому спокойно, по-деловому, без излишнего крика и истерик банально отговорила:

— Была на репетиции. Готовим концерт, а после репетиции немного выпили — у баяниста день рождения.

Отговорка на ошеломлённого неприятной новостью Михаила подействовала как катализатор. Он подошёл к Маргарите, взял её за руки и, пристально глядя глаза, грубо спросил:

— В полку ходят сплетни, что ты связалась с Польшинным, скажи прямо: у тебя с ним действительно что-то было?

От этого его тона Маргарита завелась с полоборота. Не стала хитрить и оправдываться, а сама решительно и зло перешла в атаку:

— Ха-ха, — пьяно хохотнула она, — рогатый муж узнаёт всё в последнюю очередь.

Михаил побледнел.

— Да не бледней! Сам виноват. Думаешь, мне сладко, когда ты называешь меня по ночам Катей?..

— Я тебе уже говорил, всё в прошлом! Это была моя первая любовь!

— Значит, не в прошлом, если по ночам до сих пор снится. Считай, что мы поквитались. Я уезжаю домой, а потом к нему в Москву. От тебя хочу только одного, чтобы ты дал согласие на развод!

Михаил сник. В душе он понимал: у них с Маргаритой всё и без того шло к разрыву, но удар по самолюбию был крепким: опять тот же Польшин. К тому же получалось, что его бросала уже вторая женщина. Он тяжело вздохнул и спросил:

— А может, ты поторопилась? Вряд ли нужна ты этому прыщу, поиграется и бросит.

— Нет, Михаил Потапович, не поторопилась! У меня есть голос и талант, все говорят об этом, и я не собираюсь мотаться с тобой по

вонючим гарнизонам и петь до старости в полковой самодеятельности!

С Польшинным они встретились на другой день на совещании у комбата. Как ни отводил Михаил взгляд, чтобы не выдать своего настроения, капитан понял: муж любовницы знает всё. Польшинин был из той породы, которые хорошо умеют стелиться перед старшими, но безжалостны и беспощадны ко всем, кто ниже на социальной лестнице. Он почувствовал: лейтенант рвётся выяснить отношения и, сознавая своё превосходство над ним, решил от разговора не уклоняться.

Они вышли из помещения и остановились возле пустой курилки. Низкие скамейки без спинки, добротные изготовленные из толстых реек, раскрашенных в различные цвета, так и приглашали присесть, но соперники стояли и выжидающе смотрели друг на друга. В глазах Михаила — откровенная ненависть. На лице Польшинина — подленькая улыбочка, явно провоцирующая противника на действия. Михаил сжал кулаки и резко спросил:

— Зачем ты соблазнил Маргариту? Ты же не любишь её, она не нужна тебе!

Польшинин заговорил в том снисходительно-издевательском тоне, в котором он обычно вёл разговор с подчинёнными:

— Лейтенант, ещё неизвестно, кто кого соблазнил. Если завёл жену, так надо следить за ней и вовремя удовлетворять её, чтобы она на других не заглядывалась... А я, если женщина просит, отказать не могу...

У Михаила появилось жгучее желание врезать по этой наглой, ухмыляющейся морде, но он сдержался и, не переходя рамки закона, в иной форме повторил вопрос:

— Речь не о нас с ней, а о тебе! Зачем обманываешь её? Она поверила тебе, но ты же ради неё никогда не бросишь генеральскую дочку!

Польшинин Михаила явно провоцировал. Он злорадно осклабился и нагло продолжил нагнетать обстановку:

— Конечно, не собираюсь. Как любовница Маргарита меня вполне устраивает, а надоест — разбежимся. Главное: она поняла, что ты, лейтенант, ей не пара...

Когда до Михаила дошёл смысл сказанного, он отбросил дипломатию:

— Значит, ты поигрался с Маргаритой только для того, чтобы досадить мне? Зависть подогрела! Ну и подлец же ты, капитан, душа у тебя насквозь гнилая!

Слова Михаила попали в яблочко. Лицо Польшина мгновенно преобразилось в злобную маску:

— А вот за оскорбление старшего по званию я тебя привлеку! Всё сделаю, чтобы ты вылетел из армии! Командующий ошибся: таких, как ты, не должно быть в кадрах!

Суть провокации стала понятна. Михаил взбесился сорвался и перестал себя контролировать:

— Командующий ошибся?! Да пошёл ты на хрен... вершитель судеб!..

С этими словами он двумя руками толкнул Польшина, который стоял спиной к установленной у курилки скамейке. Польшин пошатнулся назад, потерял равновесие и полетел через скамейку. Среди стоявших возле входа в соседнюю казарму солдат раздался громкий смех. Капитан вскочил, кинулся на обидчика и наотмашь ударил Михаила по скуле. Удар был сильным, но Михаил устоял и ударил в ответ. В удар вложил всю злость и ненависть к свалившемуся на его голову мерзавцу. Польшин после его удара уже не делал попыток махать кулаками, с него слетела вся спесь, он зажал нос, из которого ручьём текла кровь, и истерично завизжал:

— Щенок, я тебя посажу!.. Ты из армии прямиком в зону отправишься!

Сломанный нос Польшина относился к разряду телесных повреждений и переводил бытовую драку между офицерами «на почве ревности» в разряд воинских преступлений. Однако разбирательство было недолгим. Польшину нужно было срочно уезжать на новое место службы, и, чтобы не затягивать отъезд, он не стал писать заявление военному прокурору. Инцидент замяли, но на армейской карьере Михаила был поставлен жирный крест. Не удалось ему досрочно получить и воинское звание. Тут приложил руку другой недоброжелатель. Командир взвода Довганюк тоже заменялся в Союз и напоследок нагадил своему ротному. Уроженца из Львовской области в полку называли «западнцем». Некоторые вроде бы в шутку звали его «бандеровцем». Западнцем тот был не только по месту рождения, но и по духу, и по жизненным ценностям. Из тех, которые чуть позднее станут кричать: «Москаляку на гиялку!» — и совершат фашистский переворот на Украине. Злорадство, вероломство и ненависть к русским, которые Довганюк до поры до времени искусно маскировал и тщательно скрывал, постоянно искали выход. Пока этот «потомок бандеровцев» помогал в инженерном управлении, он «снюхался» с секретаршей, и они умудрились представить на Михаила положить под сукно...

Во время осенней проверки на строевом смотре Михаил всё ещё стоял в погонах лейтенанта и на вопрос генерала: «Есть жалобы и предложения?» — чувствуя, что терять ему уже нечего, ответил смело:

— Есть жалоба, товарищ генерал. Мне посылали представление на досрочное присвоение воинского звания, но почему-то не присвоили! Теперь уже вышел срок на очередное, но и его не присваивают. Почему?

Генерал повернулся к сопровождавшему его офицеру:

— Григорьев, разберись, в чём дело. Точно помню, что представление на Быкова я подписывал...

И обернувшись к Михаилу, ответил на его вопрос:

— Очередное воинское звание, лейтенант, вам будет присвоено, а вот в том, что не оставили вас в кадрах, виноваты вы сами. Меньше нужно кулаками махать. Вы ударили офицера старше вас по званию, а недисциплинированные офицеры в армии не нужны!

*

Оставшееся время Михаил дослуживал спустя рукава. Маргарита следом за Польшининым уехала в Союз. По вечерам частенько забредал в «Берёзку», после чего возвращался в свою комнату навеселе, поэтому сразу же стал объектом домогательств для любвеобильной Марийки. Она потихоньку приручала соседа и выжидала удобный момент, когда супруг будет занят на службе. Вскоре такой случай представился. Грицак в этот день нёс службу дежурным по автопарку.

Было воскресенье. Михаил съездил в город, искал сувениры, заодно выпил и перекусил в какой-то забегаловке. Приехал во второй половине дня навеселе, в том самом состоянии, когда жизнь не кажется однообразной, монотонной и скучной. Намеревался отдохнуть, но соседка спутала все карты. Едва собрался переодеться в своей комнате, с кухни раздался визг Марийки и громкий вопль:

— Миша, помоги! Кран сорвало!

Михаил выскочил на кухню. Из смесителя хлестала вода. Марийка стояла в тоненьком намокшем халатике, держала в руках ключ и виновато оправдывалась:

— Кран потёк... я хотела закрутить гайку...

— Так вентиль нужно было сначала перекрыть!

Михаил кинулся под струю воды, подлез к вентилю на стояке и закрутил его. Вода перестала течь. Марийка подошла ближе и протянула ключ:

— Миша, вот ключ, закрути, пожалуйста, гайку.

Михаил взял инструмент, коротенький халатик Марийки на долю секунды распахнулся, мелькнул чёрненький треугольник...

«Вот зараза, даже трусики не надела!» — машинально отметил он.

Когда закончил работу, повернулся к Марийке, та стояла сзади с маленьким подносом, на котором стоял стаканчик водки и лежал маринованный огурчик. Она уже переоделась: сменила мокрый халатик на такой же коротенький и тонкий, лишь частично прикрывавший её прелести:

— Спасибо, Миша, ты меня спас! Выпей рюмочку, согрейся, вымок весь...

Михаил не любил польскую водку. В сравнении с русской она казалась ему невкусной и вонючей, но в этот момент отказываться не стал. Выпил одним махом и смачно захрустел огурцом. Марийка продолжала суетиться вокруг него:

— Миша, снимай скорей мокрую одежду, повесим сушиться...

Как заправская супруга, она ловко помогла ему стянуть мокрую рубаху и, когда он снял брюки, повесила одежду в ванной, включила электрический нагреватель. Михаил зашёл в свою комнату, намереваясь надеть спортивный костюм, но не успел вытащить его из шкафа, как услышал за спиной голос Марийки:

— Миша, не хочешь выпить ещё рюмочку?

Она стояла всё с тем же подносом, ласково и зазывно смотрела на него. Он снова не отказался:

— А... давай...

Махнул и этот стаканчик, но закусить не успел. Соблазнительница подошла к нему вплотную, обхватила руками, яркими без всякой подкраски губками впиалась в его губы, легонько подтолкнула, и они повалились на постель.

Марийка оказалась очень активной и укатала его так, что оба заснули мертвецким сном. Они проспали момент возвращения Грицака из наряда, но новоиспечённым любовникам повезло — муж этим вечером задержался. Судьба отсрочила его возвращение домой довольно интересным способом.

На смену Грицаку дежурным по автопарку заступил насмешник и балагур старший прапорщик Вискребец. Вискребец безошибочно определил: молодому прапорщику служба дежурного по парку явно показалась мёдом. Он не мог упустить возможность, чтобы не поучить коллегу. Приём дежурства затянулся на целых два часа. Когда два раза была пересчитана вся техника, дотошно проверены все противопожарные щиты и сверено с описью всё имущество, когда было

собрано свыше полутора сотен окурков, валявшихся помимо мест для курения, наступили уже сумерки. Наконец о смене доложили по телефону дежурному по части и Грицак получил разрешение идти домой. Идти в полк нужно было по лесной тропе через лес. Напоследок Выскребец ещё раз схохмил над молодым коллегой. При передаче обоймы с патронами от пистолета он с задумчивым видом посочувствовал Грицаку:

— Да-а-а, жаль, что патроны передаёшь... В случае чего отбиваться будет нечем...

Грицак, ожидая очередного подвоха, недоверчиво уставился на старшего прапорщика:

— От кого отбиваться, от поляков?

Выскребец с совершенно серьёзным лицом продолжил нагнетать обстановку:

— При чём тут поляки? Я имею в виду диких кабанов. Они сейчас под дубами жёлуди ищут и в это время очень агрессивные... Если встретишь, сразу беги, а ещё лучше лезь на дерево. Кабан не медведь, по деревьям лазить не может, а повстречаешься с ним на тропинке — порвёт в клочья...

Проинструментированный таким образом, Грицак шёл по тропе очень осторожно, озираясь и чутко прислушиваясь. Вековой лес, и днём-то тёмный, сумеречный и сырой, ночью вызывал безотчётный страх. В лесу пахло прелой листвой, было темно и тихо, но его чуткий слух вовремя уловил шорохи и тихое похрюкивание.

«Кабаны! Порвут в клочья!» — мелькнуло в голове. Не раздумывая ни секунды, он полез на первое подвернувшееся дерево. Залез повыше. Хоть дикие свиньи и не лезят по деревьям, но кто его знает... Притаился и затих. Судя по шорохам и похрюкиванию стадо приближалось и вскоре оказалось под деревом, на котором сидел Грицак. Тут они надолго задержались. По всему получалось: дерево оказалось дубом. Прапорщик изрядно продрог, его начала колотить дрожь, но кабаны неспешно рылись под деревьями и не думали уходить. Внезапно Грицак услышал голоса. Разводящий вёл в парк смену караула. Прапорщик по натуре был парнем трусоватым, но злорадства у него хватало с избытком.

«Сейчас они на кабанов нарвутся! — мстительно предвкушал он. — Ну, ничего, у солдат автоматы с патронами, отобьются».

Между тем смена шла на кабанов, как ни в чём не бывало, а когда подошли совсем близко, сержант-разводящий пнул сапогом самого крупного хряка:

— Пошёл вон! Загородили тут дорогу! Опять зампотылу вас искать будет!

Хряк взвизгнул, отскочил в сторону, следом за ним отбежало стадо.

Грицак чуть не свалился с дерева. Перепутать обитателей полкового свинарника с дикими кабанами мог только дебил. Досада раздирала душу:

— Ё-моё! Дуб на дубе сидит! Вот дурной так дурной! Столько времени из-за этих хрюнделей на дереве проторчал?!..

Смена ушла. Прапорщик тихонько слез с дерева и пошёл в сторону расположения полка. Теперь главное — не проболтаться, не то засмеют совсем...

Прапорщик Грицак в этот день так и не узнал, что в его ветвистых рогах появилась новая веточка. А Михаилу на другой день было невыносимо стыдно. Стыдно за свою слабость и несдержанность. Осуждал Польшина за разврат с Маргаритой, а сам поступил точно так же. Он попытался избегать встреч с Марийкой. Но как тут избежишь, если живёшь с ней в одной квартире, а Грицак то в командировке, то в наряде... Марийка в отличие от серьёзной Маргариты была женщиной весёлой, активной и беззлобной. Повстречайся она ему чуть раньше, женился бы на ней не раздумывая и была бы у них обычная нормальная семья. Но Марийка была дамой замужней, да и он после непродолжительной жизни с Маргаритой на длительное время выбросил из головы всякие мысли о женитьбе. В конце концов Михаил покорился обстоятельствам и перестал уклоняться от встреч с Марийкой. Избавил его от этой сладкой обузы приказ об увольнении.

Через два года с небольшим хвостиком старший лейтенант Быков был уволен в запас. Он заехал в Москву, оформил с Маргаритой развод и твёрдо решил вернуться к своей основной специальности. Под равномерный стук колёс поезда, увозившего его в Сибирь, подводил он итог первого периода самостоятельной жизни. Итог оказался неутешительным. Не сложились отношения с девушкой, которую встретил и искренне полюбил. Попытка жениться на первой встречной окончилась закономерным провалом. Закончилась крахом и армейская карьера. Как настоящий мужчина, во всём этом Михаил винил не только встретившихся ему плохих людей, но прежде всего себя. В Сибирь ехал к однокашнику в крупный леспромхоз, где намеревался устроиться работать инженером. Полагал, что жить там будет спокойнее и комфортнее. Забыть всё плохое из армейского периода и начать сначала — вот что ему сейчас больше всего хотелось.

Юность закончилась. Он не мог предвидеть того, что случится впереди. А впереди были лихие годы. Под красивые убаюкивающие лозунги «перестройки» тихой сапой уже шёл либеральный переворот и слом страны. Союзное государство доживало последние дни. Следом за его ликвидацией грядёт передел собственности, богатства и недр России, принадлежащие государству, перейдут в частные руки. Этот слом коснётся каждого человека. Не оставит в стороне он и лесную сферу, в которую устремился опустошённый, подавленный людскими интригами, подлостью и предательством Михаил.

Глава 5

Время перевалило за полночь, а Катя всё не могла заснуть. Несмотря на то, что сильно уставала на работе, бессонница стала посещать часто. Пока занималась с Алёшкой, раздумывать о «высоких материях» было некогда. Но как только сын засыпал, в голове начинали роиться мысли. Они притягивали за собой эмоции, а те отгоняли сон. Она не была мещанкой, озабоченной исключительно узкими личными интересами, поэтому часто и много думала о том, что же произошло со страной, оценивала происходящее по-мужски логично и обоснованно. Вот и сейчас мысли её сначала улетели в дебри философии и политики, а уже оттуда вернулись к личной судьбе.

Катя хорошо понимала: с панацеей от бедной жизни, преподнесённой в форме перестройки, что-то пошло не так. Вот Китай действительно перестроился и семимильными шагами пошёл вперёд. А в России произошёл банальный переворот, после которого страну очень быстро встроили в западную систему. Власть в стране захватили те, кого называют либералами-западниками. Они пришли всерьёз и надолго, потому как непомерно быстрыми темпами создали олигархическую, банкирскую систему управления, при которой стало возможным безнаказанно грабить богатейшие природные ресурсы России и её народ. Народ, ещё недавно носивший гордое звание «советский», на своей шкуре постигал прелести гнивающего капитализма и постепенно начинал осознавать: классики марксизма были не столь уж наивны и неправы. Люди на практике столкнулись с системой, в которой нет места вселенским и божественным законам морали и добродетели, а есть только неукоснительное и чёткое, как в концлагере, выполнение многочисленных законов и инструкций, выдуманных современными рабовладельцами. В этой системе

«богами» становятся не лучшие люди, то есть те, в ком много порядочности и Бога, а торговцы и финансисты, имеющие в кубышке большее количество денег и злата.

Катя видела своими глазами, как курс на материальное обогащение привёл к стремительному падению России в плане духовном. «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко!» — пелось в песне советских времён. «Прекрасное далёко» оказалось для человека с совестью жестоким и несправедливым: во власть пошли люди без чести, для которых библейские заповеди так же, как и аналогичный им кодекс строителя коммунизма, были абсолютно пустым звуком. Единственной и высшей ценностью для них являлось материальное благо.

По мере развития технического прогресса, освобождения человека от труда и падения общей культуры началось постепенное, ступенька за ступенькой, оскотинивание человека, превращение его в биоробота, живущего по инстинктам животного. Божественное предназначение человека разумного — служить Высшему разуму (Богу) своей Вселенной — стало восприниматься людьми как обман и пустая пропаганда. До пропагандистского штампа свели и не столь возвышенный, но тоже нужный обществу людей долг — служить своему народу, своему Отечеству.

Все, кто не встроился в западную систему, должны были остаться за бортом новой жизни. Катины родители не избежали этой участи. Слом советской системы напрямую коснулся отца Кати. Юрий Макарович был человеком старой закваски, и потому не вписался в коррупционно-воровскую систему либерального государства. Его потихоньку вытеснили из института, он ушёл в городскую больницу на должность главного хирурга. Отец сильно переживал не только от того, что потерял должность и любимую работу, но и от развала страны, ликвидации бесплатной медицины, от крушения идеалов, которым посвятил свою жизнь. Ушёл из жизни он внезапно и тихо — однажды ночью его сердце остановилось. Мария Павловна всего на два года пережила Юрия Макаровича. Очень по нему тосковала и после случившегося с ней инсульта оправиться уже не смогла.

В жизни Кати наступил тяжёлый период. Развелись с Леонидом сразу же, как только отца выжили из института. Циничный и расчётливый Леонид не скрывал того, что бывший декан Жуков и его дочь больше ему не нужны. Мало того, он был убеждён, что эта «порода принципиальных» могла помешать ему двигаться вперёд. Леонид всем существом почувствовал: пришло его время — время деловых, ловких, пронырливых и целеустремлённых. Время идеалистов, обре-

менённых высокой моралью и совестью, ушло в прошлое на Западе, уйдёт после этой реставрации и в России. Наступала эпоха хищников, хищников умных, не лезущих направо, направо и налево размахивающих дубиной, а грамотных, изобретательных, способных подчинить себе миллионы простачков.

Катя осталась вдвоём с сыном, когда тот заканчивал четвёртый класс. Работала в хирургическом отделении городской больницы. Зарплаты, которую платили с большими задержками, не хватало. До этой поры ей никогда не приходилось бедствовать. У неё, как и у миллионов выросших после войны соотечественников, и в мыслях не было, что завтра, то есть в будущем, будет хуже, чем сегодня. Не могло присниться и в страшном сне, что активно работающему врачу с высшим образованием не будет хватать зарплаты даже на еду. А кроме еды нужно было учить и одевать сына: Алёшка выросал из одежды и обуви темпами, за которыми её зарплата не поспевала. Они жили с сыном вдвоём в квартире её родителей. Катя принципиально не хотела ничего продавать: любая вещь была дорога как память об отце и матери, но иногда прижимало так, что вынуждена была идти и на это.

Её начало угнетать одиночество. Молодая, красивая, полная сил и энергии на работе, дома она превращалась в замученную бытовыми проблемами женщину. На смену оптимизму приходило уныние, порой захлёстывала тоска. Мальчишке нужен был отец, а устроить личную жизнь не получалось. Раньше в любой тяжёлой ситуации приходили на помощь родители. Теперь посоветоваться было не с кем. Катя жалела, что последние годы слишком была занята собой и редко беседовала с ними. О многом бы хотела спросить их сейчас, но увы... Кроме того, её огнём жгло запоздалое сожаление. Она знала, что родители ушли с чувством вины перед ней. В одной из последних бесед мама призналась в этом и, предчувствуя скорый уход из жизни, попросила у неё прощения. Катя задала тогда вопрос, казавшийся ей наиважнейшим:

— Мама, ты всю жизнь знала, что папа с его принципиальностью и честностью никогда не сможет сделать тебя богатой и обеспеченной. Такие, как он, всегда вне системы, которая распределяет материальные ценности. И всё равно я смотрела на вас и завидовала вашему счастью. Как вы нашли друг друга? Как вам, таким разным, удалось счастливо прожить жизнь вместе?

Мария Павловна, потерявшая любимого человека и связанную с ним радость жизни, ответила ей с печалью, от которой Кате захотелось заплакать:

— Глупенькая ты, моя девочка. Чтобы быть счастливой, свою половинку не надо искать разумом, её нужно почувствовать сердцем. Внешние черты избранника, порой красивые и эффектные, ещё не гарантия долговременного счастья. А уж выбирать спутника по материальному богатству — и вовсе безнравственно и глупо. Если вибрации ваших сердец совпадают, значит, это твой человек. Всё остальное, в том числе богатство или трудности быта, второстепенно...

Катя вспомнила, как отец и мать уговаривали её выйти замуж за Леонида. Тогда речи о «вибрации сердец» не было. Однако не подала вида и подавила в себе поднявшийся из тёмных закоулков упрек. По прошествии времени глупо кого-то винить в ошибках:

— Мама, я поняла это давно, но только сейчас прочувствовала на себе, каково это — жить с чужим человеком. Наверно, я из тех, кто учится на собственных ошибках. Когда-то отвергла парня, к которому стремилась моя душа, пошла по накатанной колее и в результате осталась у разбитого корыта...

Мать — она и есть мать. Кто может лучше знать и понимать своего ребёнка? Мария Павловна уловила во фразе всё, что дочь недосказала:

— Знаю, о чём ты. Не вини в этом только себя. Мы с папой настаивали на том, чтобы ты связала свою жизнь с Леонидом, и поздно поняли свою ошибку. Прости нас за это, доченька... Мы переживали по поводу твоих отношений с мужем, ожидали, что со временем вы притрётесь друг к другу, пока не разобрались, кто он есть на самом деле. Я знаю, что Миша, которого ты нам так и не показала, — отец Алёши. Догадываюсь, что ты его всё ещё любишь. Где он сейчас?

— Не знаю, мамочка. Самое обидное, что отвергла его я, и после этого мы потерялись. Адресами даже не обменялись...

— Так попытайся его найти. Может, не только ты, но и он нуждается в тебе. Нельзя опускать руки, если хочешь быть счастливой, нужно жить в настоящем!.. Если человек начал жить прошлым, значит он настроился из жизни уходить...

Мать убеждала её, а Катя чувствовала и видела: сама мама после смерти отца живёт прошлым. Она озвучила мысль, которая часто приходила Кате в голову, хотя сама уже не могла быть для дочери примером. Поэтому пессимизм взял верх:

— Да, мама, я тоже, как и ты, оптимистка, но только если проблема не моя, а чья-то чужая...

Идея найти Михаила у неё время от времени возникала, но, одумавшись, Катя включала логику: если он сам не ищет с ней встречи,

значит, живёт вполне благополучно. Зачем ворошить прошлое и мешать ему? Как он посмотрит на женщину, которая с гордыней оттолкнула его, а потом, когда прижало, вдруг передумала?

Нет, она сама выбрала свой путь и должна нести этот крест. Кате вдруг стало невыносимо жаль себя. Она перевернулась на живот, обняла подушку руками и беззвучно заплакала...

*

Михаил ехал из заказника, который по долгу службы курировал. Старик Михеевич разбередил душу, и мысли от дел текущих унеслись в прошлое. Михеевич — бывший лесник, ныне пенсионер, схоронив верную свою супругу, так и не пожелал переезжать ближе к цивилизации. Жил на кордоне в одиночестве и только раз в году, отмечая очередной день рождения, собирал у себя разлетевшихся по городам детей и внуков. Ему нравилось жить в тайге с любимыми собаками, кошками и дикими зверушками, которых он время от времени подбирал в лесу. То зайчонка с повреждённой лапой, то неудачно свалившегося с дерева бельчонка. Были у него в друзьях и звери покрупнее: прибегавшие к кормушкам и солонцам лоси, кабаны, косули...

Михеевич, как в молодые годы, энергичен и бодр. Хотя с возрастом количество болезней увеличивалось, выглядел он гораздо моложе своих лет. При первой встрече Михаил определил ему не более семи десятков, но Михеевич сильно удивил его, когда принялся рассказывать фронтовые истории. Оказалось: старику под девяносто и записывать себя в «дожители» он не торопится. Во время празднования дня рождения, если кто-то из гостей желал старику дожить до ста лет, он неизменно хмурил брови и вместо благодарности мрачно бурчал: «Не ограничивайте Бога. Проживу столько, сколько он отпустит!»

Михаил любил заезжать к старику. Они часто беседовали, иногда их неспешный разговор перерастал в спор. Михеевич, так же как и Михаил, любил русскую баню. Баня была для него своеобразным ритуалом, процессом очищения и лечения. В конце он поливал себя холодной водой и неизменно приговаривал: «Святая вода, смой с меня всю грязь... Дай мне силу, энергию, волю...»

Вот и сегодня, помывшись в бане и пропустив по рюмочке, разговорились о событиях, происходивших в стране, а в конце чуть не разругались. Старик с присущей ему категоричностью объявил виновниками развала страны всех, кто моложе его самого. Обычно спокойный и немногословный, он разгорячился и пригвоздил всё молодое поколение:

— Вы сами своей пассивностью и бездействием разрушили страну, которую мы создавали и защищали. Вы открыли двери иноземной нечисти, забыли и предали всё своё, родное и, как стая шакалов, подбираете весь западный мусор. И ещё спрашиваете: «Кто в этом виноват?» Да будь жива хотя бы четверть людей из моего поколения, мы этих живоглотов, разинувших пасть на народное добро, свернули бы в бараний рог!

Спорить с Михеичем сложно. По большому счёту старик прав. Жизнь то и дело подтверждала эту горькую истину. Михаила, забравшегося в глубь Сибири, крушение государства коснулось непосредственно. После разрушения Советского Союза, родная страна на глазах превратилась в ту самую Польшу — страну контрастов, где соседствовали роскошь и нищета, совесть и лицемерие... Но в силу огромности России контраст этот тоже был огромным, несравнимым с рядовой европейской страной. Теперь Михаил понимал: с его родиной произошло то же самое, что ранее свершилось в Польше. Страну встроили в мировую финансовую систему, посредством которой кучка тёмных личностей управляет миром.

Михаил пытался, как мог, определить причины развала государства. Главными из них он считал реальные упущения в воспитании людей. Из-за этих упущений и получилось, что слишком многих в Советском Союзе привлекала западная система. Этих людей манила чужая земля, где можно было «заработать» большие деньги не трудом, а с помощью ростовщичества и финансовых спекуляций. В поисках лучшей доли, которую они привязывали исключительно к материальному благополучию, искатели лёгкой наживы разлетались по «цивилизованным» и экзотическим странам, как ночные мотыльки на источники света. После переворота надобность уезжать далеко у этих людей исчезла. Порядки, о которых они мечтали и о которых шептались на кухнях, пришли в Россию. Дальше будет ещё хуже. Вырастет поколение, оторванное от опыта прошлых лет. Эта человеческая поросль будет считать западную идеологию и систему ценностей единственно правильными. Изменить их уже не удастся, потому как изменятся и сами учителя.

Михаил не подходил под формат ориентированных на Запад людей. Родная земля устраивала его полностью: устраивал порядок жизни и простые взаимоотношения между людьми; устраивали не умеющие жить по придуманным «властелинами жизни» законам и инструкциям универсально мыслящие люди; устраивал чертовски контрастный климат, когда семь месяцев царит зима, и только три

месяца — лето. Поэтому, несмотря на молодость, он не принял нововведений и интуитивно понимал: в конечном итоге они направлены против его народа.

Работая в тайге, Михаил хорошо усвоил один из главных космических законов: человек накрепко привязан к Жизни с большой буквы. Человек — составная часть этой Жизни и должен жить в гармонии с окружающей природой. Не имеет он права машинами и прочей техникой разрушать среду обитания, а должен способствовать её сохранению. К сожалению, этого не понимает огромное количество его соотечественников, считающих, что технический прогресс разрешит все их проблемы. Потому и варятся люди в своём соку, каждый ищет в жизни свой путь и чаще всего найти его не может.

Проработав несколько лет инженером, Михаил оказался безработным. Леспромхоз приказал долго жить. На выручку снова пришёл однокашник. Он стал большим человеком и работал теперь в администрации губернатора. Друг устроил Михаила в ведомство лесного хозяйства, которое новые чиновники, принявшиеся в угоду западной моде калечить русский язык, назвали импортным словом «департамент». В департаменте процветало кумовство и круговая порука. Не зарабатывали за счёт леса, а жили на одну зарплату единицы. Михаил со своей честностью и принципиальностью относился к этой малочисленной группе, но от него не избавлялись и не гнали вон. Не только потому, что у инженера Быкова имелся покровитель во власти, а и потому, что кумы и кумушки в таких, как он, нуждались. Поменять всех нельзя: кто-то должен и работать. Работать оставляли тех, кто хорошо тянул и свой, и чужой воз.

В этот тяжёлый переходный период он всё чаще стал вспоминать службу в армии. В институте на военной кафедре было всякое. Преобладало высокомерно-презрительное отношение к офицерам кафедры как к людям, не нашедшим себя в жизни и дослуживающим до пенсии на тёплом месте. Студенческая братва, острая на язык и решительная на действия, порой открыто хихикала и издевалась над офицерами, которые «не соответствовали» и проявляли «человеческую тупость». Поварившись два года в армейском котле, Михаил стал иначе понимать и этих офицеров с кафедры, и тех, с кем ему довелось реально служить.

По прошествии времени у людей добрых плохое всегда отступает на задний план. Теперь Михаил с теплотой и лёгкой грустью вспоминал всех: солдат и сержантов, прапорщиков и офицеров. В первую очередь тех, с кем был тесно связан по жизни и работе: очень

честного и по-деревенски наивного каптёра роты Витю Марченко; грубовато-фамильярного, но доброго и заботливого комбата Слинкина; пронизательного замполита майора Смирнова; флегматичного, но твёрдого и упрямого командира берегового взвода старшего прапорщика Вершинина; безобидного и слабовольного соседа по квартире прапорщика Грицака. Даже строгий и взрывной Полкан — полковник Антонов — теперь, когда Михаил столкнулся с вопиющей социальной несправедливостью, не казался ему героем отрицательным. Не мог простить он только Польшина. Но и его теперь воспринимал как урок судьбы: не попадись тогда ему этот подлый тип, так и жил бы он в розовых очках.

С особой благодарностью вспоминал старшего прапорщика Анцупова, мудрого, по отцовски доброго. Он не только помог делом, но и приземлил Михаила, заставил смотреть на жизнь как на постоянно меняющуюся картину, расцвеченную всей палитрой, где есть место не только для чёрной или белой красок. Иван Фёдорович научил его понимать людей, подмечать их недостатки и вместе с тем уметь находить в плохом человеке что-то хорошее. Где они сейчас, его армейские товарищи? Куда забросила их судьба? Для него их наука схожа с курсом молодого бойца. Наука эта укрепила Михаила, поставила на ноги, помогла сохранить всё человеческое и не стать, как многие сверстники, мелкотравчатым паразитом, озабоченным зарабатыванием нечестных денег. Человек оставляет после себя на земле не прожитые годы, а дела и свершения, и в этом есть великий смысл. Что оставишь потомкам, тем и будут тебя поминать.

Михаил вдруг вспомнил, как они однажды, когда ехали в Польше на рекогносцировку, стали свидетелями откровенно скотской сцены. Проезжая через какую-то польскую деревушку по грунтовой дороге, автобус выехал к реке мимо валявшихся на берегу абсолютно голых молодых «панов» и «паненок». Кто-то просто лежал, кто-то обнимался, а две пары откровенно, без малейшего стеснения занимались сексом. На проезжающий автобус с русскими не отреагировали, лишь две девчонки помахали руками, одна из них крикнула: «Иван, ходи до нас!»

Видавшие виды офицеры смеялись, качали головами и такому откровенному разврату удивлялись, а замполит батальона майор Смирнов, отец четверых детей, осуждающе ругнулся:

— Сексуальная революция, мать её... Всё это скоро придёт к нам! Из Европы всё худое обязательно приходит к нам. Сами себя растлевают и нас за собой тащат...

Смирнов был мужиком честным, порядочным и добрым, но поляков не любил. Когда его спрашивали, за что такая неприязнь, хмурился и неизменно отвечал:

— Я не могу серьёзно воспринимать нацию, солдаты которой официально распевают: «Войско Польско Берлин брало, а Радецко помогало!»

Михаил огульно всю нацию не обвинял, но в главном с замполитом был согласен: национальная болезнь в этой стране явно присутствует. Шестьсот тысяч советских солдат погибло, освобождая Польшу от фашистов, а поляки «не заметили» этого и пыжились, пытаются показать, что внесли в победу главный вклад.

Замполит Смирнов оказался прав. Ничего хорошего инициированная врагами «перестройка» народу не принесла. История не раз учила: реформы по западному образцу заканчиваются всегда одинаково. После них очередная часть людей русского мира начинает жить не по совести, а рационально, по расчёту, приспособляясь к законам и правилам, созданными не Богом, а финансистами и торговыми людьми Запада.

...Замелькали окраины города. Пора было отрываться от размышлений и воспоминаний. Михаил остановил машину возле продуктового магазина: нужно купить что-нибудь на ужин. В пустой квартире его никто не ждёт.

*

Если женщина увидела в магазине понравившуюся вещь и не купила её, будьте уверены, в следующий её приход за покупками этой вещи не будет. А у женщины на длительное время останется сожаление, что прохлопала, вовремя не купила и упустила свой шанс. Катя долго переживала нечто подобное, упустив свой шанс в молодости. Но не зря говорят: «Время лечит!» В её однообразной монотонной жизни — дом, работа, дом — произошло событие, благодаря которому она ушла от угнетавшего её однообразия и частично заполнила пустоту одиночества.

Рейсовый автобус, на котором она возвращалась с работы, внезапно остановился. Водитель — полный, солидного вида мужчина — вдруг резко затормозил и громко воскликнул:

— Ё-моё! Авария, да ещё с огнём!

Он открыл двери и скомандовал:

— Перекур, дальше ехать нельзя! Далеко не расходиться! Как только перекрёсток расчистят, поедem дальше...

Катя вышла из автобуса и услышала со стороны перекрёстка, где произошла авария, истошный женский крик:

— Врача! Срочно нужен врач! Вызовите кто-нибудь «скорую»!

Она подбежала к толпе зевак, собравшейся поодаль от перекрёстка.

Впереди горел грузовик, уткнувшийся в покорёженный легковой автомобиль. От места аварии поддерживаемый женщиной ковылял мужчина с залитым кровью лицом. Они поравнялись с толпой, и мужчина хрипло попросил:

— Там Пашка остался, помогите кто-нибудь...

Толпа зашумела, но желающих бежать к горевшей машине не нашлось. Катя внимательно посмотрела на легковой автомобиль, увидела на месте водителя человеческую фигуру и не раздумывая бросилась вперёд. Позже сама себе не могла объяснить, какая сила её подтолкнула, какой рефлекс сработал, чтобы броситься к машине, которая вот-вот должна была вспыхнуть. Она преодолела треть расстояния и услышала сзади громкий возглас здорового детины:

— Дура! Куда побежала, щас бак рванёт!

Предостерегающий возглас не остановил её. Наоборот, она ускорила бег. К её счастью дверца хоть и была покорёжена, поддавалась. Катя с трудом распахнула её. От горевшего грузовика шёл сильный жар, но ветер дул со стороны легковушки, и это задержало её возгорание. Водитель был без сознания. Она принялась резко хлопать его по щекам. Мужчина вдруг открыл глаза и, ничего не понимая, уставился на обидчицу. Катя нервно, но обрадованно скомандовала:

— Чего расселся?! Быстро вылезай, а то сгоришь вместе с машиной!

В его глазах появилось осмысленное выражение, он начал выбираться из машины, лицо его перекосила гримаса боли. Мужчина был выше её, Катя положила его руку на свои плечи, обхватила правой рукой за поясницу, и они мелкими шажками заковыляли от машины. Едва прошли с десяток метров, как на помощь подбежал мужик, обзававший её дурой.

— Что... совесть заела? — с усмешкой бросила ему Катя. — Хватай его и тащи, я выдохлась!

— Потом позубоскалишь, красавица, сейчас ноги делать надо! — хмуро бросил ей детина и, взвалив пострадавшего, как куль, на спину, быстро побежал прочь.

Едва они отбежали на безопасное расстояние, взорвался бак грузовика и вспыхнула легковушка. Наблюдавшая за операцией по спа-

сению толпа зевак ахнула и заговорила на разные голоса. Суть причитаний сводилась к тому, что успели вовремя...

Пострадавшего уложили на траву газона. Здесь уже сидел мужчина, которого привела женщина. Женщина кинулась к Кате и принялась благодарить:

— Спасибо вам, девушка! Если бы не вы, сгорел бы Паша заживо!

Катя резко остановила её командным голосом, который в чрезвычайной ситуации у неё вдруг прорезался:

— Лирика потом! Вы «скорую» вызвали?!

— Да-да, — закивала другая женщина, стоявшая рядом. — Я сбегала к телефону и вызвала сразу же, как только произошла авария. Сейчас должны подъехать и «скорая», и милиция, и пожарные...

Часть глазевшей на пожар толпы переключилась на пострадавших. Катя отыскала среди зевак водителя автобуса и обратилась к нему:

— Я врач! Пока «скорая» не прибыла, нужно пострадавших осмотреть и перевязать. Принесите, пожалуйста, аптечку из автобуса.

В других условиях излишне полный, неповоротливый, но знающий себе цену водитель плюнул бы на пытавшуюся командовать пигалицу. Но то, что сделала эта молодая женщина на глазах у изумлённых мужиков, вызывало искреннее уважение, и он не раздумывая кинулся выполнять её просьбу.

Катя бросила взгляд на горящие машины и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросила:

— А где водитель грузовика, он спасся?!

Ей ответил какой-то доброхот, видевший аварию с самого начала:

— Он выскочил из кабины, как только грузовик врезался в легковушку, и сразу убежал. Пьяный, наверное, вот и скрылся...

— Ну хоть это хорошо: без трупов обошлись, — тихо произнесла Катя и направилась к пострадавшим. К ним уже подбегал водитель автобуса с аптечкой.

Мужчины были в сознании. Тот, который сидел, промокал носовым платком ссадины на лице, из них сочилась кровь. Второй полулежал на траве и рукой ощупывал ногу.

Катя подошла к нему, представилась и задала вопрос:

— Я врач. Скажите, где ощущаете боль?

Мужчина кинул на неё оценивающий взгляд и ответил:

— Похоже, у меня закрытый перелом и несколько рассечений. Потребуется перевязка, чтобы остановить кровь, и какая-нибудь подручная шина.

Катя посмотрела на пострадавшего с интересом: «Лет на десять

старше её, симпатичный, с открытым лицом и приятным баритоном. Ко всему — сам себе поставил диагноз», а вслух сказала:

— С шиной подождём до приезда «скорой», а перевязку будем делать немедленно.

Катя взяла принесённую водителем автобуса аптечку, профессионально и быстро перебинтовала кровоточащие раны.

Мужчина смотрел на неё одобряюще:

— Вы очень ловко управились. Простите за назойливость, как вас зовут?

Катя ответила стандартно:

— Зовут меня Екатерина, а как обращаться к вам?

— Очень приятно, Екатерина. А я — Павел. Фамилия Гречихин. Спасибо, что вытащили меня! — и вдруг заговорил виноватым, извиняющимся тоном: — И простите, ради бога, что испортил вам день... У меня отпуск. Приехал к другу в гости и влип в аварию... Ну никак не думал, что грузовики у вас ездят на красный.

Катя почувствовала расположение к пострадавшему и в ответ улыбнулась:

— Всякое бывает, товарищ Павел Гречихин. За меня не переживайте — у меня работа такая, а вам теперь вместо отпуска придётся полежать в стационаре...

В этот момент подошла «скорая». Пострадавших увезли в больницу, в хирургическое отделение, в котором работала Катя. У друга, к которому Павел приехал в гости, травмы оказались лёгкие, и его через день отпустили. Павлу на раны наложили швы, гипс — на ногу и оставили в стационаре. Лечащим врачом у него оказалась Катя. Впервые за долгое время она выделила среди больных мужчину, который был ей симпатичен.

Во время первого же обхода Катя дольше обычного задержалась возле него. Он начал задавать вопросы, и она с удивлением спросила:

— Павел, у вас в карте написано, что вы военнослужащий, а вы задаёте вопросы, словно вы врач?

Павлу очень понравилась эта молодая женщина, и он прилагал все усилия, чтобы заинтересовать её:

— У меня всё в одном флаконе: военный хирург, подполковник, работаю в госпитале МЧС в Новосибирске.

Они стали часто разговаривать друг с другом и незаметно перешли на «ты». Павел с увлечением рассказывал ей о своей работе. Постоянные разъезды и командировки, новые города и страны, динамичная и интересная работа полевого хирурга... У Кати загорелись гла-

за. Служба в госпитале МЧС показалась ей привлекательной и даже героической. Совсем не то, что будничная и однообразная работа в рядовой городской больнице. В свою очередь Павел потихоньку расспрашивал Катю о её жизни и выведал о ней всё, что хотел. Поэтому однажды он принялся её уговаривать круто изменить жизнь:

— Катя, ты очень решительная и уверенная в себе женщина. Тебе сам бог велел работать в нашем госпитале. Хватит прозябать в этой больничке. Здесь у вас со скуки умереть можно. И зарплаты у нас выше, и выплачивают их своевременно. У меня есть кой-какие связи, хочешь, устрою тебе перевод?

Катя в последнее время только об этом и думала, но её мучили сомнения. Видела, какими глазами смотрел на неё Павел. Ей это льстило, но она уже знала, что Гречихин женат, имеет двоих детей и строить какие-то планы на совместную жизнь было не совсем правильно. Но не только это останавливало её:

— Павел, я бы с радостью согласилась, но у меня Алёшка. Судя по твоим рассказам, работа у вас напряжённая с частыми выездами по стране и за границу, с кем я его оставлю? Мы с ним вдвоём, ни бабушек нет, ни дедушек...

Павел был настойчив:

— Аргумент серьёзный, но безвыходных ситуаций не бывает. Нужно лишь хорошенько подумать.

Катя над этим уже думала, но не была уверена, удобно ли обсуждать это с новым знакомым. В конце концов решила:

— Вообще-то Алёшка у меня помешан на армии. Мечтает поступить в суворовское училище, не раз заговаривал со мной, но я не знаю, как ему помочь. Все, с кем на эту тему беседовала, говорят, что сделать это можно только по протекции...

Павел откровенно обрадовался, будто и не расслышал последнюю фразу:

— Так это же здорово! Пойдём парню навстречу! В суворовском из него сделают настоящего мужчину!

— А как ему туда поступить? — мучилась вопросом Катя. — Нет у меня среди родственников и знакомых военных...

— Это мы устроим. Главное — определить проблему, а чтобы решить её, есть много способов...

Проблему он действительно решил быстро. Алёшкина мечта сбылась, и парень стал воспитанником суворовского училища.

Павел был привязан к жене, любил своих детей и не думал бросать их. Но молодая и энергичная Екатерина настолько привлекла его, что

он сделал всё, чтобы быстро оформить её перевод. Даже выхлопотал ей на новом месте однокомнатную служебную квартиру. После этого Катя сдала квартиру, в которой жила, знакомым, и из родного города уехала в Новосибирск.

Они стали любовниками. Более того, в бесконечных командировках и выездах полевого госпиталя Катя, по сути, стала военно-полевой женой хирурга Гречихина. На первых порах такая жизнь её вполне устраивала. Прожив несколько лет в одиночестве, молодая женщина была рада синице в руках. Да и новая работа её по-настоящему захватила. Катя начала с оптимизмом смотреть в будущее.

*

Ринат Гайсуллин, полукровка, хитрый, пронырливый делец, слыл негласным миллионером, деньги которого невозможно было подсчитать. Во-первых, потому, что бизнес его был полуофициальным и он никогда не клал все яйца в одну корзину. Иначе говоря, счета его находились в разных странах, поэтому налог, который он должен был платить родному государству, не могли подсчитать самые искусные инспекторы. А во-вторых, он платил своим работникам совершенно нищенские зарплаты. Мужикам, сидящим без работы в сибирских деревнях и сёлах, выбирать не приходилось.

Гайсуллин был из тех миллионеров, которые не фигурируют в списках журнала «Форбс», но с большим размахом расхищают биоресурсы страны. В отличие от крабовых и икорных «королей», он ковал свои «честные» миллиарды с помощью сибирского леса. По аналогии его можно было назвать «лесным королём», но журналисты этот ярлык ему не приклеивали, на упоминание его имени было наложено табу. Некоронованного «короля» откровенно побаивались не только акулы пера, но и работники МВД и прокуратуры. О начале карьеры подпольного миллионера ходили самые разнообразные слухи. Суть их сводилась к тому, что все, кто попытался конфликтовать с ним или освещать его деятельность в прессе, так или иначе закончили свой земной путь. Постепенно целенаправленно и негласно он захватил в свои руки целый лесной край. Под его контролем работали все бригады «лесовиков», валивших лес, многочисленные малые и большие пилорамы и автотранспортные предприятия, занимающиеся перевозкой леса. Гнал круглый лес и пиломатериалы он не только по России и в бывшие союзные республики, но и в Китай, и в Европу. В многочисленных российских телесериалах киношники много и часто показывают подобных дельцов, но в сравнении с

действительностью деяния киношных королей — безобидные игры хулиганов. В кино таких отморозков так или иначе наказывают, в реальной жизни управы на них нет.

Вот с этим «королём» и пришлось столкнуться Михаилу, когда одна из королевских бригад залезла в пригородную заповедную зону, которую работник лесного департамента Быков курировал. Михаилу сообщили об этом нарушении лесники. Вместе с ними и представителем МВД он выехал на место, остановил незаконный поруб и заставил милиционера загнать технику на штрафную площадку. Гайсуллин работал всегда с верхами, до чиновников низшего уровня не опускался, но на наглеца, посмеявшегося посягнуть на его интересы, захотел посмотреть лично.

Некоронованный «король» подъехал на штрафную площадку, куда пригнали задержанную технику, вылез из дорогого джипа и в сопровождении двух телохранителей подошёл к Михаилу. Несколько секунд молча разглядывал «мелкую сошку», из-за которой вынужден был отменить важную встречу. После чего тоном уставшего от людской глупости человека спросил:

— Ты что ли Быков?

Михаил, которому уже шепнули, что к ним пожаловал «король», напрягся, но ответил спокойно:

— Да, это я. Стало быть, это ваши люди закон нарушают?

Маленькие глазки Рината злобно сверкнули. Привык уже, что все к нему обращались с почтением, а тут какой-то юнец смеет его обвинять. Но держать себя в руках этот стервятник научился прекрасно:

— И что же они нарушили?

Михаил всё так же сдержанно и спокойно пояснил:

— Ваша бригада залезла в заповедную зону, они свалили почти три десятка деревьев... Вам придётся заплатить штраф за ущерб и ответить в суде за незаконную деятельность.

Гайсуллин вперил в Михаила глазки-буравчики и тоже спокойно и даже с показным добродушием объяснил, что произошедшее — мелкая случайность:

— Я думаю, что они сделали это по ошибке... Выделенная делянка находилась рядом, вот и перепутали. Так что не нужно из этого пустяка раздувать скандал. Простить надо ребят! В конце концов что такое три десятка хлыстов? Абсолютная мелочь в масштабе губернии...

Гайсуллин, по сути, продиктовал решение, но Михаил на попятную не пошёл:

— Простить нельзя... Создадим прецедент для других. Заповедная зона рядом с городом и охраняется законом. Если каждый начнёт в ней рубить по тридцать хлыстов, через год одни пеньки останутся...

Ринат Гайсуллин мысленно уже занёс этого не вписавшегося в «рыночную» экономику паренька в чёрный список, и разговаривать с упёртым правдолюбом больше не было смысла. «Король» неодобрительно покачал головой:

— Какие вы, совки, все правильные. Никак не поймёте, что ваше время ушло и всё будет так, как я захочу! Верно ты сказал: одни пеньки останутся...

Он повернулся и зашагал к машине. По обе стороны от него затопали холопы— телохранители, готовые в любую секунду броситься на защиту своего кормильца.

Инцидент замяли без Михаила. Сделали это наверху тихо, без всякой огласки. Даже объяснительную с Михаила не потребовали, будто и не было совсем ничего. Михаил почувствовал, что нажил себе смертельного врага, и приготовился к осаде. Однако вопрос с заповедным лесом разрешился совсем не так, как он ожидал. В июле этот лес запылал.

Леса в Сибири горели ежегодно. Власти, пресса и общественность клеймили пресловутый «человеческий фактор». Предпринимались меры: в лесной зоне запрещали разведение костров, проведение пикников, в пожароопасный период ограничивали туризм. Но леса продолжали гореть, и чем больше предпринималось усилий, тем чаще происходили пожары. Винават был действительно человеческий фактор, но не тот, на который делался акцент. Повинны были неправильное в масштабах всего государства ведение лесного хозяйства и коррупция, приводящие к хищническому уничтожению леса, разбазариванию за бесценок некогда народного достояния. Лес поджигали по заказу тех, кто наживал на нём свои «честно заработанные» миллиарды.

Михаил находился в это время в городе. Когда сообщили о пожаре, сел в машину и помчался в заповедник.

Кто не видел, как горит лес, тот не знает, что такое настоящий пожар. Михаил лесной пожар видел не раз, но никак не мог привыкнуть к разгулу стихии и перебороть чувство страха. Тяжёлый зловещий гул от огня, надвигающегося стеной, вселял в сознание ужас перед неуправляемой стихией, пробуждал во всём живом инстинкт самосохранения. Возникало только одно желание — бежать и как можно дальше. Всё, что могло двигаться, действительно бежало. Удирало,

растеряв своих детёнышей, мелкое и крупное зверьё. Улетали, бросив гнёзда и едва оперившихся птенцов, птицы. Детёныши и те, кто не мог летать, быстро и далеко бегать, пытались спрятаться в дуплах, норах, густой траве и ямах... и сгорали заживо... Деревья и кустарники бежать не могли и встречали огонь стоя. Для всего живого пожар был тем самым Апокалипсисом, о котором с таким страхом говорили люди, в том числе и устроившие этот рукотворный разгул стихии. Гибли в пожаре и они сами. И те, кого огонь внезапно застал в лесу, и прибывшие для его тушения.

Но именно в такие моменты люди, не те, которые в результате пожара надеялись поживиться, а люди нормальные, с честью и совестью, проявляют себя в полной мере, отбрасывая в сторону все дразги, разногласия, несогласия и прочее... В этот момент людей объединяет общее дело, перед которым всё остальное становится второстепенным. В данном случае у всех была одна общая цель: стена огня двигалась на город, и её нужно было остановить.

Для локализации пожара экстренно созданный штаб выработал план, который почти сразу же начали претворять в жизнь. Прибывшие силы разделили на четыре отряда. Самый большой отряд должен был развернуться по просеке вдоль объездного шоссе. Его задача: отсечь огонь от города, не дать пожару перекинуться через дорогу. Второй и третий отряды окружали огонь слева и справа по просекам. Их задача: локализовать пожар, не дать ему распространиться по лесному массиву вдоль города. Четвёртый отряд должен был развернуться с наветренной стороны и не допустить распространение огня к расположенным в той стороне сёлам. После того, как на этих рубежах огонь будет остановлен, все отряды начнут движение к центру.

Михаил вёл первый отряд. Совместно с командиром отряда они расставили на узловые точки пожарные машины, пустили вдоль просеки тракторы с плугами, в промежутках между машинами расставили добровольцев и спасателей. Они должны были тушить любой пал, перекинувшийся через опуханную зону. Довольно слабый ветер способствовал спасателям: несмотря на непредвиденные задержки, они успели развернуться до подхода огневого вала.

Наступавшему огню оставалось пройти до шоссе около двухсот метров, когда Михаил разглядел в дыму на узкой лесной дороге людей. Со стороны пожарища шла женщина. Она из последних сил тащила за руки двух девочек лет девяти-десяти. Одна из малышек молча и обречённо перебирала ногами, вторая плакала и непрерывно повторяла: «Мама, мамочка моя...»

Михаил кинулся к ним, подхватил девчонок и помог им выбраться на шоссе. Здесь все трое свалились без сил, но девочки время от времени смотрели в ту сторону, откуда пришли, и вдруг зарыдали вдвоём: «Мамочка, там осталась наша мамочка...»

Женщина с трудом выдохнула и едва слышно произнесла:

— Ради Бога, спасите Варю...

— Какую Варю? Что с вами случилось? — спросил Михаил.

Белое как мел лицо женщины, убежавшей от пожара, показывало, насколько сильно она переутомилась. Она держалась правой рукой за сердце и пыталась глубоко вздохнуть. Наконец ей это удалось:

— С утра мы ушли за ягодами. Когда начался пожар, побежали к дороге. Варя, их мать, попала в яму и подвернула ногу... Мы ей помогали идти, успели выбраться на дорогу, но огонь нас догнал... Варя сказала мне: «Беги, спасай детей!» — а сама осталась там... Помогите ей!..

Михаил посмотрел на узкую лесную дорогу, по которой они пришли:

— Далеко вы её оставили?

— Недалеко... метров триста, но там сейчас огонь. Когда мы побежали по дороге, она пыталась идти за нами, опираясь на палку.

— Володя, — крикнул Михаил подошедшему от машины пареньку. — Сбегай и вызови по рации врача! Я побегу за женщиной! Может, успею...

Он смочил водой из фляжки носовой платок, прикрыл им рот и побежал по дороге навстречу огню. Дым мешал осматривать дорогу, жар от горящих деревьев всё усиливался, а женщины нигде не было. Горло раздирали горячий воздух и дым, дышать становилось всё труднее. В этот момент в голове сработал стоп-кран инстинкта самосохранения: «Пора поворачивать назад. Её не найду и сам погибну!»

Он пробежал по инерции ещё с десяток метров, развернулся назад и вдруг увидел её. Женщина лежала в небольшой ямке возле дороги. По всей видимости, от дыма и угарного газа потеряла сознание. Михаил подбежал к ней, наклонился, чтобы попытаться привести её в чувство, и в этот момент позади, отрезая путь к спасению, рухнуло горящее дерево. Раздумывать было некогда. Он поднял женщину на руки и ринулся в небольшой промежуток между верхушкой горящего дерева и лесом. Ему удалось благополучно миновать огонь, выбежал снова на дорогу и перешёл на шаг. Идти становилось всё труднее. Живая ноша была тяжела, не хватало воздуха, сердце готово было выскочить из груди, но он продолжал идти, пока не запнулся. Они упа-

ли. От удара женщина очнулась, распахнула большие синие глаза и молча уставилась на него, как на внезапно появившееся привидение.

Он смотрел на неё, тяжело дышал и с ужасом понимал: с каждой секундой промедления их шансы на спасение становятся всё меньше. Варвара была женщиной привлекательной, с пышными формами и с приличным весом, и в данном случае это только усугубляло их положение. Справа и слева от дороги огонь усиливался, а сил подняться и нести её дальше не было.

— Идти сможешь? — хриплым чужим голосом выдавил он из себя.

Ему показалось, она целую вечность соображала, что ответить, и всё так же удивлённо смотрела на него. Наконец губы её разомкнулись:

— Не знаю...

Он собрал все силы, с трудом встал, помог ей подняться и подставил плечо. Но как только она попыталась сделать шаг и приступила на больную ногу, охнула и повалилась на бок. Он не стал больше экспериментировать, снова сгрёб её в охапку и понёс по дороге.

Горячий воздух с углекислотой вместо кислорода, угарный газ и дым делали своё дело. Через какое-то время он опять начал задыхаться, мышцы стали слабеть, и он в реальности ощутил, что означает выражение «ноги налились свинцом». Не дожидаясь очередного падения, Михаил опустил её на землю, выругался и с отчаянием закричал:

— Едри твою налево! Ну почему ты не принцесса, которая легче пушинки?!

Она испуганно захлопала ресницами и выдавила из себя всё те же слова:

— Не знаю...

Как ни странно, но крик снял стресс, а её кроткий ответ едва не довёл его до истерического смеха. Ему стало весело, организм включил резервы, появилось второе дыхание. Он снова подхватил её на руки и пошёл дальше...

Михаил вынес Варвару из огня и дыма, когда все уже начали думать, что погибли и спасатель, и спасаемая. Люди на шоссе увидели их и помчались навстречу. С радостным криком: «Мама, мамочка!» — подбежали девчонки. Он выпустил Варвару из рук и без чувств повалился на землю.

Очнулся от резкого запаха нашатырного спирта. Голова раскалывалась сильнее, чем после самого дикого похмелья.

Пожилой, с сединой в волосах доктор, улыбаясь посмотрел на него и доброжелательно проговорил:

— Очнулся, наш герой?! Как самочувствие?

— Башка раскалывается! Доктор, доктор, а нельзя ли внутрь принять лекарство мне? — улыбнувшись в ответ, ответил герой.

— Раз пациент шутит, значит, он скорее жив, чем мёртв, — констатировал врач. — А лекарство сейчас дадим. Ты слишком долго нёс свою даму в дыму и немножко угорел!

Михаил понизил голос, чтобы не услышали окружающие:

— Если бы я знал, что у неё такой вес, под дулом пистолета не кинулся бы её спасать...

Доктор, прекрасный специалист своего дела и выдающийся циник в одном лице, скривился в усмешке:

— Эх, молодо-зелено... Ты считаешь, что костлявые бабы лучше полненьких?

Не дождавшись ответа, он посмотрел на сидевшую с дочками и время от времени бросающую на них взгляды Варвару, откровенно облизнулся и назидательно пояснил:

— Вот женишься на ней, сразу поймёшь: лучше качаться на волнах, чем биться о скалы...

Пожар удалось локализовать и потушить, однако три человека в этом пожаре погибли. Обгоревший лес начальник департамента распорядился отдать предпринимателям по бросовой цене. Получилось так, как сказал Ринат Гайсуллин. Прошёл месяц, и на месте сгоревшего леса и даже на прилегающих к нему участках, где лес не пострадал совсем, остались одни пеньки... Деловой лес заповедной зоны ушёл за бесценок...

...Слова доктора оказались пророческими. Михаил много раз выезжал на тушение лесных пожаров, но именно этот стал для него судьбоносным. Спасённая им Варвара оказалась разведёнкой. Принц, которого она выбрала в молодые годы, спился, и, оценив положительные качества своего спасителя, она вцепилась в Михаила, словно весенний клещ в подвернувшуюся жертву. Ему тоже изрядно прискучило жить в одиночестве, и они сошлись, а чуть позднее официально зарегистрировали свой брак.

Глава 6

Михаил сидел в пустой комнате, уставившись в экран телевизора, но в содержание сериала не вникал, а думал о своём. Никогда ещё не оценивал он свою жизнь с таким пессимизмом. Знакомый

опер из МВД сообщил о внезапной смерти Рината Гайсуллина. Посоветовал Михаилу быть осторожным. На следствии выяснилось: начальник охраны получил от покойного распоряжение на физическое устранение нескольких человек, в их число попал и работник лесного департамента Быков. Сейчас главный охранник бывшего лесного «короля» в бегах. Можно предполагать различные варианты развития событий, но пока его не поймают, реальная угроза жизни сохраняется.

Но не только эта неприятная неопределённость погрузила Михаила в сильнейший пессимизм. Он пришёл к выводу, что жизнь по большому счёту не удалась. Тайга, которую он искренне любил, всё больше и больше доставляла ему хлопот и неприятностей. Работа, которой занимался, всё меньше приносила удовлетворения. Умер старик Михеевич... Светлый человек, служивший для Михаила примером, общение с которым приносило удовлетворение и являлось своеобразной отдушиной...

Михаил вечерами смотрел российские телесериалы и удивлялся: как складно и удачно всё у сценаристов. Герои-одиночки преодолевают все трудности, борются со злом и в конце неизбежно его побеждают. В реальности добро и справедливость торжествовать не спешили. И герои, которые борются со злом, жертвуя собой, — в жизни большая редкость. И финал иной. Хотя в его жизни иногда и случались моменты, подающие надежду, но вслед за тем мрак сгушался ещё сильнее.

Ринат Гайсуллин, с которым Михаил длительное время пытался «бодаться», сам нашёл пристанище на городском кладбище. Как-то слишком внезапно у него остановилось сердце. А следом на смену некоронованному королю-миллионеру пришёл коронованный олигарх-миллиардер. Официальная пресса называет его патриотом за то, что в советское время не укатил в эмиграцию, а, сменив указывающую на его национальность фамилию на фамилию бабушки, дождался своего часа и принялся ковать «честно заработанные» миллиарды. Наковал их столько, что в первую сотню списка журнала «Форбс» попал без проблем. Этот прибрал к рукам не только лесную сферу области, но и многие другие... Потому хрен не показался Михаилу слаще редьки. Гайсуллин ушёл, а дело его живёт и процветает, и при новом хозяине порядка и справедливости в лесной сфере не прибавилось. Как ни крути, а напрашивается только один вывод: в реальной жизни правят бал большие и малые ринаты гайсуллины. Они побеждают постоянно, и жить с этим — невыносимо.

Очередной косяк получился и в личной жизни. С Варварой жили обыденно и уныло. Первая увлечённость быстро схлынула, а дальше сказалась разность темпераментов и характеров, выявившая их духовную несовместимость. Какой-то любви, привязанности и крепких чувств между ними так и не возникло. Несмотря на это, Михаил вполне добросовестно исполнял обязанности отца и мужа. Совместного ребёнка не родили, но девчонок Варвары поднять на ноги он помог. Обе окончили школу и вышли замуж.

Сама Варвара за годы благополучной в материальном отношении жизни сильно изменилась. От той по-детски наивной испуганной женщины, которую он вытаскивал из горящего леса, ничего не осталось. Его порядочность она восприняла как слабость и на этом основании почувствовала себя в семье командиршей. Он до поры до времени смотрел на её потуги «поругить» снисходительно, пока Варвара совсем не зарвалась и не пошла поперёк его принципов. Когда в государстве начало складываться то, что позднее назовут «стабилизацией», у Варвары приключилось обострение жадности, хорошо описанное Пушкиным в «Сказке о рыбаке и рыбке». Ей страстно захотелось в «высший» свет, да чтоб непременно жить в такой же роскоши, в которой обитают представители этого света. Она принялась методично и целенаправленно долбить супруга, направлять его на «правильный» путь и приводить ему в пример коллег, которые «жить умеют». Всеобщее природное достояние страны — лес — в условиях торжества капитала над человеком для многих превратился в удобную кормушку. Михаил по-прежнему не питался из этой кормушки: красть и брать откаты ему не позволяла совесть. И это обстоятельство Варвара постоянно ставила мужу в упрёк. Она укоряла его наличием этой самой совести и изо дня в день пела одну и ту же песню: «Почему и этот, и вон тот может, а почему не можешь ты?!» До поры до времени он её систематическое мозгоклюйство терпел, но всему есть предел. Когда нудная песня набила оскомину, он собрал вещи и ушёл... Варвара списала его уход на происки неведомой ей соперницы. Она ревновала его всегда и по любому поводу, хотя супруг повода не давал.

Михаил снова окунулся в одиночество. Одиночество это было страшнее, чем в молодости. Подводить итоги в его возрасте рано, но главный факт никуда не денешь: пошёл пятый десяток, а у него — ни семьи, ни детей... В воспоминаниях он часто возвращался в прошлое, где особым светлым и радостным островком сияла его краткая встреча с девчонкой, которую два десятка лет он не может забыть... Небось

живёт счастливо и беспечно в своём городе и не задумывается над тем, какую сердечную рану оставила в душе влюбившегося в неё парня. Но и тут виноват сам: смалодушничал тогда в юности. Воевать надо было за свою любовь, а он, поддавшись сиюминутному настроению, увлёкся красавицей Маргаритой.

Сериал закончился, начались новости, но Михаил не слышал их. Он долго ещё был там — в воспоминаниях...

*

Непредсказуемы судьбы людей. Катя, которая, как предполагал Михаил, счастливо жила в родном городе на Урале, последние годы была совсем рядом. Но судьба по каким-то известным только ей правилам так и не допустила их встречи.

Жизнь Кати никак нельзя было назвать «беспечальной», потому что к ней пришла большая беда. Она была оптимисткой, постоянно настраивала себя на позитивный лад, а получалось чем дальше, тем хуже. Ей казалось, что она уже достаточно настрадалась в жизни, но наступило время, когда неприятности прежние показались цветочками. Алёшка — её главная радость в этом мире, совсем зелёный лейтенант — погиб на Кавказе, не прослужив после училища и двух месяцев.

А ведь казалось, что в её жизни всё наладилось. Интересная работа с вечными командировками не оставляла времени на хандру и уныние. За годы службы в госпитале МЧС она исколесила не только Россию, но и побывала во многих странах Африки, Азии, Латинской Америки... В отличие от многих коллег не избегала этих командировок, часто напрашивалась сама. Постоянно находясь среди попавших в беду людей, помогая им, она чувствовала свою полезность и легче переживала духовное одиночество. И Павел, которого она делила с законной женой, в длительных командировках безраздельно принадлежал ей. Коллеги её ценили, пациенты любили и ласково называли «доктор Катя».

Всё хорошо складывалось и у Алёшки. Парень вырос, возмужал, после суворовского поступил в военное училище. На третьем курсе женился, хотя она и уговаривала сына повременить. Теперь понимала: сыночек оказался прав. Словно чувствовал что-то и торопился. Оставил после себя сына — Ванечку. Но полноправной бабушкой ей побыть не пришлось. Сразу после похорон сноха, забрав внука, уехала к новому ухажёру в Ростов и фактически разорвала все связи с бывшей свекровью.

Беда способствовала и охлаждению отношений с Павлом. Надежда стать со временем его законной женой умерла в самом начале их связи. Павла вполне устраивала жизнь с двумя женщинами. Катя к этому вроде бы тоже притерпелась. Она уважала Павла, за годы совместной работы и жизни привязалась к нему. Мужик он настоящий, хоть и излишне любвеобильный. Но после гибели сына их отношения превратились в формальность и даже в обузу. В этом Катя тоже винила себя. Павел искренне сочувствовал ей, но какому мужику будет интересна женщина с потухшим взором, замкнувшаяся в своём горе. Возможно, какое-то время они жили бы так и дальше, если бы Катя не застала его в объятиях молоденькой медсестры. После этого она без всяких истерик и разбирательств вывела Павла на уровень обычного сослуживца, даже обращаться к нему стала по имени и отчеству. Любые его попытки возобновить отношения отвергала твёрдо и непреклонно.

Чтобы пережить горе, с головой ушла в работу. Работа не давала сойти с ума и заполняла пустоту, в которой она оказалась. Катя была хорошим врачом и понимала: со временем любая боль притупляется и рана затягивается. В какой-то мере это получилось. Через год боль утраты поутихла, но чёрная полоса на этом не закончилась. Новая беда настигла её после возвращения из Азии, где их полевой госпиталь спасал людей, выживших после землетрясения. Она позвонила снохе Маше, чтобы узнать, как здоровье внука, а ответили ей незнакомые люди, заселившиеся в квартиру. Они сообщили, что сноха и её сожитель погибли в автомобильной катастрофе. Ребёнок был в это время в детском садике и остался жив. Его забрали в детский дом, но новые жильцы не знают, в какой...

*

Очередное несчастье подтолкнуло Катю к решительным действиям. Она так и не устроила свою личную жизнь, потеряла сына, сноху, теперь вот может потерять и внука — единственного родного человека. Катя взяла отпуск и отправилась на поиски. Прежде, чем ехать в Ростов, заехала в родной город к Леониду. У неё была слабая надежда на то, что тот поможет быстро отыскать внука.

Родной город сильно изменился. Повсюду, как грибы, повыврастали торговые центры. Тем не менее каждая улица, каждый дом навевали воспоминания. На дворе хозяйничало бабье лето — прекрасная пора золотой осени, похожей на ту, давнюю, когда она в скверике института сделала роковую ошибку и променяла любовь на удобства

и комфорт. Красив её старинный город в эту пору, когда нет облаков и жёлтое осеннее солнце с голубым небом и раскрашенной в жёлто-оранжевые тона листвой совместно творят непередаваемую палитру. А красота вселяет в душу человека оптимизм. У Кати появилась твёрдая уверенность: внука она обязательно найдёт и заберёт из детского дома...

Бывшего мужа Катя нашла без труда. Вот для кого переворот под названием «перестройка», и крушение страны оказались благом. С уходом из института отца Кати, который помог Леониду не только остаться в институте, но и защитить кандидатскую диссертацию, Леонид стал энергично строить карьеру и пробивать себе дорогу, не считаясь ни с кем и ни с чем. Выражение «цель оправдывает средства» стало его жизненным девизом, он шёл к своей цели и напролом, и обходными путями. Где, как и что он смог прихватизировать, чтобы получить в руки такой капитал, Катя могла только догадываться, но сейчас у Леонида была своя клиника, оснащённая современной медицинской техникой. Он считался уважаемым и авторитетным человеком не только в среде медиков и предпринимателей, но и в кругу крупных чиновников области. Солнышко местного значения — губернатор и вся «солнечная» родня лечились в его клинике.

В эту клинику она к нему и приехала. Леонид растолстел, стал вальяжным. Во взгляде ещё больше, чем в юности, читалось превосходство над окружающими. Вместе с тем появились напускная солидность и напыщенность. С Катей поздоровался прохладно. Он знал о смерти сына, от которого в своё время отказался, и как-то уж очень формально посочувствовал ей:

— Знаю, что Алёша погиб. Держись, не падай духом...

Катю в очередной раз кольнула боль. Глаза сами по себе наполнились слезами:

— Как мне духом не падать?.. Алёша — мой единственный сын... Нет у меня больше в этом мире никого ...

Слёзы не разжалобили Леонида, дурное прорвалось, и он откровенно позлорадствовал:

— Ты сама выбрала такую судьбу.. Не ушла бы от меня, всё было бы иначе...

Она знала, что сочувствие он высказал неискреннее. Свалил вину на неё тоже несправедливо. Хотя и не любила его, но жила с ним, пока отец не ушёл из института. А после этого именно Леонид кардинально изменил своё отношение к ней, своей жене. Открыто демонстрировал всем, что она больше ему не нужна и он получил от неё всё,

что она могла дать. Катя не желала ворошить прошлое, но не ответить на хамское злорадство не могла:

— Нет, Лёня, не было бы у нас иначе... Разные мы с тобой и друг другу чужие. И потом ты, наверное, забыл, но я хорошо помню — не мы от тебя, а ты ушёл от нас...

С Леонида в один момент слетело всё благородство вместе с напыщенностью, и он грубо и зло бросил в ответ:

— Если мы чужие, то какого чёрта ты ко мне припёрлась? Спонсорской помощи просить? Так чужим я не подаю!

Катя криво улыбнулась:

— Узнаю тебя во всей красе, авторитетный ты наш и уважаемый. Ничего я просить у тебя не буду! Живи в своё удовольствие и радуйся!..

Говорить больше было не о чем. Не любил он никогда ни её, ни сына. К Алёше был равнодушен с самого рождения. Знал, что ребёнок не его, и не мог перебороть гордыню. А своих детей у него так и не получилось. К моменту их встречи Леонид поменял трёх жён, множество любовниц, но ни одна из них так и не родила ему ребёнка. «Бог ему судья, — решила Катя. — Может, Господь специально сделал так, чтобы у этого «жирного кота» не было продолжения рода».

В этот же день Катя села в поезд и поехала в Ростов. Ей повезло. Мир не без добрых людей. Нашлись такие и в органах социальной опеки, поэтому она довольно быстро разыскала детский дом, в который направили внука. Последний раз она видела его почти два года назад и сомневалась — узнает ли малыша. Когда воспитательница привела трёхлетнего Ванюшку, сомнения вмиг развеялись, и мучительная, вместе с тем сладкая боль сжала её сердце. Внук поразительно был похож на Михаила. Особо выделялись на детском личике такие же, как у деда, синие-синие «девичьи» глазщици...

Ванечку ей не отдали. Чтобы стать полноправным опекуном, на сбор и утверждение документов, утряску всех формальностей и согласований требовалось немалое время. Но отступать Катя не думала. У неё появился мощный жизненный стимул, вдохнувший в неё новую энергию. Теперь был тот, ради кого ей нужно жить.

*

Катю не оставляло прошлое. Чем дальше отдалялась она от молодости, тем чаще её мысли возвращались к утраченному счастью. Удивительно, но сразу после того, как она рассталась с Павлом, ей снова приснился Михаил, которого, казалось, она уже забыла. До-

бавил впечатлений и похожий на деда внук. Она вновь увидела Михаила во сне настолько отчётливо, что, проснувшись, ощущала вкус его поцелуев.

В силу специфики работы перед Катей прошли сотни очень разных мужчин, но никто не зацепил её сердце, хотя такие попытки со стороны представителей сильного пола предпринимались не раз. Она не находила никакого логического объяснения тому, что не могла забыть «ошибку молодости». Очевидно, просто не хотела её забывать, хотя и осознала: за два с лишним десятка лет всё настолько изменилось, что произошедшее в юности на деле может оказаться красивой романтической сказкой, созданной в её воспалённом воображении. Реальность же может убить эту сказку. Более чем вероятно, что у Михаила есть любимая женщина, семья, дети. Хорошо понимая это, она всё равно не могла справиться с приступами ностальгии... Может быть, способствовала этому новая фаза её одиночества. А может, судьба таким образом подталкивала её к активным действиям.

Катя вспомнила фразу матери: «Найди его. Может быть, и он нуждается в тебе», — и однажды решила хоть что-то о Михаиле узнать. Помог знакомый из МВД. Через интернет и свою службу он сумел разыскать адрес и телефон. Когда вручил ей данные, Катю будто столбняк поразил. Она и предположить не могла, что Михаил Потапович Быков живёт в этом же самом городе... Такого просто быть не могло! Любой город России — это большая деревня: даже если будешь специально прятаться, всё равно со знакомым человеком где-то пересечёшься, а они ни разу не встретились... Катя позвонила в этот же день.

Ей ответил женский голос. Как Кате показалось, женщина была под хмельком:

— Ну... слушаю...

— Извините, это квартира Быковых? Можно пригласить к телефону Михаила Потаповича?

Некоторое время в трубке слышалось неровное дыхание, а потом последовал грубо заданный вопрос:

— А кто его спрашивает?

— Это его давняя знакомая Екатерина Жукова.

В ответ снова неопределённое сопение, потом злобно, со злорадством и ненавистью:

— А-а-а...поняла, ты его бывшая любовница... Нету Михаила! Умер он!

— Как умер?!

— А как умирают? Жил да был... был да умер... Не звони мне больше никогда! Ты мне жизнь испортила!..

Катя сидела и молча слушала гудки в трубке. До неё долго не доходил смысл сказанного. Как так умер? Получается, опять опоздала...

*

Едва Катя после отпуска вышла на работу и заступила на дежурство, как поступил срочный вызов. Нужно было лететь в тайгу. Срочно требовался опытный врач, способный в полевых условиях сделать операцию. Схватила сумку для экстренной помощи и побежала на вертолётную площадку. В вертолёте узнала подробности. Вызов сделал местный егерь по рации. Браконьеры подстрелили в тайге не то лесника, не то охотника. С дикцией у этого егеря что-то не в порядке, поэтому никто ничего толком не понял. Ясно только, что нужна срочная операция, а площадки для посадки вертолёта поблизости нет.

Под самый вечер летели над позднеосенней тайгой. Лес уже потерял красочный наряд и казался сверху унылым, однообразным, каким-то тёмным и чужим. С вертолёта тайга выглядит игрушечной и не пугает огромностью незаселённых пространств. А на деле?.. Тайга не останавливала людей двадцатого века, осваивавших её и строивших здесь новые города. Но избалованного излишествами современного комфорта человека страшит. Страшит своей протяжённостью, дикостью, непроходимостью болот, логами и сопками, отсутствием нормальных бытовых условий и услуг, а за одно гнусом, комарами и дикими зверями. Хотя и не перевелись ещё доморощенные экстремалы-Конюховы, число их год от года сокращается. Современные «первопроходцы» предпочитают осваивать столичные города, экзотические страны и западные курорты.

Катю тайга не пугала. С той самой неожиданной встречи возле охотничьей избушки она стала источником светлых воспоминаний и несбывшихся надежд. Мысли её произвольно перескочили в тот таёжный уголок из юности. Вспомнила, как они сплавились на плоту по речке, как, свалившись с плота и повредив ногу, брела по тайге и пришла в охотничью избушку, где неожиданно встретила своего Потапыча. Как прекрасно и радостно было им там вдвоём вдали от шумных городов и суетных людей! Ностальгия по мелькнувшему в юности и уплывшему по реке жизни краткому счастью сдавила сердце. Призрачная надежда на то, что всё это можно вернуть, исчезла вместе с сообщением о смерти Михаила. Она вспомнила своих никогда не

унывавших родителей, любивших повторять: «После радости — неприятности по теории вероятности!» Коль жизнь полосатая, должны же быть и полосы светлые. Почему у неё сплошная чёрная полоса? Чем она так провинилась? Хотя, может быть, она зря себя так накручивает? Это она уехала в Сибирь в погоне за интересной работой. А откуда здесь мог появиться Михаил? Скорее всего, умерший Быков — просто его полный тёзка. Нужно будет съездить по адресу и всё выяснить... Обязательно нужно. Даже если и в самом деле Михаил умер, то внук должен знать, где похоронен его родной дед...

От зародившейся надежды Катя повеселела и ощутила прилив энергии. И почему эта мысль раньше не пришла ей в голову?

Вертолёт завис над едва заметной полянкой в полукилометре от охотничьей избушки. Внизу махал руками егерь. Это он выстрелил из ракетницы, обозначая место. Для посадки вертолёта полянка была явно мала. Пилоты выбросили верёвочную лестницу, и Катя со всем своим инструментом торопливо спустилась по ней. Подобное действие для неё давно стало привычным.

Очувтившись на земле, разочаровала егеря:

— Эвакуировать раненого сегодня не сможем. Я окажу первую помощь, а завтра придёт команда, которая перенесёт его к месту посадки вертолёта.

Егерь, крепкий, здоровый мужик, на голову выше её, плохо выговаривавший букву «р», услышав, что эвакуация раненого откладывается, возмутился:

— Это наши вертолёты не могут сесть, а у бгаконьегов они везде садятся. Подстгелили человека и улетели...

Катя переключила разговор в нужное ей русло:

— Найдут ваших браконьёров, не сомневайтесь. Лучше скажите, как состояние раненого?

— Он в сознании. Я пегевязал его, как мог... Но гана не сквозная, пгидётся доставать пулю.

Вертолёт улетел, они направились к избушке. Егерь взял у неё сумку и пошёл впереди. Он всё ещё был под впечатлением произошедшего, и ему во что бы то ни стало требовалось выговориться:

— Ганеный мужик хогоший, пгавильный и погядочный. Пгибыл, чтобы лично поймать одного, пгости меня господи, долбанутого пгедпгинимателя. Это их власть газбаловала и так называет, а по мне они обыкновенные кулаки-мигоеды, на котогах, оставшиеся без габоты дегевенские мужики за ггоши батгачат... Закупил импггтную технику, валит незаконно лес и вывозит на свои пилогамы...

Егерь, хоть и нёс её сумку, шёл быстро. Катя запыхалась, с трудом поспевая за этим богатырём, но не придерживала его и даже успевала задавать вопросы:

— Так кто же его подстрелил? Этот предприниматель?

— Нет. Хотели поймать одного, а нагвались на других. Какие-то высокопоставленные бгаконьегы. На вегтолёте пгилетели... гады! Пагазиты ненасытные, всю лосиную семью загубили... малыша и того не пожалели. Увидели нас, даже договагиваться не стали... Начали стгелять, потом сели в маленький вегтолёт и улетели.

— Завтра прилетит следователь, вы ему всё расскажете. Найдут ваших браконьеров: в крае не так много частных вертолётов.

Егерь обречённо махнул рукой:

— А-а, знаю, что найдут... Только потом всё гавно отпустят...

Когда подошли к избушке, у Кати вдруг защемило сердце. Как она похожа на ту, из юности, часто снившуюся во сне. Не было возле неё только просторной поляны и чурбачка, на котором сидела, когда ей померещился медведь. Они зашли внутрь.

Стушались сумерки, маленькое окно плохо освещало помещение. Нужно было время, чтобы глаза привыкли, но обстановку увидела сразу. Типичный, знакомый ей домик охотника: железная печурка, стол с керосиновой лампой и небольшой топчан, на котором лежал раненый. Судя по дыханию, он был в забытьи. Катя быстро сняла верхнюю одежду, надела белый халат и тихонько отдала распоряжение егерю:

— Зажгите лампу, а потом принесите побольше воды и нагрейте её.

Егерь без слов кинулся выполнять её команду. Поднял стекло, зажёл фитиль лампы и подкинул в печку дров. Катя протёрла руки специальной салфеткой и подошла к пострадавшему. Лампа осветила маленькое помещение и лицо раненого. Она взяла его руку, нащупала пульс и внезапно, словно от удара электрическим током, вздрогнула. Свет от лампы ложился так, что в лице раненого ей почудились знакомые черты. Вгляделась внимательно, но наваждение не пропало: раненый был чем-то похож на Михаила. Какая-то мистика... Неужели она настолько впечатлительна, что под воздействием воспоминаний ей начало мерещится? Вот уж поистине сошёл на нём белый свет клином... Чтобы отвести наваждение, она трянула головой и охрипшим от волнения голосом спросила егеря:

— Как зовут раненого?

Тот уже открыл дверь, чтобы идти по воду, но, услышав вопрос, повернулся к ней и громко забасил:

— Быков... Михаил Потапович Быков.

Услышав свою фамилию, раненый открыл глаза и удивлённо уставился на потерявшую дар речи женщину в белом халате. Некоторое время в его воспалённом мозгу шло осмысление увиденного, после чего, с трудом сосредоточившись, удивленно спросил:

— Катя, это ты или у меня галлюцинации?

Лицо его сильно изменилось, но голос она узнала бы из тысячи:

— Миша?!.. Ты живой?!

— Как видишь, живой... пока... Хотя не совсем... так что — помогай...

— А ведь я тебя почти похоронила. Разговаривала по телефону с твоей женой, она сказала мне, что ты умер...

Лицо раненого исказила гримаса — смесь реакции на боль с усмешкой:

— Варвара может... у неё язык ещё тот. Если так сказала, то я для неё действительно умер. Мы развелись с ней, и она на меня в большой обиде... А как ты живёшь? Счастлива со своим Леонидом?

Михаил говорил, а голос его звучал всё тише. Было видно, как он преодолагает себя. Катя смотрела на него и не вдумывалась в то, о чём он говорил. Её мозг выделил фразу о разводе и в голове билась и всё заглушала единственная мысль: «Неужели я нашла его?» Однако «находку» нужно было спасать: рана серьёзная. Она взяла себя в руки, намереваясь жизнерадостным и оптимистичным тоном, которым обычно разговаривала с больными, поддержать его, а вместо этого неожиданно для себя выложила ему главное:

— С Леонидом мы давно не живём... А у нас с тобой был сын, Алёша. Он погиб, но остался внук Ваня...

Михаил удивлённо смотрел на неё, с трудом переваривая сказанное:

— Был сын... остался внук... И ты все эти годы молчала?

Катя уловила в его вопросе скрытый упрёк и ответила кротко с виноватой интонацией в голосе:

— Так сложилось, Миша. Я очень виновата перед тобой... Мне многое тебе нужно рассказать, но всё это потом... Сейчас надо извлечь пулю и заштопать твою рану!

По диалогу врача и раненого егерь понял: эти двое не просто знакомы, их связывает нечто большее.

«Это хорошо! — с облегчением подумал он. — Она его обязательно вытащит!»

Егерь вышел из избушки и побежал по воду.

*

...Катя лежала, прижавшись к тёплому боку Михаила, и не могла уснуть. Она ощущала себя по-настоящему счастливой: наконец-то у неё есть настоящая семья! Она слушала ровное, спокойное дыхание любимого человека, и её душу переполняла нежность. В детской комнате мирно посапывал внук Ванечка. В этом ребёнке текла их с Михаилом кровь. Трёхлетний малыш как-то сразу привык к ним и называл их то баба и деда, то мама и папа.

Говорят, что счастье приходит к человеку, когда он умеет радоваться жизни, любить других людей, делать добро. Всю свою жизнь она делала людям добро, любила, пыталась радоваться тому, что имела, а жизнь её не особо баловала, больше огорчала. Да и среди людей находились такие, которые видели не её многочисленные добрые дела, а её редкие ошибки.

Только сейчас Катя в полной мере осознала: человеку очень важно для счастья правильно выбрать свою половинку. Выбрать не по внешним данным, не по оболочке, а по внутреннему содержанию, по душе. Плохие семьи складываются тогда, когда влюблённые понятия не имеют, что такое духовное родство. Такое родство — редкость. Но важно после неудачных попыток не останавливаться, не хоронить себя раньше времени. Чтобы поймать птицу счастья, нельзя опускать руки ни на одну секунду. В стремлении к счастью не должно быть перерывов. После всех жизненных трагедий, когда кажется, что всё потеряно навсегда, жизнь прожита никчёмно, стоит сделать ещё один шаг — и всё вмиг может измениться. И не надо слушать неудачников, утверждающих, что после сорока пяти уже нечего рассчитывать на личное счастье, что поезд ушёл. Неправда это. Счастье можно найти в любом возрасте. Главное — не впадать в уныние и депрессию и не бояться сделать его... этот важнейший шаг.

Бумеранг, запущенный в юности, вернул любовь Кати и Михаила в исходную точку. Судьба когда-то разлучила их, она же свела вновь в такой же избушке, в какой в юности они познакомились. Прожив почти четверть века порознь, они, как и в молодые годы, погрузились в море любви не раздумывая, не отвлекаясь на второстепенное, не позволяя прозе жизни омрачить их союз. Теперь оба уверены: никакие жизненные невзгоды не заставят их расстаться. Им не нужно притираться и проверять друг друга, время проверило их чувства... Одиночества больше нет, они вместе, и будущее уже не страшит...

Говорят, что любая, даже самая сильная любовь со временем проходит. У них такого не случится. Они всегда будут любить друг дру-

га, с годами их любовь будет лишь видоизменяться, потому что в их судьбе навсегда останется романтическое таёжное знакомство: три дня и три ночи, которые ни тот, ни другой не смогут забыть до самых последних дней своих...

ЦИКЛ РАССКАЗОВ «ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ В ЮНОСТИ»

Охранник

Подготовка к празднованию юбилея подходила к концу. Мать и дочь заканчивали сервировку стола. Юбиляр с внучкой сидели перед входом в дом и поджидали первых гостей. Внучка в том возрасте, когда у человека на первом плане любовь. Через две недели у неё свадьба, она жила и дышала любовью:

— Дедушка, а у тебя была в молодости большая любовь?

— Конечно. Как же можно в юности без любви?..

— Расскажи, мне так интересно!

— Ну слушай. Мне исполнилось восемнадцать, когда я закончил школу. Осенью ждал повестку в армию, но болтаться без дела, как некоторые сверстники, не стал. Жили с матерью бедно — пошёл работать. Устроился в соседнее село охранником, иначе говоря, ночным сторожем. Там какие-то бандиты ночью обворовали склады и магазин, а сторожа убили. Грабителей и убийц не нашли, и никто охранником работать не соглашался.

— И ты не побоялся?

— Опасался, конечно, но считал, что второй раз бандиты не полезут. Вот там, в этом селе, я и встретил свою большую любовь...

Юбиляр рассказывал внучке о своей молодости деликатно, тщательно подбирая слова, иногда переходил на высокий, граничащий с поэтическим слог — нельзя с девчушкой, полной нежных чувств и любовной романтики, иначе.

В реальной жизни его любовь началась тогда как-то буднично, и только с годами память и чувства обострили всё, что произошло в юности, высветили мельчайшие подробности того незабываемого августа.

Она была старше его на год. Закончила первый курс пединститута и во время каникул приехала к тётке в деревню. Встретились случайно. Девчонка возвращалась из клуба после кинофильма. Он

заступил на дежурство и делал первый обход охраняемых объектов. Так и представился — охранником. Она сама вызвалась прогуляться с ним, было видно: жизнь в деревне показалась ей скучной. Но во время знакомства какой-то незаметный импульс проскочил между ними, какое-то взаимное притяжение наметилось сразу, и он вдруг поверил в ту самую любовь с первого взгляда, о которой много читал, но которую никогда не испытывал. Бойкая на язык студентка вела себя более раскрепощённо, чем он, недавний десятиклассник.

— Ох, и тоска же у вас в деревне: никаких развлечений и ребят совсем мало, всё больше девчонки. Охранник, а ты целоваться умеешь?

Его неискушённый в любовных делах разум сухо констатировал: «От скуки решила поиграть в любовь с первым встречным». А чувства повели себя вопреки разуму.

Ему действительно захотелось обнять и поцеловать её, хотя он понятия не имел, как это делается. От её вопроса он не ступешался, ответил по-взрослому, с лёгкой усмешкой:

— Пока нет. Но с твоей помощью могу научиться.

Она подошла вплотную, взяла снизу за локти, прижалась к нему:

— Ну давай, целуй.

Девчонка была хороша. Её глаза задорно, с вызовом сверкали в темноте, он видел: она с ехидством поддразнивает его, подбивая на поступок. Неумело обнял её и поцеловал.

— Так и знала: целоваться ты не умеешь!

— Сказал же — научусь.

Он обнял её крепче и снова поцеловал... Эту ночь они гуляли до рассвета, не забывая периодически проверять объекты охраны.

Она стала приходить к нему каждый вечер, и они несли службу вдвоём: патрулировали, целовались и говорили, говорили буквально обо всём. Девчонка оказалась прекрасной собеседницей, у них было много общего, и это их, несомненно, сближало. Чем больше он узнавал её, тем сильнее она ему нравилась. Юношеский максимализм обострял чувства и постепенно шаг за шагом приближал их к тому, что люди называют «вершиной любви». Через неделю знакомства у них случилась близость, которую и тот и другой испытали в своей жизни впервые.

Следующая неделя пролетела, как во сне. Ночью охраняли объекты, утром, после сдачи дежурства, забирались на сеновал тётки, у которой она гостила. Тётка уходила на работу, им никто не мешал. Как же хорошо им было вдвоём! Над ними не тяготели запреты и ограничения, ни перед кем не нужно было держать отчёт. Не было

родителей, строгих учителей, воспитателей... Пьяные от любви, они упивались свободой и самостоятельностью.

Но расстались плохо. За две недели этого необыкновенного августа он окончательно утвердился в своих чувствах, понял, что полюбил искренне и сильно. В ночь перед её отъездом решился на признание и сделал ей предложение:

— Я люблю тебя, выходи за меня замуж.

Признание прозвучало буднично, совсем не романтично. Может, потому, а может, оттого, что не разобралась пока в своих чувствах, она не просто ему отказала, а убила безжалостным вопросом:

— Предлагаешь выйти замуж за сторожа? Разве это профессия для настоящего мужчины?!

Он обиделся всерьёз:

— Я — охранник, это благородная работа. Кто-то ведь должен охранять покой людей.

— Работа, может быть, и хорошая, но я не хочу всю жизнь быть женой охранника. Если хочешь, чтобы мы были вместе, — смени профессию.

Расстались холодно, как расставались до них многие. Он сказал ей: «До свидания». Она ответила: «Прощай!» Она уехала учиться в город, он ушёл служить в армию.

Слова девчонки, которую полюбил, больно ударили по самолюбию. Горько было от того, что рациональное она поставила выше чувств. Не поняла главного: не профессия является определяющей в личной жизни, не богатства и доход, а любовь. Обида искала выход, ему захотелось доказать ей и всему миру — он сможет достичь многого.

Годы учёбы и труда вдали от малой родины не помогли забыть эту любовь, с годами чувства не затухали. Его тянуло туда. Три раза, бывая в отпуске, приезжал в это село, но безрезультатно. Знакомые сообщили: живёт в городе, вышла замуж. На четвёртый раз повезло, она снова гостила у тётки. Заехал в село с покоса, в рабочей одежде, в неприглядном виде, не надеясь на встречу. Но она произошла и разбудила в душе бурю чувств. Девчонка сильно изменилась. К нему вышла молодая женщина, похорошевшая и оттого ещё более привлекательная и желанная. Видимо, его неприглядный вид вызвал её первый вопрос:

— Как ты? Всё в охранниках или выбрал что-то другое?

— Всё в охранниках! Решил стать охранником профессиональным! — ответил с вызовом, надеясь вернуться к теме их последнего

разговора и высказать то, о чём часто размышлял в заочных спорах с ней.

Она после его слов, казалось, потеряла всякий интерес к разговору, больше вопросов не задавала, лишь односложно отвечала.

Пока они так разговаривали, из дома выбежали два близнеца. Что-то показалось в них неуловимо знакомым. Он стал внимательно приглядываться к братьям, она горько усмехнулась:

— Можешь не разглядывать — твои, но ты опоздал: отец у них другой. Ты же исчез тогда бесследно...

Коротка женская память? Непонятна мужчине женская логика:

— Ты же сама отказала мне, за охранника идти не захотела!

Она ответила негромко, но с обидой в голосе: видимо, немало пережила горестных минут:

— Мало ли что говорит женщина, не слова её надо слушать, а своё сердце. Если бы любил — нашёл бы способ и своего добился. Ты мне сильно понравился... Приехала в город и поняла, что влюбилась без памяти. Взбрыкнула тогда, чтобы заставить тебя пойти учиться. Когда поняла, что беременна, решила рожать и написала тебе... а ты пропал. Что мне было делать с двумя детьми? Вышла замуж за первого, кто позвал. Вам парням проще — помиловались и забыли. Нам приходится отвечать за свои и ваши грехи. Теперь у нас разные дороги, у каждого своя судьба.

Отхлестала она его словами — уезжал с обидой, горечью, в тоске. Понял: любит по-настоящему, а шансов на взаимность — никаких.

Юбиляр замолчал, задумался, и внучка поторопила вопросом:

— Дедушка, а что было дальше?

— Дальше жизнь у неё не сложилось. Муж, когда служил в армии, участвовал в ликвидации аварии и получил сильное облучение. Его подлечили, но проблемы остались. И характером он оказался слаб — кичился званием «ликвидатор». Привёз из армии миф о том, что человеку от радиоактивного облучения помогает спиртное, и пристрастился «лечиться» водкой. А такое «лечение» — верная дорога к пьянству. На эту дорогу её избранник и вступил. Однажды зимой напился, упал в сугроб и замёрз, осталась она одна с двумя детьми...

Завершить разговор деду и внучке не дали — подъехали первые гости. Юбиляр пошёл их встречать, а внучка грустно сказала вдогонку:

— Я люблю свою бабушку, но эту девушку, твою первую любовь, мне очень жаль...

Когда все гости собрались, уселись за стол. Сыновья запаздывали, решили их не ждать. Во главе стола — юбиляр в парадном мундире и

его супруга. Ей тамада и предоставил первое слово. Она с любовью и обожанием смотрела на мужа. В его взгляде — ответное чувство.

— Не буду долго говорить и вспоминать о пережитом. Когда-то в молодости я сильно обидела мужа, презрительно отозвавшись о его работе охранника. Теперь прошу за это прощения и поднимаю за него тост! Он доказал: охранник — настоящая мужская профессия! Ракетчики не так популярны, как десантники, лётчики или моряки... Слишком буднично и незаметно протекает их служба. Но служба эта — незаменима! Без неё невозможен покой и мир на земле. Я пью за тебя, мой полковник! За охранника рода и земли нашей русской!

Под звон бокалов в дом влетел карауливший на улице внук:

— Стойте, стойте, не начинайте, близнецы приехали!..

Собравшиеся зашумели, задвигались, но разноголосый шум перекрыло радостное восклицание внучки, в голове которой вдруг сложилась вся мозаика:

— Дедушка, я поняла: наша бабушка и есть та самая твоя первая большая любовь!..

Вальс судьбоносный

Танцевать Виктор совсем не умел. Откуда у скромного деревенского парня какие-то хореографические навыки? И красотой особо не отличался. Но именно вальс на третьем курсе военного училища повлиял на его личную судьбу.

Девчонки из пединститута пригласили курсантов на свой вечер. Мероприятие понравилось всем. Сначала концерт с исполнением песен и чтением стихов, потом танцы. Курсанты в роли наблюдателей не были. Участвовали в вечеринке активно. Спели под гитару несколько песен. Его лучший друг, Валерка, лихо сплясал под гармошку. Виктор поначалу сильно стеснялся, но набрался смелости и прочёл со сцены два своих стихотворения. Аплодировали ему бурно.

После начались злополучные танцы. Лену он выделил сразу. Она вела концерт вместе с парнем-студентом, её однокурсником. Красавица знала себе цену, чувствовала внимание со стороны парней, но вела себя просто и естественно. Это Виктору понравилось. Понравилось и то, как она танцевала: легко, свободно, с лёгкой улыбкой на лице. Девушка получала от танца удовольствие, радость и щедро делилась этой радостью с окружающими людьми.

Чаще других она танцевала с Валеркой. Виктор откровенно завидовал другу. Тот поступил в училище после суворовского. Их там учили танцевать. Сам же он на танцах был сторонним наблюдателем. Мог, конечно, обняв девушку за талию, переступить с ноги на ногу в медленном танце, который почему-то все называли танго. Но это действие ему больше напоминало не танго, а топтание под ритмичную музыку связанного медведя. Он хорохорился перед друзьями: танцы абсолютно пустое занятие, они для бездельников. Но сегодня ругал себя за то, что так и не научился более или менее сносно танцевать: очень понравилась ему девчонка.

Лена тоже отметила паренька. Задели его стихи. Честные, про-никновенные и лиричные. Только человек с чистой душой мог сочинить такое. Она изредка поглядывала на него. Несколько раз их взгляды встретились, а познакомиться ближе — не получалось. Все курсанты танцевали, лишь «поэт» упорно стоял в сторонке и никого не приглашал. Когда объявили белый танец, Лена пригласила его сама. К несчастью для Виктора, а может быть, как раз наоборот, это был вальс. Он не отказался, неумело обхватил партнёршу и подтвердил её догадку: танцевать парень не умел. Она поправила его, взяла инициативу на себя и повела, но когда сделала попытку покружиться, деревенский увалень умудрился несколько раз наступить ей на ноги. Лена кривилась, морщилась, но до конца вальса дотерпела. Виктор сгорал со стыда, но тоже терпел. Когда обоюдное мучение закончилось, он набрался наглости и пригласил её на свидание. Она с ироничной улыбкой безжалостно и категорично бросила в ответ: «Когда научишься танцевать вальс, приду!»

Через две недели Виктор нашёл её на городской танцплощадке. Выждал, когда объявят вальс, и пригласил. Лена приняла приглашение с опаской, однако боязнь быстро развеялась. На этот раз, как и положено, вёл партнёр. Они кружили в вальсе легко и непринуждённо. Девушка про себя подивилась: «Такое ощущение, будто он занимался в кружке бальных танцев, а на прошлой вечеринке просто морочил мне голову!» Её сомнения позже развеял Валерка. Он с присущим ему юмором поведал, как Витька две недели денно и ночно, даже в карауле, не давал друзьям покоя и нарабатывал навыки танцора.

С той замечательной поры минуло сорок лет... Четыре выпускницы пединститута сидели в кафе и не могли наговориться. После окончания вуза расстались девушками — встретились уже бабушками.

Они приехали на юбилей родного института, с трудом узнали друг друга, но выпили по рюмочке, разговорились, и... словно и не было

этих четырёх десятилетий. Всё внешнее, напускное отлетело, как ненужная шелуха, они с головой окунулись в юность. Шутили, вспоминали, смеялись, как те бесшабашные девчонки студенческой поры, а за спиной у каждой — прожитая жизнь. Нахохотавшись, посерьёзтели и начали рассказывать о себе.

Судьба у всех сложилась по-разному, но каждую чем-нибудь да обделила.

Взбалмошная, но привлекательная и женственная Надежда поменяла четырёх мужей. Последний — известный и очень богатый предприниматель — дал всё, чтобы она могла жить безбедно и в своё удовольствие. И всё же женщина считала себя несчастной: из-за аборта, сделанного в юности, у неё не было детей.

Тихая, спокойная и рассудительная Вера прожила жизнь провинциальной учительницей. Все силы и любовь отдала детям. Родила и воспитала двух дочерей, сейчас водится с внуками. Не повезло с мужем. Покоривший её в молодости рослый красавец, как это нередко бывает в России, спился и на протяжении последних десятилетий регулярно отравляет семье жизнь. У них всё — как с классическими алкоголиками: многочисленные кодирования, «завязывания», обещания с завтрашнего дня бросить пить перемежаются буйными скандалами, длительными запоями, регулярным воровством денег и выносом из дома вещей. Вере до чёртиков надоела такая жизнь, но она продолжает нянчиться с мужем, как с малым ребёнком. Выгнать — жалко, пропадёт сразу.

Противоречивая жизнь у «всезнающей» и «езде побывавшей» Марины. Два высших образования, хорошая карьера, работа в областной администрации, множество знакомых. Одетая элегантно и дорого, тщательно ухаживает за собой. Ей можно было бы позавидовать, но какая женщина станет завидовать той, у которой нет любимого мужчины? Марина из тех, кто больше всех знает, умеет и по любому поводу прав. Из-за этого почти всю жизнь прожила в одиночестве. Попытки выйти замуж всегда заканчивались одним и тем же: после непродолжительного общения мужики бегут от неё, как тараканы. Кому хочется рядом с собой иметь генерала в юбке, всезнайку, цепляющуюся по любой мелочи, спорящую по малейшему поводу и не допускающую никаких пререканий? Она в одиночку вырастила сына, но и тот не вынес материнского диктата и, едва оперившись, сбежал подальше. Живёт со своей семьёй на Дальнем Востоке.

Обделила судьба и Лену. Единственную среди них «воендаму», иначе говоря, жену военного. Обделила спокойной гражданской

жизнью. Первая красавица курса променяла жизнь и карьеру педагога на систематические переезды из гарнизона в гарнизон, постоянную тревогу за мужа и детей, невозможность работать по специальности, бытовые неудобства и отдалённость от культурных центров.

И всё же среди состарившихся однокурсниц её выделял особый блеск глаз, который только и может указать на то, что женщина счастлива. Подруги юности поняли это без пояснений, а Надежда не удержалась от вопроса:

— Вижу: счастливая ты, Ленка. Нюх у тебя на мужиков что ли хороший? Как ты в то безалаберное время разглядела в невыразительном деревенском пареньке будущего генерала и Героя России?

Постаревшая, с морщинками под глазами, но с такой же, как в юности, счастливой улыбкой, Елена держала ответ:

— Да, я счастлива! Но нюх здесь ни при чём, подружка, так же как и генеральское звание. Даже если твой муж — маршал, то это не гарантия счастья. В юности мне помог определиться вальс. Когда Виктор со сцены прочитал свои стихи, приоткрылась его душа. Я поняла — это светлый и честный человек, ему можно верить. Когда он за две недели освоил вальс, стало ясно — он целеустремлённый человек, человек дела! Одним словом, настоящий мужик! Таких мужиков и ищем мы, женщины, интуитивно. Только не все в этом сознаются и не все умеют разглядеть парней. Очень часто нас прельщает не содержание, а форма... Тот вальс послужил толчком к сближению, мы стали встречаться, а чуть позднее я влюбилась в него на всю жизнь... В литературе много написано красивых слов о любви, умных правил и определений. Они ничего не стоят, если нет главного — душевного притяжения. У нас с Виктором оно с годами не исчезло. Мне тепло, уютно и радостно с ним. Скучаю по нему, когда он уезжает в командировки, без него жизнь кажется неполной. Я принимаю его таким, какой он есть, доверяю ему, уважаю его. И не чувствую себя серенькой жёнушкой при удачливом муже, ведь он платит мне тем же. Да что долго говорить, я благодарна судьбе за тот вальс в юности...

Шанс

Эта история случилась в его жизни, когда он был не Павлом Андреевичем, а легкомысленным, беззаботным и «свободным, как ветер» Пашкой Трофимовым. Как «белый человек» возвращался он из отпуска в купейном вагоне скорого поезда. Вообще-то у него оставалось

ещё три дня, но родители заставили выехать пораньше. Отец — чтобы не опоздал из отпуска, как в прошлый раз. Мать — чтобы сделал остановку в областном городе, расположенном на Транссибе, как раз посередине между домом и Новосибирском, где он, собственно, и учился. Цель — повидать одинокую тётку, сестру матери, жившую в небольшой деревушке в тридцати верстах от города, и передать ей посылку, собранную родителями.

Соседи по купе попались некоммуникабельные. Пашка развлекал себя чтением, временами под стук колёс и равномерное укачивание впадал в полусонное состояние и кимарил. Когда изрядно отлежал бока и «проглотил» взятую в дорогу книгу, вышел в тамбур проветриться. Тут и познакомился с парнем из соседнего вагона, Виталием. Виталий пригласил в своё купе, чтобы перекинуться в картишки. Им не хватало четвёртого.

Пашка согласился и, как оказалось, не зря. Войдя в купе, был приятно удивлён. Спутницами Виталия оказались две особы женского пола. Наташа — лет на пять старше его, и Аня — по виду ровесница.

Быстро перезнакомились. Наташа, учитель русского языка и литературы, ехала к родным в Красноярск. Аня закончила политех и добиралась на свою первую работу. Её направили по распределению на новый строящийся комбинат как раз в ту самую область, где жила Пашкина тётка. Девушка получила диплом инженера, ей предстояло работать специалистом по водоочистным сооружениям.

Пашка раскрывать свои карты не стал и на ходу придумал легенду: закончил школу и едет в Новосибирск «куда-нибудь» поступать. На нём было простенькое голубенькое трико, в котором он выглядел совсем молоденьким. Аня смотрела на Пашку с явным интересом, но информацию о том, что их попутчик — вчерашний школьник, встретила с сожалением. На лице у неё промелькнуло лёгкая досада: «малолетка».

Поиграли в карты, поговорили ни о чём. По очереди рассказывали анекдоты, вспоминали весёлые случаи и истории. Когда недоверие и скованность исчезли, заговорили о вещах более серьёзных. Аня приглянулась Пашке сразу. Стройная фигурка, русоволосая, с очень милым личиком, которое нисколько не портил слегка курносый носик. Наоборот, он придавал ей особый шарм. Быстрые с лёгкой смешинкой в глубине глаза и очень приятный, чистый голос. Пашке в ней понравилось всё, даже чрезмерно пёстрая кофточка, в которую та была одета. Потому он из кожи лез, чтобы не выглядеть в этой компании охломоном. Сыпал анекдотами, шутками, удивлял собеседников

остроумием, а когда серьёзная учительница Наташа завела разговор о поэзии — превзошёл самого себя. Вдохновенно, с чувством прочёл несколько стихотворений Сергея Есенина.

После его выступления Наташа воскликнула: «Какой ты молодец, Паша! Эх, если бы мои ученики так знали и читали Есенина! Тебе надо обязательно поступать в гуманитарный вуз!»

Пашку подхлестнула её реплика, и он заговорил о современной поэзии, явно превысив знание школьной программы. Затеял с девушками спор о популярном в то время Евтушенко и заставил их капитулировать. После этого у них не осталось сомнения: перед ними будущий литератор. Из-за того и случился не совсем приятный для парня разговор. До города, где ему и Ане нужно было выходить, оставался какой-то час, когда Пашка ляпнул, на взгляд попутчиков, явную несурязицу. Вдруг заявил, что хочет стать офицером и будет поступать в военное училище.

Что тут началось! Его бросились переубеждать все, включая Виталия, который уже отслужил срочную и посмотрел на армию изнутри. Особенно настойчиво уговаривала Наташа:

— Паша, ты сделаешь величайшую глупость! Военные — они же почти поголовно все тупые! Их не зря называют солдафонами! У нас в городе несколько воинских частей. С некоторыми офицерами я знакома... с ними не о чем даже поговорить...

Пашка обиделся такому непониманию и принял военную братию защищать:

— Ну не все же военные тупые. Среди них много нормальных и талантливых людей. Если бы их не было, не было бы у армии и побед!..

Однако Наташа не сдавалась:

— Да я не говорю о военной подготовке. Тут может быть всё нормально. Я беру общий интеллектуальный уровень. Любое военное училище подгоняет всех курсантов под общий солдафонский стандарт... А служба в дальних гарнизонах вообще приводит человека к деградации. Армия может разрушить любой талант, любой самородок... Уже не говорю о том, что в «горячих точках» велика вероятность погибнуть...

Не отставал от Наташи и Виталий. Он вспомнил несколько курьёзных случаев из жизни казармы и комических «офицерских» выражений, которые, на его взгляд, как нельзя лучше показывали интеллектуальный уровень офицеров и прапорщиков современной армии.

Пашка не думал сдаваться и в ответ привёл целый список фамилий талантливых военных — от писателей и поэтов прошлого до

современного четырёхзвёздного генерала, который наизусть, без запинки читает поэмы Пушкина и Лермонтова.

Точку в споре поставила Аня, принявшая его сторону:

— А мне кажется: Паша прав. Офицеры, как и каждый из нас, тоже разные. И чем больше будет таких, как он, тем образованнее станет наша армия.

Девушка засмеялась, и вслед за ней над перспективой повышения интеллектуальности армии таким образом посмеялись остальные. Обстановка разрядилась. Пашка встал, собираясь уйти в свой вагон, и пообещал Ане зайти за ней, чтобы помочь сориентироваться в незнакомом городе.

Аня откровенно обрадовалась. К её стыду, она ничего толком не знала ни о городе, в котором ей сейчас предстояло выходить, ни об области, в которой придётся работать.

*

Стоянка поезда длилась тридцать минут. Уставшие от сидения и лежания пассажиры высыпали из вагонов и разбрелись по перрону. Наташа и Аня негромко переговаривались возле входа в вагон, изредка поглядывали по сторонам, поджидая своего попутчика.

— Девушки, вы случайно не меня ожидаете? — шутиливо обратился к ним какой-то военный.

Девушки обернулись, чтобы достойно ответить нахалу, и остолбенели: перед ними стоял Пашка в форме курсанта высшего военного училища, судя по количеству нашивок на рукаве, последнего, выпускного курса.

На лице Ани проявился откровенный восторг. Пашка и «малолеткой» ей понравился, а теперь ко всему оказался ещё и ровесником. Она обрела дар речи первой:

— Ничего себе... малолетка, — проговорила она и радостно рассмеялась весёлым колокольчиком.

А Наташа, как бы стараясь стереть весь негатив и забыть всё, что произошло час назад, вдруг замахала руками и сумбурно принялась оправдываться:

— Ой, Паша, ради бога прости меня!.. Я столько наговорила тебе гадостей о военных. А ведь толком их и не знаю. Если по правде, верила всем слухам и сплетням...

— Зато высказала о нашем брате всё честно и откровенно, — просто сказал Пашка. — Мне твоя критика, Наташа, не повредит. Постараюсь не быть похожим на тех, о ком рассказывают анекдоты.

— Нет, нет... ты прости меня. После сегодняшнего дня я никогда уже не смогу обо всех без разбору военных думать плохо.

Распрощались. Пашка прошёл к кассам, отметил остановку в проездном билете, и они с Аней двинулись на автовокзал. Ей надо было добираться до города, где строился комбинат. В отличие от вокзала очереди в кассу здесь не было.

Автобус уходил через два часа. Аня купила билет. Пашка функцию провожатого выполнил, но расставаться не хотелось, и он предложил прогуляться по городу. Она согласилась. Сдали вещи в камеру хранения и, весело переговариваясь, направились к центру.

Взаимная симпатия и юношеская обострённость чувств сделали своё дело. Через час им казалось: они знакомы вечно. Определение «родственные души» как нельзя лучше подошло к этой парочке. Они говорили обо всём без стеснения и опаски, что собеседник неправильно поймёт.

В центре города подошли к фонтану и на несколько минут замолчали, любуясь игрой воды и радужных брызг, расцвеченных лучами солнца.

— Молодые люди, не хотите ли сфотографироваться на память? — прервал их созерцание пожилой человек с большим фотоаппаратом, подрабатывавший в самой красивой части города. — Беру недорого, качество гарантирую...

— Да мы бы не против, но в вашем городе проездом и через час уезжаем, — с виноватой интонацией ответил Пашка.

— Дайте мне адрес, и я вышлю вам фотографии почтой, — пообещал фотограф. — Не бойтесь, не обману.

В то время не было моментальной и тем более цифровой фотографии, зато было меньше мошенников и больше доверия между людьми. Ребята согласились.

Фотограф попросил их встать у фонтана. Он оказался настоящим профессионалом и сделал несколько снимков с разных ракурсов. При этом шутил, чтобы парень и девушка раскрепостились и выглядели естественными. Аня и Пашка улыбались, иногда от души смеялись, а он знал своё дело и в нужный момент щёлкал затвором.

После того, как расплатились, Аня написала фотографу адрес своих родителей, Пашка — адрес училища. Время прогулки пролетело быстро. Вспомнили об автобусе и двинулись в обратную сторону. При подходе к автовокзалу приутихли. Встретились, познакомились — и вот уже разлука. Расставаться совсем не хотелось, и Пашка решил внести предложение:

— Слушай, Ань, а чего тебе ехать сейчас на этот комбинат? Сегодня воскресенье. Приедешь уже ночью... Кому там будешь нужна? Даже переночевать будет негде.

— А что ты, Паша, предлагаешь? — спросила она, и в её глазах заиграли смешинки. — Ты по существу говори, а о том, что впереди меня ждут ужасные трудности, я и сама догадываюсь...

— Вот я и говорю по существу! Поехали к моей тётке в деревню. Всего час езды. Тётка — добрейшей души человек. У неё погостим, переночуем, а завтра в путь!

— А я согласна! — весело ответила она, и обоим стало легко и радостно. Начавшееся в поезде свидание продолжалось...

*

Тётка оказалась не только приветливой и доброй, но и очень разговорчивой. Пока хлопотала над ужином и кормила «гостей ненаглядных», сумела рассказать все деревенские новости и вытянуть из ребят информацию о них самих и о родителях. Особую любознательность проявила по отношению к новому человеку «в нашей родне» — Ане. Она делала это ненавязчиво, искусно вплетая вопросы в нить разговора. Так же просто и естественно ребята отвечали, как будто прожили с нею всю жизнь. Чуть позже они пришли к выводу: в тётушке, несомненно, пропал талант разведчика или сыщика. Ужин был по-деревенски скромным, но домашняя настойка, которой их угостила хозяйка, придала ему праздничный настрой.

После ужина Пашка с Аней отправились на прогулку. Как можно молодым усидеть дома в тихий летний вечер? Они ушли подальше от деревни — в поля и луга. Здесь ребята в полной мере испытали чувство, обозначаемое в русском языке словом «воля».

Наедине с природой им было хорошо вдвоём. Они любовались пейзажем, восхищались закатом, жадно глотали настоящий на цветах и разнотравье воздух. Вокруг не было душного, пропитанного запахом раскалённого асфальта города. Не было назойливых, занятых своими вечными проблемами людей. Они не боялись, что кто-то услышит их и как-то неправильно всё истолкует и поймёт. Разговаривали в полный голос. Читали стихи любимых авторов, шутили, смеялись, не опасаясь, что кто-то за это их осудит. Но и этого показалось мало, и они от расправивших их чувств запели.

Пашка от природы обладал вполне приличными вокальными данными. Анин голос был чем-то схож с голосом его любимой певицы

Марии Пахоменко. И когда девушка запела её песню «Любовь останется», он подхватил:

*Повстречали, мы друг друга у реки,
Знали только гуси-лебеди об этом.
Почему так летом ночи коротки?
Очень близко от заката до рассвета.*

*Но никогда ни в чём не станем каяться,
Любовь запомнится, любовь останется!*

Они пели искренне, вдохновенно. Не беда, что в пении не хватало слаженности, в их песне была душа.

А потом он запел свою любимую из «Судьбы резидента», и она присоединилась к нему:

*Я в весеннем лесу
Пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей
В стогу ночевал...*

После этой песни замолчали, посмотрели друг на друга... и поцеловались.

А между тем вечер — арьергард длинного, переполненного событиями дня — уже проследовал в историю. В свои права вступала тёплая летняя ночь. Вместе с сумерками надвигалась прохлада. Хотя всё ещё усердно стрекотали кузнечики и надривно исполнял свою песню коростель, окружающий мир постепенно наполняла тишина. Вылетели на охоту укрывавшиеся от дневной жары комары. Просыпались от спячки ночные обитатели лесов и полей, а вся дневная живность, напротив, устраивалась на ночлег.

Их приютил стог, такой же, как тот, о котором они только что пели. Аня отдалась ему без всякого жеманства и ложной стыдливости. Их желание было обоюдным, чувства взаимными. Ночь стала венцом встречи. Романтические натуры слились в целое. Они испытали блаженство, счастье, которое приходится познавать в жизни далеко не каждому.

После ночи наступило такое же замечательное утро. Им предстояло окунуться в реальность. Её ждала трудная работа на комбинате. У него заканчивался последний курсантский отпуск. Но в их душах жил

праздник. Они не собирались расставаться со своей сказкой. После этого дня и этой ночи не мыслили свою жизнь друг без друга.

Он проводил её до города и посадил на междугородний автобус. Обменялись адресами, чтобы писать друг другу письма. Она дала ему адрес родителей и пообещала, что напишет первой, так как нового своего адреса пока не знала. Он записал в её блокноте свой адрес.

*

Но ни одного письма друг от друга они не получили. Судьба с помощью нечистоплотных, озабоченных личной корыстью людей поставила преграды.

У Пашки уже были сложные отношения с женщиной. Благодаря ей он приобрёл опыт в сексе. Маша была на четыре года старше и в амурных делах слыла «профессионалом». Работала в почтовом отделении училища. Несколько неудачных попыток выйти замуж за «какого-нибудь» выпускника и уехать с ним служить «куда-нибудь» за границу сделали её в курсантской среде популярной. Несмотря на неудачи, она своих попыток не прекращала, постоянно совершенствовала приёмы обольщения неопытных пацанов, за что получила ироничное прозвище «умная Маша».

Романтичного и неискущённого в любви Пашку она повязала играючи. Правда, будущий офицер считал всё это несерьёзным и наивно полагал, что игры в любовь с Машей лишь поспособствуют его формированию как мужчины.

С Аней всё обстояло иначе. Он влюбился по-настоящему. Девушка притягивала его. Ему хотелось на неё смотреть, с ней разговаривать, хотелось прикасаться к ней и целовать её. Было естественное для влюблённого человека желание, чтобы она всю жизнь оставалась рядом. После встречи с ней Пашка решил разорвать отношения с Машей, но выпутаться из сетей опытной жрицы любви оказалось не под силу. Содействовали этому и обстоятельства.

Аня не смогла написать сразу после приезда на место работы. Её сумочку с блокнотом и выданным авансом украли в заводском общежитии. Позднее она догадалась написать письмо на адрес училища, но получилось так, что это письмо первой прочитала Маша. Она не собиралась отпускать паренька «на волю» и тайно написала ответ от имени Пашкиной невесты. Объяснила, что беременна от него и у них на днях свадьба. Слезно попросила больше «их семью» не беспокоить.

О том, что пережила Аня, получив это письмо, можно только догадываться. А Пашка, не дождавшись весточки от Ани, собрался написать её родителям, но тоже не смог этого сделать. Таинственно исчез и его блокнот со всеми адресами. Пашка не знал, что предпринять. Зато знала, что делать, Маша. Она и в самом деле забеременела, и этот факт стал определяющим. Ребёнок, правда, так и не родился. За несправедный образ жизни Маше пришлось расплатиться: произошёл выкидыш. За ним последовал и приговор врачей: детей у неё быть не может. Но это случилось уже после того, как их зарегистрировали в загсе.

Из-за сложностей личной жизни, за суетой и заботами выпускного курса Пашка всё реже вспоминал ту встречу. В душе он надеялся и ждал письма от Ани. Но письма не было, и парень проявил слабохарактерность. Юношеский максимализм подтолкнул к ошибке. Не предприняв попыток разыскать девушку и выяснить отношения, он сделал совершенно неправильный вывод. Раз не пишет, значит, не любит. Значит, он ей не нужен. И замечательный день и незабываемая ночь были и остались только в его душе и его памяти.

А умная Маша-разлучница своей цели добилась. Она стала женой офицера и после выпуска уехала с ним «служить» в Германию.

*

После Германии было Забайкалье. Потом Афганистан. Пока он воевал, а затем лечился после ранения, Маша сблизилась с гражданским и попросила развод. Она и во время коротких командировок верность ему не блюла, а тут он выпал из жизни на долгие десять месяцев. Павел отпустил жену без сожаления.

Ранение было серьёзным. После него осталась хромота. Павла комиссовали и уволили из вооружённых сил. Майор Трофимов остался один. Оторванный от армейского коллектива, от друзей-сослуживцев, он впал в депрессию и, как это часто бывает, запил. К счастью, продолжалось это недолго. Невероятно, но судьба подарила ему встречу, которая заставила задуматься.

В этот день на даче у друга-собутыльника он отмечал чьи-то именины. Отметили основательно. До электрички добрался с большим трудом. Несколько раз падал и изрядно извозил и без того поношенную форму. Форма в таких случаях помогала. В то время у людей в погонах ещё проявлялась друг к другу солидарность, и милиция не трогала.

С трудом забравшись в вагон и дыша перегаром на окружающих, плюхнулся на свободное место. Сидевшая напротив женщина брезгливо поморщилась и отвернула лицо в сторону. Но вдруг резко повернулась и впиалась в него глазами:

— Паша?

Он взгляделся в женщину. Отравленный алкоголем мозг работал отвратительно, но ему удалось вытащить из подсознания образ. Узнал в женщине ту давнюю попутчицу в поезде, учителя русского языка — Наташу.

— Да, я! — грубовато ответил он. — Что сильно изменился?

— Не то слово... Что же такое с тобой произошло, что ты стал таким? — участливо, с нотками жалости спросила она.

— А то же, что происходит сейчас со всеми военными!.. Оставил в армии молодость и здоровье — и выбросили за борт, как ненужный балласт!

Наташа поняла его состояние, но всё так же спокойно и участливо возразила:

— Павел, мне всегда казалось: настоящий мужчина не должен покоряться обстоятельствам...

— Знаете что? — повысил он голос. — Не надо меня жалеть и учить! Я волен сейчас быть таким, каким хочу!

На них обратили внимание пассажиры. Наташа вздрогнула от его крика. Её лицо побледнело:

— Когда-то ты за один час изменил моё представление о военных в лучшую сторону... Сегодня — сделал всё наоборот!.. — с грустью и сожалением сказала она, встала и пошла к выходу.

Эта встреча сильно встряхнула. Он осознал, как глупо и похамски повёл себя с абсолютно невиновной в его бедах женщиной. Стыд, раскаяние и сожаление надолго поселились в душе. Вспомнил поздним умом, что мог бы спросить, знает ли она что-то о своей попутнице. Они в то лето тоже обменялись адресами.

Нечаянная встреча заставила переосмыслить весь прожитый период. Вывод оказался неутешительным: жизнь проходит впустую. У него нет жены, нет детей, значит, не будет и его рода, его продолжения на земле. После ухода в мир иной от него не останется ничего, кроме кучки праха. Он — как волк одиночка. Когда умрут все, кто его знал, исчезнет всякая память о нём. Всё, чем жил, что испытал, что пережил на войне, всё уйдёт в небытие вместе с ним.

Но одиночество — не повод похоронить себя до срока. Людей, не оставивших потомков, немало, и очень многие из них оставляют

память о себе творчеством. Кто — на одно-два поколения, а кто — на века. У кого на сколько хватает таланта. Это тоже выход. У него есть шанс и время всё изменить. Кто там отмечал у него литературные наклонности? Не пришло ли время испытать себя именно в этом деле? За его плечами недолгая жизнь, а событий столько, что хватит не на одну книгу.

Идея захватила Павла. Он устроился на простенькую, без большого объёма работу и начал писать. Для начала о том, что ближе. Об армейской службе, войне, войсковом братстве. Старался писать правду, какую видел. Описывал картины реальные, со всем негативом, чернухой, людскими трагедиями.

Но в этом новом для него деле всё оказалось сложнее, чем думал. Страна разваливалась. Делились писательские союзы. Издательства, журналы кинулись зарабатывать деньги, и «нераскрученные» писатели и поэты никого не интересовали. На практике получалось так, что написать неплохой рассказ или повесть было легче, чем заставить какого-нибудь редактора их прочитать. Столичные литературные снобы презрительно кривили губы: «Ещё один графоман на нашу голову!» И демонстративно отказывались даже просматривать его творения. Павлу откровенно давали понять: он не принадлежит и никогда не будет принадлежать к писательской элите. Но нашёлся и в этой среде добрый человек. Не только помог с первыми публикациями, а и подучил:

— Ты, Павел, человек русский. Не пиши чернуху, в современной литературе с нею и так перебор. Наелись её люди... Пишешь искренне, честно. Не старайся творить для интеллектуальной элиты, всё равно не поймут. Пиши для простых людей. Больше добра, оптимизма, меньше подражаний. Всё остальное придёт с навыком.

Попробовал перестроиться. Начало получаться. Появился «свой» читатель. Конечно, те, кто знал, «как надо правильно писать», его нещадно критиковали. За несовершенный язык, за отсутствие в творчестве «высокой» прозы, за смешение жанров, за приземлённость сюжетов и описаний, и много ещё за что другое. Но первые же положительные отзывы простых читателей заставили поверить в свои силы.

Полтора десятка лет минуло, прежде чем пришла известность. Его приняли в Союз писателей. Его книги читали. По ним были поставлены фильмы. Его узнавали. К нему обращались теперь по имени-отчеству.

Но все эти признаки внешнего благополучия не принесли наивысшего удовлетворения. В душе он по-прежнему чувствовал себя брошенным и одиноким, как путник, много дней бредущий в бескрай-

ней пустыне и потерявший всякую надежду на встречу с людьми. Это душевное одиночество превращалось в хроническую, вечно ноющую болячку. От неё не смогли излечить ни популярность, ни внимание и поддержка читателей, ни женщины, с которыми он дважды неудачно пробовал создать семейный очаг. Никто не смог согреть его душу так, как это способна сделать родственная по духу, по-настоящему любимая и любящая женщина.

За эти годы он полностью отвык от динамичной военной жизни, в которой текучка, лишения, постоянная смена обстановки требовали от организма не воспоминаний и осмысления прожитого, а элементарного отдыха. Теперь времени было достаточно.

С особой грустью вспоминал он ту мимолётную, по меркам всей жизни, встречу с «ненаглядной певуньей». Воспринимал этот эпизод как что-то безвозвратно ушедшее в прошлое вместе с юностью и Афганской войной. Ему всё чаще казалось: эта встреча была единственным шансом на счастье, а он этот шанс упустил.

Павел уже не мог вспомнить фамилию, которую Аня записала когда-то в его пропавшем блокноте. С годами потускнел её образ. Он не знал, где она, с кем. Но, видимо, правы утверждающие, что телепатическая связь между людьми существует. При обоюдном настрое человек человека чувствует на расстоянии. Однажды она ему приснилась.

Память вытащила из подсознания лицо. Он видел его отчётливо и ясно. Аня стояла на лугу, улыбалась, протягивала к нему руку и звала к себе. Он шёл к ней, а высокая трава опутывала ноги и не пускала. Преодолевая сопротивление, всё-таки дошёл до неё, протянул к ней руки, а она вдруг растаяла, как привидение.

В этот день он не находил себе места. Сон вызвал воспоминания прошлого во всех деталях. В голове назойливо крутилась песня, которую они пели на том лугу:

*Я в весеннем лесу
Пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей
В стогоу ночевал.*

*Что любил — потерял,
Что имел — не сберёг.
Был я смел и удачлив,
А счастья не знал...*

Слова песни показались Павлу пророческими. Не сберёг и потерял... Эх, если бы... как там в песне поётся:

*Зачеркнуть бы всю жизнь
Да сначала начать.
Полететь к ненаглядной
Певунье своей...*

Но в реальности обратного хода нет. Он существует лишь в воображении мечтателей и фантастов. Всё останется таким, каким было в жизни, со всеми радостями, печальями, находками, ошибками, победами и поражениями. Ему придётся жить той жизнью, которая сложилась.

Истины реальности рождали в душе пессимизм, а мечты и надежда подталкивали и заставляли искать Аню. Наконец он перестал метаться и решил начать её поиски с города, в котором жили её родители.

*

Через месяц приехал в этот город на творческую встречу. В первой её части зал слушал стихи молодых поэтов. Ему особенно запомнилась стройная русоволосая девушка. Она читала не так громко и не с таким пафосом, как другие, но заставила обратить на себя внимание. Её стихи волновали, заставляли сопереживать. В них сквозила не показушная правильность, а искренность и чистота. Павел пометил в блокноте фамилию, чтобы в своём выступлении отметить поэтессу.

Его приняли хорошо. Аплодировали, задали много вопросов, расспрашивали о творческих планах. После встречи выстроилась длинная очередь за автографами. Он не отказал никому.

Последней подошла та самая приглянувшаяся ему поэтесса. Павел не мог отделаться формальной отпиской, написал отзыв о её стихах и пожелал новых озарений в творчестве.

Девушка поблагодарила, но не ушла. Она как-то странно смотрела на него, потом вдруг решила и протянула запечатанный конверт:

— Моя мама — ваша поклонница... Она прочла все ваши книги и попросила меня передать вам это письмо...

Павел взял конверт и спросил первое, что пришло в голову:

— Почему ваша мама сама не пришла на встречу?

Девушка с грустью взглянула на него, как на человека, задавшего глупый и абсолютно бестактный вопрос:

— Она две недели назад умерла. Растила меня, мучилась от одиночества и боялась одинокой старости... Вот до неё и не дождала...

Павел увидел, как тяжело ей говорить, понимал, насколько велика её горе, но вместо каких-то слов утешения опять спросил невпопад:

— Отчего умерла ваша мама?

— Рак, — коротко ответила она на вопрос. — За день до смерти мама попросила найти вас и передать этот конверт. — На глазах у девушки появились слёзы. — Простите... мне надо идти.

Она ушла. Павел смотрел вслед. Ему было искренне жаль эту девушку, потерявшую самого близкого в жизни человека. Она осталась одна. Её состояние сейчас сродни его одиночеству, и никто в мире не сможет ей помочь.

Он машинально вскрыл конверт. В нём лежала фотография. На фоне городского фонтана обнявшись стояли и радостно улыбались девчонка в пёстрой кофточке и курсант военного училища. Они радовались своему знакомству, своей встрече, счастливой жизни, которая ждала их в будущем.

Фотограф не обманул. Павел узнал эту парочку. Оцепенев, он смотрел на молодые, счастливые лица и не мыслью, а всем существом своим ощутил: их счастье не состоялось.

С высоты жизненного опыта глупо обвинять «плохих людей», помешавших возможному счастью. Одиночества могло не быть. Судьба давала шанс. Они не использовали его. Курсант оказался легкомысленным и безвольным. Девчонка — робкой и нерешительной. Так и жили в параллельных мирах, подпитываемые призрачной надеждой. Теперь, вместе со смертью певуньи, умерла и надежда...

Павел перевернул фотографию и прочитал Анину надпись: «Самый счастливый день всей моей жизни!!!»

А ещё ниже в скобочках была приписка: «За девять месяцев до рождения нашей дочери».

Сюрпризы фейерверка.

Счастливая новогодняя история

Новый год Александр с сыном Лёнкой договорились встречать на только что купленной даче. Они переехали в этот город недавно. До этого жили в небольшом городке на севере Тюменской области. Там Александр работал у нефтяников. Там же появился на свет и Лёнка.

С женой, матерью Лёньки, жили плохо. Пока мотался по буровым и ездил в длительные командировки, Лариса пустилась во все тяжкие. Год назад, после попойки с любовником, попала в автомобильную катастрофу и погибла. Тоски по непутёвой супруге не было, перегорело всё давно, но жить в этом городе стало невыносимо. Да и сына оставлять без родительского присмотра нельзя.

Александр доработал до конца контракта, и они переехали в этот город. Город его юности. Деньги с севера привёз хорошие, поэтому проблем с обустройством на новом месте не было. Купил квартиру, дачу, гараж для новенькой «тойоты». Удачно подыскал работу. Учли его опыт и взяли в крупную строительную фирму. Лёньку в новой школе приняли хорошо. Школа почти рядом с домом. Одним словом, всё складывалось удачно. Семья даже пополнилась «меньшим братом». Хозяева дачи оставили совсем молоденького, очень игривого пса Шарика. Не хватало только одного: хозяйки в доме. Но жениться второй раз без любви Александр категорически не желал.

Лёнька к встрече Нового года готовился с особым энтузиазмом. На даче имелась возможность устроить праздничный салют. Отец накопил пиротехники, и сын не мог дождаться того момента, когда Новый год, пролетев над восточной частью страны, объявится в их городе. Пока устанавливали и наряжали ёлку, готовили стол, расчищали от снега двор, Лёнька периодически бегал смотреть на часы. Наконец не выдержал:

— Пап, по телевизору сообщили: уже встречают Новый год в Тюмени. Давай потренируемся и организуем маленький фейерверк! Мы же всегда отмечали новогодний праздник по тому времени.

При слове «фейерверк» Александр нахмурился. С юности не переносил это слово, но отказывать сыну не стал:

— Хорошо! В память о нашей жизни в Тюменской области запустим одну установку. В ней пять ракет разного цвета. Остальные в полночь.

— Ура! Только подожгу шнур я! Я умею!

— Давай!

Лёнька побежал за спичками. За ним, пытаясь ухватить бегущего за штаны, — Шарик. Вернувшись, сын установил стаканчик с ракетами в снег и, как заправский сапёр, поднял руку со спичками вверх. Шарик решил, что это новая игра, подпрыгивал рядом, рычал, пытался схватить за рукав и отобрать спички.

— Я готов!

Александр не волновался за сына. Лёнька был обучен, салюты производил неоднократно. Он скомандовал:

— В честь прихода Нового года на твою малую родину, огонь!

Лёнька поджёг огнепроводный шнур и стремглав отбежал к отцу.

Необученным оказался Шарик. Услышав злобное шипение, пёсик как угорелый рванул за Лёнькой, при этом лапой задел стакан с ракетами. Тот упал на бок и первую ракету послал вдогонку обидчику. Огненный смерч пронёсся над смертельно перепуганным щенком и улетел через забор на соседнюю дачу. Визг, писк и негодующие крики сигнализировали о наличии во дворе соседской дачи людей. Там тоже готовились к встрече Нового года. Семья украшала растущую во дворе ёлочку.

Ракета стукнулась о стену дома, срикошетила, свалилась рядом с пуделем Тобиком и едва не подожгла его шубку. К визгу людей добавился визг собаки.

Но это было только начало. Следом влетела вторая ракета. Она ударила в ёлку, окатив искрами детей, срикошетила в снег и зловеще зашипела. Третья ударила в край крыши. Четвёртая едва не выбила оконное стекло... После пятой обстрел прекратился, но не прекратились негодующие крики и ругань по отношению к агрессорам, вероломно напавшим на мирную семью в самый канун Нового года.

Пока пиротехнический заряд, словно миниатюрная установка «Град», методично обстреливал соседнюю дачу, отец и сын стояли, как парализованные, не в силах помешать тому, что произошло.

Самым расторопным оказался Шарик. Пёсик всерьёз решил: началась последняя битва на земле под названием Армагеддон, потому проворно забрался под крыльцо и в предчувствии конца света тихонько поскуливал.

Лёнька гадал: назовут ли главным виновником происшествия его одного или сделают послабление и часть вины возложат на неопытного в сапёрном деле Шарика.

А в голове Александра в эти секунды мелькали воспоминания. Нет, перед его глазами пролетела не вся прожитая жизнь, а только эпизод из юности. Как же сильно ненавидел он это слово — «фейерверк»! В его жизни уже был один. После него всё пошло наперекосяк.

В десятом он всерьёз влюбился в девчонку из параллельного класса. До этого особы противоположного пола в друзьях у него не числились. Он слыл в школе хулиганом, и они попросту избегали его, боялись связываться. А он, чувствуя к себе негативное отношение, с показным пренебрежением игнорировал их. Исключением была

лишь одна. Очень она ему нравилась, но он делал вид, что не замечал и её. Лишь изредка при встрече бросал быстрый взгляд и тут же, придав лицу безразличное выражение, отводил глаза в сторону. Но разве женщину, пусть и не искушённую ещё в любви девчонку, проведёшь? Маша угадала особое к себе отношение и разрушила стереотип его поведения за один вечер. На школьном вечере пригласила на белый танец, и разгильдяй и хулиган Сашка с того вечера пропал. Попросту исчез, превратившись в заботливого кавалера и нормального влюблённого пацана. Они танцевали весь вечер. И хотя партнёр делал это отвратительно, ни тому, ни другому не пришло в голову это занятие прекратить.

С тех пор они часто встречались. Разговаривали на переменах. После уроков он провожал её до дома. Не пропускали вечера и дискотеки. Она упорно учила его танцевать. Он тянул её на каток, где учил кататься на коньках. Смотрели подряд все кинофильмы. Ходить в кинотеатр было гораздо интереснее, чем смотреть кино по телевизору. Им было весело и хорошо вдвоём, и они полностью одобряли формулу, которую какой-то доброхот углём нацарапал на школьном заборе: «Саша плюс Маша получится любовь!»

Многие одноклассники завидовали их дружбе, но воспринимали её как должное. Кроме одного недоброжелателя — Витьки Быкова из Машиного класса, не без основания претендовавшего на звание «грозы школы». Маша ему нравилась, однако выбрала она Сашу, и этот выбор не привыкшему проигрывать парню сильно не нравился. Однажды Быков с тремя приятелями подкараулил его в пустынном месте. Драка была жестокой. Саше сильно досталось, но он успел врезать сопернику так, что того увезли с сотрясением мозга в больницу. Виноватым оказался тот, кто в больницу не попал.

Саше оформили привод в милицию и исключили из секции бокса. Директор школы сделал «последнее предупреждение». В случае первого же нарушения дисциплины пообещал исключить из школы.

Саша дал слово и с того дня вёл себя исключительно дисциплинированно. Эх, если бы не тот злосчастный «фейерверк». Маша жила с родителями на окраине города в частном доме. В канун новогоднего праздника он пришёл за ней, чтобы вместе идти на главную городскую площадь. И чёрт его дёрнул прихватить с собой осветительную ракету. Отец-офицер принёс несколько ракет, чтобы в новогоднюю ночь порадовать семью и соседей праздничным салютом. Одну ракету красного цвета сын без спроса и позаимствовал. Похвастался перед Машей. Та проявила интерес:

— Ты хочешь устроить праздничный фейерверк?!

Он ответил с насмешкой, совершенно упустив из виду, что слово материально:

— Это слишком громко сказано! Для фейерверка нужно море огня, а у нас всего одна ракета!

— Значит устроим маленький салют с помощью одной!

— Хочешь сама запустить?!

— Хочу!

Ракета запускалась просто. Нужно было вертикально держать в руках патрон, а внизу резко дёрнуть за специальный шнур. При этом срабатывал воспламенитель, и ракета уходила в небо. Маша крепко держала в руках патрон, но переволновалась и, дёргая за шнур, наклонила его. Ракета ушла не в зенит, а полетела на соседний двор и попала в дровяник, где лежало сено, на котором ночью спала собака.

«Фейерверк» с морем огня получился на славу. Дровяник и соседний с ним сарай полыхали так, что пожарные едва сумели отстоять дом.

Как «истинный джентльмен» Александр всю вину взял на себя. Из школы его не стали исключать только потому, что отец написал рапорт на перевод в другую часть. Родители назанимали денег у родни и друзей, расплатились за причинённый ущерб, и семья уехала из этого города.

Когда расставались, на глазах у Маши он впервые увидел слёзы. Она словно чувствовала: расстаются навсегда. Ох, эта юность! Первая любовь — самая искренняя, сильная и неповторимая. Ни с чем не сравнимое состояние, когда сильнее жизни любишь ты, и в душе твоей стопроцентная уверенность, что так же любят и тебя. Когда никто, кроме любимой, тебе не нужен, и в душе только одно желание: до самой смерти быть рядом с ней. Саша дал клятву: закончит школу, институт, и, как только станет самостоятельно работать, приедет за ней, и они поженятся.

Выполнил не всё. Школу и институт закончил, а приехать не сумел. Машина семья внезапно куда-то переехала, и они потерялись. Пытался её найти, но на все запросы неизменно получал ответ: «Не проживает».

Крики в соседском дворе стихли. Александр прервал воспоминания и положил руку Лёньке на плечо.

— Да, заварили вы с Шариком кашу... Пойдём к соседям просить прощения и замаливать грехи.

Отец с сыном направились к калитке соседней дачи. Дверь открыла разъярённая, словно тигрица защищающая своих тигрят, молодая женщина. Лицо её показалось Александру знакомым, и едва она гневно заговорила, он снова «впал в ступор». Похоже, этой женщине на роду написано быть постоянной спутницей неудачных фейерверков.

— Маша?!

Она замолкла на полуслове. Брови удивлённо поползли вверх, и после внезапного узнавания радостно-изумлённое в ответ:

— Саша?!

С этой секунды пропали возмущение, гнев, неловкость. Радость от встречи заглушила весь негатив. Они сумбурно, вперемешку с извинениями обсуждали происшествие, познакомились с детьми, задавали вопросы и рассказывали друг другу о неудачно сложившейся семейной жизни. Маша с мужем развелась. Уже три года живёт с двумя детьми одна. Ей повезло. Нашла хорошо оплачиваемую работу, на которой её ценят. Благодаря этому не бедствует.

Их дети оказались ровесниками. Даша и Лёнька одногодки, Андрюша на год моложе. Ребятишки быстро нашли общий язык, и Новый год решили встречать вместе. Александра и Машу спешно нарядили Дедом Морозом и Снегурочкой. Дети читали стихи, пели песенки и получали подарки. Все вместе водили традиционный хоровод, плясали под музыку. В полночь запустили грандиозный салют. Теперь уже с соблюдением всех мер безопасности, предварительно изолировав Тобика и Шарика. Впрочем, после пережитого братья меньше участвовать в этом деле не очень-то и желали... Теперь даже приятный звук шипящих на сковороде котлет вызывал у них жуткие ассоциации.

Неудачно начавшийся новогодний праздник удался на славу. Радостное возбуждение не покидало ни детей, ни взрослых.

Когда ребятня устала, Александр включил магнитофон и пригласил Машу. Они кружили в вальсе, как когда-то на школьном вечере, и их лица выражали только одно — счастье. Будто и не было многих лет разлуки, переживаний и неудачного опыта в браке. Их сияющие глаза ясно указывали: первая юношеская любовь разгорается в большую, взрослую.

Они смотрели друг на друга и думали об одном и том же. Какой ниточкой судьбы связаны два неудачных фейерверка? Один когда-то разрушил все планы и разлучил их. Другой способствовал новой встрече, благодаря которой мечты юности начали сбываться.

Дети притихли и во все глаза смотрели, как танцуют взрослые. А когда закончилась музыка, всё понимающий Лёнька лукаво посмотрел на Александра и Машу и глубокомысленно изрёк:

— А что? У нас с Шариком получился хоть и неудачный, но очень счастливый фейерверк!

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Моё поколение, родившееся сразу после окончания войны, росло в период, когда слишком свежи были воспоминания о Великой Отечественной. Когда ещё живы были наши отцы и матери, прошедшие эту войну. Слушать рассказы фронтовиков и играть в войну для нас было так же естественно, как для современных ребят проводить свободное время за виртуальными компьютерными «сражениями». Возвращаясь с помощью волшебного бумеранга к детству и юности, хочу предложить читателю несколько рассказов, написанных по воспоминаниям участников этой Великой войны.

Ополченцы сорок первого

Войну Михаил Егорович закончил в Берлине. Многое пришлось повидать за долгие военные годы, но тот короткий бой в сорок первом накрепко впечатался в памяти.

Критический для страны сентябрь сорок первого. Враг прорвал оборону Западного фронта и подходил к столице. Пытаясь остановить ударную группировку немцев, командование фронта выставляло заслоны из частей и подразделений, которые были под рукой.

Срочно сформированный батальон ополченцев привезли на позиции ночью. Должны были отправить на полигон, чтобы бойцы хоть немного изучили азы военного дела. Но, как это часто случается на войне, обстановка резко изменилась и последовал новый приказ — занять оборону за спиной полка, наспех собранного из отступавших подразделений. Основу батальона составляли добровольцы, по тем или иным причинам не призванные в действующую армию. Большинство имело бронь и понятия не имело о военной подготовке. Руководствовались лишь желанием: помочь столице, над которой нависла смертельная угроза.

Вооружение самое разное: трёхлинейки, карабины, охотничьи ружья, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Из серьёзного оружия комбату удалось выпросить только три противотанковых ружья и десяток новеньких автоматов, которые должны были заменить обещанные, но так и не доставленные к сроку пулемёты.

На подготовку обороны всего несколько часов. С утра на западе загромыхал бой. После полудня стих, и это означало только одно: немцы преодолели сопротивление сборного полка и вот-вот будут здесь. К этому времени удалось отрыть одиночные окопы для стрельбы стоя и небольшую траншею для командно-наблюдательного пункта.

В отделении Михаила Егоровича — один не нюхавший порошу молодняк. Ребята разные. Общее — только боевой задор да полное отсутствие воинских навыков. За исключением его самого, воевавшего в Финскую, никто из бойцов не держал в руках оружие. Правда, был ещё «снайпер» Стасик, которого не взяли в армию по состоянию здоровья. Выбивал в тире десять из десяти... Но то пневматика. Когда паренёк взял в руки трёхлинейку, его немедленно осмеяли. Да и как иначе. На бойца ростом с винтовку без слёз смотреть невозможно. Худенький, тщедушный студент тотчас получил прозвище Зяблик.

Пока рыли окопы, Михаил Егорович распределил обязанности и поочерёдно с каждым из бойцов провёл краткие занятия. Хорошо ли усвоили — покажет бой. Знавшие о войне понаслышке ребята рвались в драку. Особенно хорохорился баламут и школьный хулиган Лёшка Кузнецов. С трудом закончивший школу и не достигший призывного возраста паренёк каким-то чудом сумел записаться в ополчение.

«Все как один умрём, но не отдадим Москву фрицам!» — то и дело повторял он, настраивая себя и друзей. А те поддакивали, заглушая бравадой страх перед боем с его непредсказуемым исходом.

Михаил Егорович пытался, как мог, остудить эти горячие головы: « Не подставляйтесь без толку под пули, молодёжь. Умереть за Родину просто... Высунул из окопа башку — и нет тебя... А нам поставили задачу: остановить фашистов! Кто их остановит, если все умрём?»

Колонна мотопехоты, усиленной танками, появилась под вечер. Немцы знали: путь на Москву открыт, поэтому шли напролом без детальной разведки. Передовой батальон «СС» имел приказ: обнаружить очередной заслон русских, сходу подавить его и расчистить путь для главных сил.

Прошло три месяца самой трудной для них войны, но солдаты и офицеры «тысячелетнего» рейха ещё не поняли, во что они вляпа-

лись. Опыянённые лёгкими победами в Европе, уничтожив в ходе вероломного нападения основное вооружение и технику противника, наблюдая растерянность и подавленность тех, кто попал к ним в плен, они уверовали в лёгкую победу и здесь, в России.

Их вела вперёд фашистская идеология, подогревающая охотничий азарт. Подобно охотнику, получившему лицензию на отстрел дичи, они получили от фюрера индульгенцию на уничтожение этих недостойных жизни «унтерменш». Для них, впитавших идею превосходства над другими нациями, все эти народы и народности, которых на Западе называли общим словом «русские», были безмерно размножившейся дичью, за отстрел которой ничего, кроме благодарности и награды от фюрера, не будет. Тем самым «охотники» сами превратились в лютого зверя, которого невозможно приручить или перевоспитать. Такого зверя может уничтожить только более сильный охотник.

Одурманенные пропагандой вояки рейха, как и многие их предшественники в истории, шли на эту войну, не имея понятия об особенностях русских. Сведения о том, что те назвали войну «народной» и «отечественной», вызывали лишь презрительные улыбки: «Пусть порезвится дичь...». Даже их командиры, воевавшие в Первую мировую, не догадывались о том, что коготок фашистского зверя здесь, в России, уже увяз, и впереди — неминуемая гибель.

Немецкая колонна остановилась. Командиры достали бинокли, оценивая смехотворную оборону ополченцев, и почти сразу начали разворачивать боевой порядок. В первой линии шли три танка, за ними развёрнутым строем, строча из автоматов, чтобы противник не мог поднять головы, неспешно, с чувством полного превосходства двигалась пехота.

Бой получился скоротечным. Всего одна с трудом отбитая атака. В пылу боя необстрелянные бойцы забыли все наставления Михаила Егоровича. Он вёл стрельбу из автомата и видел, как бестолково и нелепо гибли они один за другим.

Вот неуклюже встал во весь рост, чтобы кинуть гранату, заводской слесарь Василий Коноплёв. Пуля сразила парня чуть раньше броска. Граната не долетела и взорвалась, не доставив немцам никаких неприятностей.

Совсем по-иному бросил связку противотанковых гранат силач и спортсмен Потап Гришин — точно под танк. Эх, если бы не забыл выдернуть чеку! Гранаты не взорвались, и эту оплошность ему не простил немецкий танкист, прошивший Потапа очередь из пулемёта.

Никогда не забыть, в каких страшных мучениях погиб метростроитель Григорий Кашин. Паренёк поднял руку с бутылкой зажигательной смеси и замер, как изваяние, ожидая, пока танк подойдёт поближе.

— Нельзя! Ложись! — завопил Михаил Егорович, но опоздал...

Чиркнувшая по бутылке пуля превратила бойца в пылающий факел. Нечеловеческий вой заживо горящего парня до конца дней будет звучать в ушах и сниться в кошмарах.

Лишь несколько секунд удалось порадоваться за самого молодого, но сообразительного и ловкого Лёшку Кузнецова. Баламут не только удачно бросил бутылку и поджог танк, но и застрелил вылезшего из люка танкиста.

Лёшка, Лёшка... Милый хорохористый мальчик... Ну зачем после этого нужно было грозить кулаком и «поливать» немецкую пехоту русским матом?.. Этих нелюдей в человеческом облике надо поливать свинцом!

Нелепо погиб и смертельно перепугавшийся Паша-музыкант. Под самый конец боя он всё же нашёл в себе мужество, поднялся в окопе и, выставив винтовку на подходивших немцев, всё жал и жал на спусковой крючок... А винтовка стрелять не хотела.

Рослый ээсовец шёл на Пашу с наглой улыбкой победителя и откровенно смеялся над русским пареньком, из-за волнения и страха забывшим снять оружие с предохранителя. Этот «сверхчеловек» тоже не простил русскому ошибку, но торжествовал недолго. Уже дважды раненный Михаил Егорович нашёл силы и всадил в гитлеровца очередь. Презрительная улыбка фашиста сменилась искренним удивлением: «Это не по правилам! Дичь не должна убивать охотника!» А после того, как он повалился на спину и его чёрная душа отлетела от тела, на лице застыли и отпечатались, теперь уже навсегда, боль и страдание обычного человека, так и не понявшего, зачем он жил и почему в самом расцвете сил умер.

Лучше всех наставление командира выполнил студент Стасик. В течение всего боя стоял в окопе, добросовестно целился и стрелял. Не видевший ничего, кроме «воздушки», этот шустрый паренёк уложил четырёх ээсовцев. Вот тебе и «Зяблик»...

Несмотря на большие потери, батальон ополченцев атаку отбил.

Столкнувшись с упорной обороной, потеряв два танка и до взвода пехоты, немцы не выдержали и начали беспорядочно отходить. Не получилось сходу, будут действовать по-другому. За ночь подтянут артиллерию. С утра проведут артподготовку, перепашут оборону противника и пойдут дальше.

Передышка перед завтрашним боем, скорее всего последним, и у ополченцев. Хоронили убитых, перевязывали и готовили к эвакуации раненых. Стасик сидел возле своего командира и неумело бинтовал ему руку.

У Михаила Егоровича болели не столько раны, сколько душа. Было жаль ребят. Погибли, так и не научившись воевать. Война — дело скверное, пожирает солдат не разбирая. И всё же первыми она забирает тех, кто не имеет военной подготовки. Кто к войне оказался не готов. Так было во все времена. Защищать Отечество нужно умело и грамотно, чтобы погибал враг, а не ты. Помнить надо об этом всегда, но каждое поколение наступает на одни и те же грабли. Постоянно находятся умники, которые считают: лично его война не коснётся, а значит, готовиться к войне не обязательно. История учит: слуги дьявола никогда не оставят Русь в покое. Потому изучать военное дело — обязанность каждого, а не прихоть. Как заставить молодых понять эту истину?

И всё же пессимизма и чувства полной безысходности не было. Приглушая боль утраты, крепла в душе Михаила Егоровича уверенность: ребята не запаниковали, не струсили, не побежали, а значит, пали не напрасно. Они оказались морально сильнее врага, показали своё духовное превосходство и заставили зверя отступить. Они выиграли у фашистов ещё один день, который позволит там, в глубине обороны, подготовить непреодолимый для захватчиков рубеж...

А «охотники» фюрера готовились к ночлегу и новым подвигам во славу рейха. Задержка от встретившегося на пути батальона ополченцев казалась им случайной и досадной помехой. Они ещё не догадывались, что войну уже проиграли. Солдаты тёмного бога в очередной раз столкнулись с силой Русского Духа. А совсем скоро им предстоит познать и силу Русского Оружия.

Михаил Егорович после этого первого боя абсолютно точно знал: именно так и будет...

Атака штрафной роты. (Отрывок из книги «Чеченский порог»)

Димка выздоравливал. Томительные дни ожидания скрашивали беседы с Петром Григорьевичем. Старый учитель оказался удивительно хорошим собеседником. Они говорили много и обо всем. Димка досадовал. Почему такой грамотный, много знающий

человек должен был вдальблывать историю в головы людей, которых эти знания интересовали меньше всего? А в его русском селе Большая Гора историю преподавал бывший чиновник, ныне обыкновенный пьяница, Семён Семёнович, который путал восстание Разина с восстанием Пугачёва и нёс чушь о том, как адмирал Ушаков вместе с адмиралом Нахимовым по приказу Петра Великого разбили турецкий флот в Средиземном море.

Пётр Григорьевич знал много такого, о чем не прочтёшь в обычных книгах. Часто говорили они и о войне. И о той, Великой Отечественной, и об этой, контрпартизанской, в Чечне.

О далёкой для Димкиного поколения войне историк говорил интересно и нестандартно. В его словах и доводах чувствовалась уверенность фронтовика-очевидца. Старик рассказывал о боевых действиях не только как историк, а как непосредственный участник. И эти знания очевидца меняли Димкины представления о войне, сформированные постсоветской пропагандой. Одна из таких бесед ему особенно запомнилась.

*

— Вот ты спрашиваешь, — отвечал на Димкин вопрос Пётр Григорьевич, — чем отличается та война от последней «чеченской»... Отличается многим. Прежде всего, масштабами и, конечно, тем, что она была с нашей стороны справедливой, освободительной. Любая война, сынок (он всё чаще стал так обращаться к Димке), — скверная штука. Особенно мерзко, если эта война ведётся против своего же народа. Но и на освободительной Отечественной было всякое.

Я попал на фронт примерно таким, как ты. Нас тогда не спрашивали: готов ты или не готов. Нужно было спасать Родину, и учились воевать мы сразу на передовой. Кто выжил, тот и научился.

Было все: и стойкость, и героизм, и трусость, и предательство. Героизма, конечно, было больше. Иначе мы бы не победили в той страшной бойне. Героизм был не единичным, он был массовым.

— А вот по телевидению всё время твердят: массового героизма не было. Люди воевали из чувства страха, под дулами автоматов заградотрядов.

— Ну, о пропаганде разговор особый. Пропаганда всегда искажает действительность в пользу той или иной власти. В советское время много говорили о героизме и умалчивали о предательстве и просчётах. Сейчас к власти пришёл другой класс, и пропаганда перевернула всё наоборот.

— Пётр Григорьевич, а скажите честно, заградотряды действительно были? И свои стреляли по своим?

— На той войне всякое было. Иногда и свои стреляли по паникёрам и предателям. От них ведь вреда порой было больше, чем от немца. Были и заградительные отряды на отдельных важных участках, где отступать было нельзя. Ну, например, в степях под Сталинградом в сорок втором. Но это были отдельные случаи. В таких масштабах, как сейчас преподносится, заградительные отряды не создавались. Лично я за всю войну их не видел ни разу. Вообще-то ими больше пугали тех, кто способен был бежать с позиции. Говорят, у страха глаза велики. Вот эти трусы и раздули миф о специальных отрядах. В реальности у командования не было столько войск НКВД, чтобы прикрывать ими действующий фронт. Эти отряды ловили шпионов и диверсантов, и только иногда, если припечёт, их использовали как резерв для закрытия брешей в обороне.

Должен тебе сказать, армия училась воевать в ходе боев, потому и был этот негатив. И сдача в плен, и бегство с позиций. После сорок второго солдат понял главную истину: плен или бегство с поля боя гораздо хуже, чем стойкая оборона. При грамотной обороне больше шансов уцелеть и выжить. Поэтому заградотряды были уже в принципе не нужны. Хотя, отрицать не буду, командиры иногда пугали ими малодушных бойцов. Особенно штрафников.

— Штрафников? Их же сейчас преподносят как главных героев войны!

— И это полуправда. Тут тоже всё неоднозначно. В штрафных батальонах и ротах было много людей, угодивших туда за различные провинности с передовой. Эти воевали, как надо. Иногда даже героически. Они стремились кровью искупить свою вину. Но ещё больше в штрафных ротах было уголовников. Тех, кого заставили воевать силой. Вот от них героизма ждать не приходилось.

Ты вот сильно переживаешь, что остался жив, а твои товарищи погибли. Я тоже побывал в такой ситуации. Как раз тогда, когда выполнял задачу совместно со штрафной ротой. Расскажу тебе эту историю, и ты поймёшь: среди штрафников был разный народец. И воевал этот народец по-разному.

*

Я воевал в сапёрной роте и по возрасту был таким, как ты, когда меня назначили помощником командира взвода. Фактически мне пришлось командовать взводом. Старый командир взвода был ранен,

а пришедший вместо него младший лейтенант командовал всего неделю и погиб от пули снайпера. Немецкие снайперы специально охотились за офицерами, и необстрелянные командиры часто становились их добычей.

Со дня на день мы готовились к переходу в наступление, но когда меня, помкомвзвода, вызвал сам командир полка, я сильно струхнул. Подполковник Сафронов слыл крутым мужиком. Мы уважали его, но боялись, как огня. Меня вызвали на КП вместе с командиром штрафной роты капитаном Сорокиным. Мой сапёрный взвод придавался этой роте для проделывания проходов в минных полях. Командир полка лично поставил нам задачу.

Перед правым флангом обороны возвышалась господствующая над местностью высота, занятая немцами. Почти такая же высота, но чуть в глубине немецкой обороны, была и перед левым флангом. Эти высоты мешали нашей дивизии, как кость, застрявшая в горле. При любой фронтальной атаке наступающие оказывались в низине, которая простреливалась с этих высоток. Поэтому, прежде чем переходить в наступление, нужно было овладеть ими. Такая задача и была поставлена полку: провести разведку боем и захватить господствующие высоты. Там, где наметится успех, развивать наступление.

Уже позднее я узнал: силы, которые должны были атаковать правую и левую высоту, были неравными. Левифланговую высоту поручалось взять лучшему в полку батальону, усиленному полковой артиллерией. Правифланговую высоту должна была взять штрафная рота, в интересах которой действовал только один сапёрный взвод. Задача моим сапёрам была определена конкретно: проделать проходы в минных полях, пропустить по этим проходам роту и содержать проходы на случай развития наступления.

Ты спросишь, почему такое неравенство при выполнении вроде бы равноценных задач? Мне тогда тоже было это непонятно, но приказ обсуждать было не принято. Его нужно было выполнять. Зато любой из наших современников, сильный задним умом, почти наверняка объяснит это тем, что штрафников на войне не жалели и бросали на самые опасные участки.

На самом деле всё было не так. Никакой опытный, уважающий себя командир не пошлёт штрафников на направление главного удара. Сделать так означало поставить выполнение полученного приказа под угрозу срыва. На главное направление командир поставит тех, на кого он может полностью положиться.

Подполковник Сафронов уже выбрал главное направление для атаки, и атака штрафной роты была лишь отвлекающим манёвром. Мы с капитаном Сорокиным, конечно, этого не знали. Считали, что именно от нас зависит успех полка. Но об этом чуть позже, а сначала о том, как протекал сам бой.

За ночь сапёры моего взвода проделали проходы в своих и в немецких минных полях. Как ни странно, противник нас почти не беспокоил. С началом артподготовки я доложил капитану Сорокину о выполнении задания и показал ему проходы на местности. Светало, но видимость была плохая и, чтобы атакующие не сбились, сапёры подсвечивали проходы фонариками. Я думал: основную задачу взвод выполнил успешно, и в душе уже рассчитывал на похвалу. Но капитан повёл себя странно. Он не доверял молодёжному сержанту и потребовал, чтобы сапёры атаквали противника вместе с его ротой, причём впереди. Доводы у него были железные: «Людей у меня не хватает, а вы, если плохо разминировали, сами и подорвётесь!»

Я попытался возразить:

— Мне был приказ лишь проделать проходы и содержать их!

В ответ на это Сорокин загнул трёхэтажным матом, выхватил пистолет и пригрозил сей же час пристрелить меня, если я откажусь выполнить его приказ.

И вот тут я смалодушничал: «А ведь и вправду пристрелит, а разбираться потом будут без меня», поэтому дал команду своим сапёрам подготовиться к атаке. Сам, чтобы не выглядеть трусом, настроил себя выскочить из траншеи первым.

Как только начала стихать канонада артподготовки, взлетела ракета, и мы поднялись в атаку. Сорокин бежал впереди. Чуть в стороне бежал здоровенный детина, которого все звали Гога. Правая рука Сорокина. Он пользовался непререкаемым авторитетом у той части роты, которая состояла из уголовников. Я и ещё несколько моих ребят бежали следом, стараясь не отстать. Сорокин был боевым офицером. Я не знал, за что его определили командовать штрафной ротой, но мужик он был смелый. Мы пробежали треть пути, когда с высоты ударил пулёмёт. Сорокин упал на землю и резко перекатился в сторону. Плюхнулся следом за ним и я. Как только пулёмётчик перенёс огонь на других и над нами перестали посвистывать пули, мы поднялись и побежали снова. Так, за несколько перебежек, достигли вершины. Я оглянулся. Вместе с нашей троицей до верха добежали лишь четверо моих сапёров и два штрафника. Немцев на позиции не

было. В траншее, испуганно озираясь, с поднятыми руками стоял молоденький немецкий солдат.

— Сталин гут! Гитлер капут!.. Сталин гут! Гитлер капут!.. — беспрерывно повторял пулемётчик, вымаливая себе пощаду.

— Ах ты, фашистская сука!!! — звериным рыком закричал на него Сорокин. — Положил всю роту, а теперь в плен собрался?! Мне пули для тебя жалко! — он схватился за висящий на поясе нож, но Гога с полуслова понял командира, подскочил к немцу, сдёрнул с того каску и ударом пехотной лопаты раскроил пулемётчику череп.

Я впервые видел подобную жестокость. Она меня потрясла, но на этом мои потрясения не кончились. Штрафная рота, которую «положил один пулемётчик», вдруг начала оживать. Вот тут до меня и дошло. В атаке добросовестно участвовали только пятеро опытных штрафников да мои сапёры. Уголовники после первой же очереди попадали на землю и лежали, пока пулемёт не замолк. Потерь среди них не было, за исключением двух раненных в руку. Видимо, специально поднимали руки. Ранение давало шанс на снятие судимости.

В моем взводе было два человека убито, ещё четверо получили ранения. Из пятерых штрафников, участвовавших в атаке, убит был один.

Стала понятна и причина пассивного поведения немцев на этой высоте. На соседней высоте, где наступал пехотный батальон, гремел настоящий бой. А нам фрицы дали зелёный свет. Я тогда был ещё не силен в тактике, но понял: немцы хотели обхитрить нас и заманить в ловушку. Мы быстро взяли высоту, и, если бы полк нанёс главный удар на нашем направлении, в глубине немецкой обороны наши подразделения неминуемо попали бы в огневой мешок. Тогда как на левом фланге, сразу за высотой, начинался удобный для наступающих пологий склон.

Наши командиры разгадали замысел противника, но мне от этого было не легче. Мой и без того куцый взвод в самом начале наступления потерял шестерых бойцов. И за «самовольное» участие в атаке я вместо награды чуть не угодил под военный трибунал. Спасибо Сорокину. Капитан честно доложил командиру полка, что заставил меня идти в атаку угрозой. Сафронов, конечно, взбеленился на капитана, но меня простил.

Я стоял возле КП и, размазывая по лицу слёзы, слушал, как командир полка разносил командиру штрафной роты.

— Под суд надо отдать тебя, капитан, а не этого сержанта! Сейчас у меня нет на это времени, но я тебя предупреждаю: ещё одно такое

самовольство — и я сделаю с тобой то, чем ты грозил этому юнцу! Пристрелю лично!.. Стрелков, не умеющих толком стрелять, у меня много, а сапёров — кот наплакал... Без них в наступление не пойдёшь! А ты знаешь, сколько нужно времени, чтобы подготовить опытного сапёра?!

Так моя молодость и последовавшее за этим боем наступление спасли меня от позора. Но я ещё долго корил себя за то, что из-за моей робости погибли мои товарищи. Только потом, когда побывал в более сложных передрягах, пришло осознание: на войне бывает всякое и распускать нюни по каждому поводу не резон. На войне каждую секунду нужно воевать!

Самосуд

Агенты влияния, которые целенаправленно разрушают Русский мир, пытаются, так же, как на Украине бандеровцев, реабилитировать в России власовцев. Дескать, люди стали заложниками политиков и жертвами обстоятельств. Конечно, на Великой войне случалось всякое. Однако факт остаётся фактом: на стороне фашистской Германии воевало около миллиона предателей. Следует ли забывать о том, какой вред они принесли стране и народу?

*

Земля снова сотрясалась от взрывов, словно больной в лихорадке. Пропитанный непередаваемыми запахами войны воздух бил по барабанным перепонкам, сушил горло и вызывал раздражение в носу. Артиллерия уже полчаса долбила опорный пункт немцев, выковыривая их из траншей и блиндажей.

Григорий, навалившись на бруствер, смотрел в сторону немецких позиций и краем глаза следил за сержантом Назаровым, чтобы не проморгать сигнал. В ходе войны наметился заметный перелом. Артиллерия теперь хорошо помогает, лучше, чем в начале войны. И выучка появилась. Солдат во время атаки не медлит в нерешительности. Знает: чем быстрее проскочишь после артподготовки нейтральную зону, тем больше шансов пленить фрицев, пока они не очухались. Но подниматься в атаку от этого легче не стало. В душе, как у тех девчонок, гадающих на ромашке, каждый раз неопределённость: повезёт, не повезёт. Что бы ни говорили о других родах войск, самая тяжёлая участь — у пехоты. Чтобы подняться в атаку

и биться лицом к лицу с врагом, нужно особое мужество и специальные навыки.

Бой получился тяжёлым и жестоким. Немцы сражались остервенело, как в сорок первом. С позиций не побежали, руки вверх не подняли, дрались до последнего. Когда сошлись врукопашную, выяснилось: не немцы это вовсе, а самые что ни на есть соотечественники. Лязг железа, выстрелы, предсмертные стоны и крики с обеих сторон были сдобрены ядрёным русским матом. Русские со звёздами сошлись в битве не на жизнь, а на смерть с русскоговорящими со свастикой.

Григорий лично застрелил двоих, на третьем — вышла осечка. Власовец повалил его на дно траншеи и так сжал горло, что свет, с которым парень не успел попрощаться, померк. Спас сержант Назаров, выстрелом в грудь сваливший бугая в немецкой форме.

Григорий пришёл в себя от хлопков по щекам. Назаров приводил его в чувство. Стресс постепенно отступил, захотелось курить и есть.

— Эх, закурить бы! Когда же старшина махорку выдаст?

— Кашель сначала уйми, курильщик! Закурить ему. На-ка выпей глоток, чтобы сосуды расширились. Крепко он тебе горло сжал, хорошо, что не повредил, — сержант дал Григорию глотнуть из фляжки.

Иван Назаров намного старше Григория. Григорию срок идти на войну подошёл в сорок первом. У Ивана эта война — третья. Различие в возрасте не помешало им сдружиться. Иван относился к земляку как отец к сыну и негласно шефствовал над молодым парнем.

От выпитой водки Григорий повеселел, его потянуло на разговор.

— Иван, как думаешь, за этот бой нас к медалям представят?

Назаров ответил утвердительно.

— А почему нет? Бой-то выиграли.

— Ну как? Вроде бы не с немцами, а со своими бились...

Сержант, прошедший Гражданскую, где также бились между собой русскоговорящие, посмотрел на Григория с откровенной насмешкой.

— Ты же на своей шее почувствовал, какие они «свои». Сидишь сейчас и херкаешь. Не окажись я рядом — получил бы медаль по-смертно.

Григорий задумался. Его мысли повернулись в другую сторону.

— Чудно как-то. Мундиры немецкие, а флаг на рукаве белогвардейский. За что они нас так ненавидят, что немцам продались?

— Мундиры на них цепляют те, кому они служат. В Гражданскую против нас воевали в английских мундирах, сейчас воюют в немецких. Классовая ненависть — штука страшная. Отняли мы у этих па-

разитов всё, что они имели, и выгнали с насиженного места. А триколор, как ты говоришь, белогвардейский — это флаг бывшей Российской империи. Самый невезучий флаг России. Одна беда от него.

— Почему невезучий? Расскажи.

— Потому что не наш этот флаг, не русский, а привезённый из Европы. Говорят, его придумал царь Пётр Первый... Грабили тогда пираты наши торговые суда, а голландцев не трогали. Сильная морская держава, пираты её боялись. Пётр и приказал голландский триколор на торговые суда повесить. А чтобы Голландия не обиделась, полоски на флаге поменяли местами. Пираты, и правда, реже нападать стали. Кто там станет разбираться, как расположены полоски, триколор на мачте — значит, голландец. Так и служил флаг на торговых судах, пока в конце прошлого века его не сделали государственным. Вот тут беды у России и начались. Сначала Россия с этим флагом проиграла войну Японии. Потом потерпела поражение от немцев в Первую мировую. Во время революции империя рухнула, а Белая гвардия, поднявшая этот флаг, была разбита Красной гвардией. Теперь вот предатели-властовцы его нацепили. Разобьём и их... вместе с хозяевами!

Григорий внимательно слушал своего спасителя и, как только тот сделал паузу, не удержался от вопроса.

— Всё хочу тебя спросить... Откуда ты всё это знаешь? Говорил, что из семьи батрака, а излагаешь, как профессор.

— Так я ведь до Финской учителем был. Отец, пока колхоз не образовался, батрачил, а я, благодаря Советской власти, выучился. Когда война с Финляндией началась, меня мобилизовали. Грамотный и боевой опыт имел. Окончил курсы и стал политруком.

— Политруком? А чего сейчас-то обычным сержантом в пехоте воюешь?

— А меня там, на Финской, и разжаловали. Бардака на этой войне было немало. Гибли люди по глупости, ну.. я и решил командиров, которые пороху не нюхали, поучить. Кто же, говорю, так воюет? Мне рога и обломали. Теперь эта война всё на свои места расставила. Бардака тоже хватает, но воевать научились.

Их беседу прервал подбежавший взводный.

— Кончай отдыхать! Назаров, собирай бойцов, комбат приказал всех раненых, пленных в том числе, перенести в медсанбат.

Григорий, горло которого ещё не отошло после стычки с «соотечественником», возмутился.

— А чего это мы предателей должны таскать? Пусть сами себя таскают! Я бы их не в медсанбат, а в общую могилу уложил!

Взводный, почти ровесник Григория, напустил на лицо строгость.

— Что-то ты совсем разболтался, солдат. Я же сказал — приказ комбата! Забыл, что бывает за неповиновение?

— Воюешь, воюешь, а чуть что — сразу грозят, — проворчал, поднимаясь, Григорий. — Старшина вот курево не выдаёт, и никто ему приказать не может.

Бойцов набралось мало. В переноске раненых пришлось участвовать всем, даже взводному. По иронии судьбы Ивану с Григорием достался бугай, едва не задушивший Григория. Иван прострелил ему правый бок, и пленный, перевязанный медсестрой, уже лежал на носилках. Это их не обрадовало. Верзила весил явно больше шести пудов. Он молча смотрел на противников, но глаза выдавали его с головой. В них — лютая злоба раненого зверя. Устали быстро. Первым выдохся Иван.

— Всё, Гриша, больше не могу, делаем перекур.

Григорий поправил товарища.

— Иван, какой перекур? Забыл, что махорка на нуле?

Они присели прямо на землю, а раненый повёл себя в высшей степени нагло. Всё так же ни слова не говоря, достал пачку немецких сигарет, зажигалку и закурил. Друзья смотрели на пленного с изумлением. Подразнить решил? Иван как можно миролюбивее спросил:

— Несём тебя в медсанбат, тужимся, может, хоть сигаретой угостишь?

Пленный дерзко глянул Ивану в глаза и разжал, наконец, губы.

— Нет у меня для вас курева! У самого единственная пачка осталась!

Иван не стал с ним связываться, лишь окинул презрительным взглядом, а на Григория ответ власовца подействовал как красная тряпка на быка. Он вскочил, словно ужаленный.

— Для нас у тебя курева нет? Мы тебя тащим на своём горбу, а тебе вонючую немецкую сигаретку жалко? Иди в медсанбат своим ходом! — схватил за край носилок и вывалил пленного на землю.

Вместе с вывалившимся из носилок раненым и его шинелью на землю слетели несколько припрятанных пачек сигарет. И без того обиженный Григорий совсем расвирепел.

— Вот гад! Последняя пачка, говоришь?! Стрелял в нас, убивал наших ребят! Ладно бы немец или румын какой-нибудь, а то ведь свой, русский!

Пленный от такого обхождения тоже завёлся с пол-оборота. Заптаившиеся в душе ожесточение и злоба вырвались наружу..

— Я вам не свой, голытьба колхозная! Ничего, кроме пули, у меня для вас нет! Стрелял вас и стрелять буду!

— Ну ты, предатель, закрой свою пасть! — Григорий схватил автомат. — Не пристрелил в бою, пристрелю сейчас, чтоб воздух не коптил, гнида поганая!

Раненый злорадно улыбнулся.

— Не пугай! Стреляй, если хочешь попасть к особисту за самосуд! Я вас не боюсь... Выживу, давить буду, как клопов!

От такого поведения пленного в голове у Григория окончательно помутилось:

— Я тебя не пугаю, фашистский прихвостень, вот возьму и шлёпну прямо тут!

Он приставил автомат к левой половине груди пленного. Власовец побледнел, глаза его округлились.

— Что страшно? Нажму сейчас на спусковой крючок и посмотрю, как стрелять и давить нас будешь!..

Выстрел прозвучал внезапно. Голова пленного откинулась назад, из раны потекла кровь. Иван схватил Григория за руки:

— Гриша, ты что наделал?!

Григорий сам не ожидал выстрела. Сел с побледневшим лицом и трясущимися руками.

— Попугать хотел... Забыл на предохранитель поставить.

Иван с горечью махнул рукой.

— Эх ты! Попугать хотел... Теперь вместо медали получишь «путёвку» в штрафную роту.

На выстрел подбежал взводный.

— Что у вас за стрельба, Назаров?

Иван соображал, что сказать, а Григорий снова повторил свою фразу.

— Да вот, хотел попугать... забыл снять с предохранителя...

Взводный посмотрел на труп пленного и задал уточняющий вопрос.

— Ты что ли его пристрелил, Гриша?

Вместо Григория ответил Иван.

— Да нет. Мы сели перекурить, этот, — кивнул он на убитого, — угостил нас сигаретами. А потом внезапно схватил автомат и застрелился... Всё равно, говорит, расстреляют. Вот Гриша и переживает: забыл автомат на предохранитель поставить...

Взводный посмотрел на одного, потом на другого и махнул рукой.

— А ну вас к чёрту, дурошлёпы! Особисту будете объяснительную писать, так хоть врите одинаково! Сидите тут, не дёргайтесь, он не замедлит явиться.

Взводный убежал, а Иван с Григорием принялись обсуждать, как выкручиваться.

Иван залез в карман к убитому и достал документы.

— Да это же Потап Богданов! То-то рожа показалась знакомой! Узнал, видимо, меня, кулацкое отродье. А я вот не признал его. Ну, да он тогда совсем пацаном был.

— Да ты что?! Значит, я односельчанина твоего пристрелил?!

— Получается так. Отец его ещё тем мироедом был. Десятка полтора мужиков у него батрачило. Мой отец тоже на него спину гнул. Когда колхоз образовался, батраки в колхоз ушли. Богданов озверел, ночью поджжёт ферму с колхозным скотом и мельницу. Мужики поймали его и сдали в ГПУ. В общем, раскулачили семейку и выслали. Самого отправили в лагерь, а сынок вот выжил и к немцам подался.

— Значит, правильно я его шлёпнул?

— Кто его знает, Гриша? У него — своя правда, у нас — своя... В открытом бою всё понятно, а так вот, как получилось, наверно, неправильно.

Особист оказался человеком понимающим, и самосуд для Григория не имел серьёзных последствий. Наступление развивалось успешно, в непрерывной текучке и движении вперёд некогда было заикливаться на отдельном эпизоде войны. Григорий и Иван воевали до Победы. Иван — с исключительным результатом: три войны без единого ранения. Хорош, видимо, был его ангел-хранитель. Перед демобилизацией сильно закомплексовал: не поверят, что всю войну был на передовой, скажут, сидел в штабе и липовые ордена и медали получал. Такие, и правда, нашлись, даже из числа фронтовиков. Особенно из тех, кто воевал честно, был ранен и искалечен и кого обошли наградами. Для людей, прошедших огонь и воду, слишком непонятным был феномен Ивана.

Когда Иван праздновал юбилей, Григорий поехал к нему, чтобы поддержать боевого товарища. В селе его приняли хорошо. Он выступил в сельском клубе перед жителями и подробно рассказал о боевых подвигах Ивана. Потом было чествование юбиляра в колхозной столовой. Фронтвые воспоминания, песни с плясками под гармошку, множество хорошеньких незамужних женщин. Сбывалось всё, о чём мечталось в промозглых сырых окопах. У Григория появилось много новых знакомых. Среди прочих познакомился он с сестрой Потапа

Богданова, которая вернулась в родное село в самом начале войны. Простая русская женщина хоть и была обижена властью, не таила на свой народ зла. Она поведала, что брата забрали в армию в сорок первом и на фронте он пропал без вести. Фронтовые друзья не стали рассказывать о том, на чьей стороне воевал Потап и как погиб. Не потому, что испугались, после фронтового ада солдаты Великой Отечественной ничего не боялись. Не стали смущать покой женщины и омрачать ей жизнь. Пусть думает, что брат защищал Родину и свой народ, а не помогал бесноватому фюреру этот народ уничтожить...

Выбор

Из воспоминаний моего земляка, фронтовика Григория Романовича Колмакова.

Артналёт немцев начался внезапно. Артиллеристы, словно мыши при неожиданно возникшей опасности, юркнули в не полностью открытые окопы и щели. Наводчик семидесяти шести миллиметрового орудия Григорий, сжавшись в комочек, сидел в своём окопе и мысленно отводил беду: «Господи, пронеси!» В детстве, в школе, и политуки здесь, в армии, внушали: «Бога нет». В мирной жизни в это можно поверить, но не на войне. В боевой обстановке человек поневоле становится суеверным. Особенно в такой ситуации, как сейчас. Лежишь, ждёшь и понимаешь: жить тебе или не жить — решает чья-то чужая воля, и от тебя ровным счётом ничего не зависит. У тебя нет выбора. Хотя до сей поры судьба была благосклонна. За два года войны — одно только лёгкое ранение. Но ведь всё бывает когда-то в первый раз. Первый может оказаться и последним. Прилетит снаряд чуть ближе — и война, вместе с жизнью, окончена. Сколько повидал он подобного...

Григорий гнал подальше гнилые мысли, уговаривал себя: «Оптимистом надо быть, верить в судьбу и в своего ангела-хранителя». Тот дважды спасал его от гибели. Первый раз — при переправе через реку. Оглушённого взрывом, его выбросило с плота. Каким чудом зацепился он тогда одеждой за гвоздь на бревне и не утонул? Второй раз — нечаянно запнулся и упал во время боя. Командир за нерасторопность и задержку выстрела покрыл его трёхэтажным матом, но Григорий этому падению был рад безмерно. Предназначенная ему, наводчику, пуля пролетела мимо и лишь легко ранила подносчика

снарядов. Надо надеяться: поможет ангел и в третий раз. Так хочется вернуться к жене и детям живым!..

Сумбурные мысли о нестабильности жизни на войне вдруг моментально прервались. В душе появилось беспокойство, постепенно перераставшее в зуд. Какая-то мысль возникла в мозгу, но никак не могла сформироваться. Солдат не мог понять, из-за чего этот душевный свербёж, и от непонимания начал злиться. Осенило, когда разорвался очередной снаряд и крупный осколок ткнулся в землю чуть выше головы. Окоп явно мелковат, но причина душевного расстройства не в этом: он, опытный наводчик, забыл наставление командира и не снял панораму! Посечёт прицел осколками, как тогда наводить орудие, как стрелять?

Снаряды рвались один за другим, но чувство долга пересилило опасность. Григорий выскочил из окопа, подбежал к орудию и, ожидая в любой момент удара разорванной на мелкие части горячей чугунины, принялся торопливо снимать прицел. В этот момент краем глаза увидел бегущего со стороны передовой пехотинца. Передвижение солдата напоминало бег удиравшего от опасности носорога. Бежал не зигзагами, как опытные бойцы, а ломился напролом, не разбирая дороги.

«На связного не похож, — мелькнуло в голове, — не иначе как струсивший паникёр! Видно, сильно мужик за жизнь испугался!..»

Пехотинец добежал до их позиции и спрыгнул в окоп Григория. В душе артиллериста всколыхнулась злоба на незваного гостя: «Вот гад, откуда ты взялся? Окоп до конца не отрыт, не поместимся вдвоём!» Звук летящего снаряда заставил отложить переживания. Григорий упал на землю рядом со станиной, не забыв телом прикрыть прицел: «Пусть самого и убьёт, но ребята смогут вести бой».

Разрывом оглушило, засыпало комьями земли, но осколки, по счастью, просвистели мимо. Григорий поднялся, намереваясь бежать к своему окопу выгнать непрошенного «нахлебника», и внезапно увидел: бежать некуда. Развороченный прямым попаданием снаряда окоп стал для пехотинца последним прибежищем. Как всегда в таких случаях, запоздало мелькнуло раскаяние: «И чего обозлился на парня? Ему жить оставалось секунды...»

Вой очередного немецкого «гостинца» заставил снова плюхнуться на землю. За разрывом последовал следующий. Григорий лежал возле станины орудия и уже не гадал: пронесёт, не пронесёт. Была какая-то ничем не подкреплённая уверенность: у него сегодня всё будет хорошо. В голове лишь назойливо вертелись вопросы. Какая неведомая

сила вытолкнула его из окопа за панорамой? Кто сохранил жизнь ему и забрал её у пехотинца, направив того в окоп, в который уже летел снаряд? Кто сделал Выбор? Он сам, бросившись выполнять долг, бежавший с передовой пехотинец или это кто-то сделал за них? Чем объяснить этот случай: действием сверхъестественных сил или простой случайностью?

Артналёт так же внезапно закончился. Мистика мистикой, но от реальности не уйдёшь. Григорий встал и, не дожидаясь распоряжения командира, принялся налаживать прицел. Сейчас оболваненная фашистской пропагандой немчура пойдёт в атаку. Надо воевать дальше...

Заплутавший орден

*Моим родителям,
прошедшим Великую Отечественную войну,
посвящаю*

Дойти до Риги ему не довелось, хотя оставалось каких-то тридцать километров. Войска Первого Прибалтийского фронта наступали на Ригу с юга, но прорвать с ходу заблаговременно подготовленный рубеж не смогли и перешли к обороне.

Борис, пользуясь относительным затишьем, сидел в блиндаже и кимарил. Это слово, как никакое другое, передавало выработанное на войне состояние чуткого сна. С виду — сидя спал, а на деле в полудрёме сумбурно вспоминал, размышлял и отгонял назойливые мысли о еде.

По всему было видно, немцы решили дать серьёзный бой. Подтянули свежие резервы, дальнобойную артиллерию. Лупят такими снарядами, что земля, как при землетрясении, гудит. Если попадут в блиндаж, три наката брёвен не помогут. Два дня назад попали в полевую кухню. От кухни, старшины и поваров осталась лишь глубокая воронка. Такая же участь постигла и полковой склад. Знает немчура, куда ударить побольнее. Видно, посадили где-то опытных корректировщиков.

А много ли голодным навоюёшь? Чем бы ни был занят, а мысли всё о ней любимой... О жратве. Вчера подвезли сухой паёк из дивизии, но очень уж скромный. Съели за один присест и не наелись. А на нейтральной полосе, словно издевательство, сад с крупными,

видимыми невооружённым глазом яблоками. Можно было ночью сползть, но ротный под угрозой — отдать под трибунал — запретил.

На нейтралке каждую ночь гибнут разведчики. Четыре ночи ползают за языком — и всё без толку. Немцы уже не те, что в начале войны. От напыщенного превосходства и пренебрежения к противнику не осталось и следа. Им постоянно мерещится наступление русских и, чтобы не прозевать, наставили в нейтральной полосе передовые посты. На них разведка постоянно и натывается.

Вот и приходится Борису отговаривать друзей от затеи пожить-ся яблочками. Лучше пару дней поголодать, чем под конец войны загреметь под трибунал или получить в лоб дурную пулю.

Он — самый молодой во взводе, но самый обстрелянный. Два месяца исполняет обязанности помощника командира взвода. Фактически командует взводом — взводного убили в самом начале наступления.

На фронте — с декабря сорок первого, когда их дивизию, сформированную в городе Кунгуре, кинули в наступление на Калининском фронте. Почти три года шёл он от старинного города Тверь, переименованного в Калинин, до Риги. Повидал за это время столько, что на целую жизнь хватит. Воевал постоянно на передовой, за вычетом времени, проведённого в госпиталях. Ранили четыре раза. Все ранения средней тяжести и тяжёлые, на лечении находился долго. Может, потому и жив до сей поры. Из его сверстников редко кто дожил до сорок четвёртого. Ребята, родившиеся в двадцать третьем году, встретили войну в качестве новобранцев. В сорок первом многие погибли в первый месяц или попали в плен. А ему повезло. День рождения в августе, призвали только осенью. В их роте из сверстников у него только ротный, старший лейтенант Бобров. Боброва после ранения в сорок первом направили в военное училище, так и стал офицером.

Бобров — парень что надо. Требовательный, но простой. Не кичится званием и должностью, не стесняется носить солдатскую пилотку. Орденами и медалями не брякает. Немцы умеют выбивать офицеров и опытных солдат с наградами на груди. Новый командир взвода, пришедший месяц назад из училища, повоевал совсем немного. Во время затишья решил покрасоваться и надел фуражку. Тут же попал на глаза немецкому снайперу.

У Бориса всего одна медаль «За отвагу», полученная в сорок втором. Поэтому снайперов он особо не боялся. Бобров, который имел два ордена и две медали, не раз допытывался, почему у него только одна награда. А что он мог сказать? Воевал не хуже других, иногда

даже лучше. Трусом никогда не был. Не раз обещали представить и к медали, и к ордену. Один командир даже Героя сулил «дать». Но всё это перед боем, а после боя — как всегда. Как-то так получалось, после очередного геройства — очередное ранение. А то сам командир погибал или попадал в госпиталь. Иной просто забывал о своём обещании. Ну да бог с ними, с медалями. Главное — живой, и война к концу катится.

А есть страсть как хочется... И сад этот на нейтральной полосе действует всем на нервы. Друзья-сослуживцы долбят Бориса без остановки. Особенно напирает Гришка Букин. Не может спокойно смотреть на яблочное изобилие. Парень из Рязанской области, вырос на яблоках. В детстве почистил столько садов... Гайдаровский герой Квакин ему в подмётки не годится. Гришка второй день хвастает своим богатым опытом и доказывает, что способен очистить любую яблоню, при этом не потревожить спящую в десяти метрах собаку.

Не отстаёт от него и Иван Ощепков. Здоровяк с Урала. Яблоки первый раз попробовал здесь, на фронте, а туда же. Хотя этого понять можно. Его мощный организм всегда есть хочет. Даже тогда, когда проглатывает двойной паёк.

Иван с Гришкой и прервали «сладкий сон» Бориса. Как всегда, напористо и энергично речь держал Григорий:

— Эй, командир, хватит дрыхнуть! Начальник обязан кормить своих подчинённых, а ты мышей не ловишь. Мы пришли тебя предупредить: поползём самовольно! Если повезёт, с яблоками вернёмся. А нет, тебя не сдадим! Скажем, наша личная инициатива была.

В ту же дудку подпел и Иван.

— Поползём сразу, как стемнеет. Немцы привыкли, что разведчики лезят в самую глухую пору, и с вечера ждать не будут. Нам, главное, просматриваемое поле проскочить, а в самом саду деревья прикроют.

Доконали они Бориса. Может, молодость подвела, а может, самому так сильно хотелось есть, дал слабину и согласился. Но отпустить ребят одних не мог. Принял решение ползти с ними. В случае провала за самовольную вылазку отвечать так и так ему.

Распределили обязанности. Григорий — сборщик, Иван таскает мешки, а Борис наблюдает за обстановкой и в случае чего прикрывает. Как стемнело, поползли. Благополучно миновали открытый участок и заползли вглубь сада. Григорий и Иван работали бесшумно. Быстро набирали яблоки в мешки. Борис выполз на край сада со стороны немцев и наблюдал. Всё было спокойно. Вдруг наткнулся на телефонный провод. Провод шёл со стороны немецких окопов на

край сада, в ту сторону, с которой они пришли. Наверное, там передовой пост. Он похолодел. Их группа проползла в нескольких десятках метров от засады. Видимо, немцы действительно не ждали «гостей» в столь раннее время. Сделать это на обратном пути с полными мешками вряд ли удастся. Фрицы расстреляют их, как куропаток.

Борис подполз к Ивану с Григорием и рассказал о «сюрпризе». Они посоветовались. Решили двигаться вдоль провода, тихо обезвредить немцев и только потом ползти в свою траншею.

Проползли немного и услышали чужую речь. Немцы негромко переговаривались. Они не могли и подумать, что противник у них за спиной. Судя по всему, их было двое. Борис молча показал пальцем: «Я — левого, Григорий — правого, Иван остаётся на месте».

Подползли ещё ближе, вскочили и молча кинулись на притаившихся в окопах для стрельбы лёжа немецких солдат.

Обезвредить без шума не получилось. Не было навыков, которыми владели разведчики.

За время войны Борису несколько раз приходилось драться в рукопашную. Особенно ожесточёнными такие схватки были в начале и середине войны. Немцы дрались до победного. Поэтому компромисса не было: или ты его, или он тебя. В конце войны ситуация начала меняться. Отборные кадры вермахта война перемолола. Стали чаще попадаться соперники из обычных немцев, которые предчувствовали близкий конец войны и, как все нормальные люди, хотели жить.

В этот раз Борису повезло. Немец попался долговязый, но силой и отвагой явно не вышел. Едва Борис на него навалился, он вытянул руки вперёд и загнусавил:

— Нихт тотен! (Не убивайте), Гитлер капут!.. Нихт тотен!..

— Не буду я тебя убивать! В плен пойдёшь...

А Григорию пришлось туго. Его противник успел повернуться к нападавшему лицом. Они схватили друг друга в охапку, пытели, ругались каждый на своём языке, крутились, пытаясь прижать один другого к земле. Видимо, сидевшие в передней траншее немцы что-то услышали. В воздух взлетели осветительные ракеты, и для острастки тут же треснула автоматная очередь. К счастью, с немецкой стороны их видно не было, прикрывал сад.

Немец оказался сильнее. Прижал Григория к земле, выхватил нож и всадил бы его в рязанского паренька, если бы не подбежавший на шум Иван. Тот не промедлил. Ударом сбоку врезал «гансу» прикладом по шее. Голова немца кувыркнулась набок, тело обмякло, готовый вонзиться в противника нож выпал из руки.

Борис подобрал автоматы немцев и скомандовал:

— Уходим бегом! Я с языком вперёд, вы прикрываете! — и повернулся к лежащему на земле немцу. — А ну, ганс, ауфштейн, и бегом в плен!

— Я, я, я, — послушно вскочил немец и, подняв руки вверх, торопливо побежал в сторону русских позиций.

Борис бежал рядом. Следом, волоча мешки с яблоками, Григорий и Иван. Они не добежали несколько десятков метров, когда немцы по-настоящему всполошились. Взлетели осветительные ракеты, зарокотал пулемёт, затрещали автоматные очереди. Теперь они были на открытой местности. Опытные Иван с Григорием моментально упали на землю, а немец продолжал бежать. Борис в три прыжка догнал его и повалил на землю. Падая, почувствовал острую боль в правой лопатке. Когда огонь стих, из передней траншеи подползли свои ребята. Помогли доползти Борису и немцу. Григорий и Иван приползли сами и приволокли мешки с яблоками. Григорий тоже получил лёгкое ранение. Пуля прошла мякоть руки, не задев кость. Почистить сад тихо не получилось. Вылазка закончилась большой оглаской, и спасший Григория Иван ворчал:

— Видно на роду, Гришка, тебе написано пострадать сегодня. Это тебе в отместку за большую любовь к яблокам! А вот Борька терпит мучения из-за тебя, хвастуна.

— Это чё я нахвастал? — тут же завёлся Григорий. — Яблочко-то ведь набрал, как обещал.

— Набрать-то набрал, но какой ценой? «Собаку в десяти метрах не потревожу», — передразнил его Иван. — Разбудил всю округу! Теперь придётся отчитываться!

Прибежала медсестра Варя. Бориса затащили в блиндаж. Рана была сквозная, из неё обильно текла кровь. Раненый был в полном сознании, не стонал, но по лицу текли слёзы. Варя принялась аккуратно стягивать гимнастёрку и одновременно утешала:

— Больно да, Боренька? Потерпи, милый, сейчас перевяжу, станет легче.

— Не плачь, Борис! — поддержал её и годившийся им в отцы пулемётчик Семён Прохоров. — Ты настоящий мужик! Терпи...

— Да не от боли я плачу, — тихо отвечал раненый. — Это у меня пятое ранение, бывало и большее. От радости слёзы текут, наверное! Война к концу идёт! Неужто живым останусь?

— Обязательно останешься. Терпи, сейчас я тебе рану обработаю, чтобы не загноилась.

Борис смотрел на медсестру с теплотой и нежностью. Всё-таки, когда делает перевязку девушка, боль переносится легче. Вроде бы как-то стыдно проявлять слабость перед слабым полом. Хотя какой он «слабый»? Вон, какую войну и в тылу, и здесь на передовой тащат.

— Варя, меня, наверное, отправят в тыл. Пришлю адрес, напишешь мне?

— Обязательно напишу, Боренька.

Варя споро принялась за перевязку. Она была старше Бориса на два года. Эта хохотушка и оптимистка ему сильно нравилась. Он и сам обладал хорошим чувством юмора. Несмотря на молодость, был прекрасным рассказчиком. В часы затишья мог так изложить какой-нибудь рассказ Чехова, что сослуживцы катались от смеха.

Варвара тоже поглядывала на молодого помкомвзвода с интересом, но между ними так ничего и не возникло. Соперником у него был не кто-нибудь, а ротный. Старший лейтенант Бобров очень ревниво оберегал девушку от любых поползновений со стороны подчинённых.

Он и прибежал в самый разгар перевязки и, невзирая на ранение, потребовал немедленного доклада.

— Что у вас тут за стрельба, помкомвзвода?

Борис не стал ничего скрывать. Бобров не дослушал до конца и пустился в крик:

— Ты что, мать твою...?! За самовольную вылазку тебя не в госпиталь надо, а под трибунал! Яблочек они захотели. Я сам два дня не ел и, ничего, терплю.

— Да не орите вы, товарищ старший лейтенант. Мы вместе с яблочками языка притащили! С Иваном в траншее сидит. Покладистый, всё, что знает, расскажет...

— Так что ж ты о главном молчишь?! — Бобров выскочил из блиндажа и через некоторое время заскочил обратно. — Я в штаб полка. Боря, не вздумай никому ляпнуть, что вы за яблоками полезли. Говори — я приказал. Сошлюсь на приказ комдива: использовать любую возможность для взятия языка. И предупреди всех своих!

Возле выхода ротный внезапно остановился и закончил инструктаж.

— Да, яблоки разделить на всю роту! Иначе нажрётесь на голодный желудок и обгадите все траншеи.

Чуть позже, когда раненые уже были подготовлены к отправке в медсанбат, Бобров вернулся и похвалил Бориса.

— Молодец! Вовремя притащил языка. Теперь командование знает, кто против нас стоит.

Мысли Бориса были уже далеко от родного полка. По ране чувствовал: его отправят в тыловой госпиталь. Но природное любопытство заставило задать вопрос:

— Скажите кто, если это не страшная военная тайна.

— Да нет, чего тут скрывать. Часть из-под Таллина. Остатки оперативной группы «Нарва». Эстонию освободили, а эти из-под удара Третьего Прибалтийского успели удрать сюда. Так что нам придётся прогрызть их оборону. А может, перекинут на новое направление. Решение будут принимать наверху.

— Для солдата всё равно. Хрен редьки не слаще...

— Это точно. Ты давай лечись. Обязательно представлю тебя к ордену и ребят не обижу. Воюешь хорошо, и языка очень нужного приловок. Комбат и командир полка не против. А то бегаешь всю войну с одной медалью.

Борис скептически ухмыльнулся:

— Мне уже столько раз обещали и столько же раз забывали... Так что отношусь к этому спокойно. Главное — дело своё делал и шанс получил живым остаться.

*

Ранение у Бориса оказалось тяжёлым, и его отправили в тыловой госпиталь в Калинин. Варя не обманула, и за четыре месяца до окончания войны он получил от неё письмо.

Их тогда сразу перебросили на Мемельское направление. Наступление было успешным, вышли к Балтийскому морю и всю немецкую группу «Север» отрезали от Восточной Пруссии. Варя передавала привет от Ивана и других знакомых однополчан. В самом конце сообщала печальную весть. Под Мемелем, буквально через три недели после их вылазки за яблоками, погиб ротный, старший лейтенант Бобров.

Мысль о том, что и на этот раз он остался без ордена, заглушили боль и сожаление. Не стало ещё одного ровесника, хорошего парня и настоящего командира. С ним Бориса связывали не просто совместная служба, отношения подчинённого и начальника, а нечто большее, имя которому — боевое братство.

Больше писем от Вари он не получал. Уже позднее, случайно встретив однополчанина, узнал: Варя завершила войну благополучно. Вышла замуж за офицера и уехала с ним на Дальний Восток.

Борис, пока лежал в госпитале, тоже времени не терял. Познакомился с симпатичной санитаркой Тоней. Антонина была его ровесницей. В действующей армии не воевала, но пороху понюхала. В срок первом восемнадцатилетней девчонкой работала на устройстве оборонительного рубежа перед городом. Отрывали противотанковые рвы, траншеи и ходы сообщений. Под ежедневными обстрелами и бомбёжками с самолётов, ночуя на сырой земле без тёплой обуви и одежды, она чудом выжила в этот страшный период. А после освобождения Калинина — непрерывная работа по уходу за ранеными в госпитале. Сколько страданий, горя, окровавленных бинтов за годы войны ей пришлось увидеть. На её глазах мучились, часто превращались в инвалидов или умирали от тяжёлых ран молодые и старые, мужчины и женщины. Всё это ложилось тяжким грузом на неокрепшую психику молодой девчонки. В её возрасте самое время влюбляться в парней и всюо душой любить. Она не могла этого себе позволить. К мужчинам относилась абстрагировано, как к тяжело больным пациентам. Как к людям, которые завтра должны вернуться на фронт и умереть для того, чтобы не умерла их общая Родина.

И только когда поваяло мирной жизнью, встретив Бориса, она оттаяла и впервые увидела в раненом молодого красивого парня. У них случилось то, что называют большой любовью. Незадолго до Победы Бориса комиссовали. Он уехал в родную деревню на Урал, а после окончания войны забрал туда же и Антонину. Она родила ему троих детей, которых они вырастили и выучили. Солдат с израненным телом, но сильный духом, так же добросовестно работал, как и воевал.

Однако дожить до пенсии у Бориса не получилось. Война напомнила о себе через тридцать лет. На ноге, где мышцы были вырваны крупным осколком почти до кости, возникла опухоль — острая саркома.

Измождённый неизлечимой болезнью, лежал он, уже не вставая с кровати, когда приехал военком. Вручил заплутавший где-то орден «Красной Звезды», который нашёл наконец своего солдата.

Борис взял орден в руки. Его лицо, суровое от постоянной боли, отмякло. В глазах загорелся живой огонёк.

— Ты смотри, успел всё-таки написать представление... Ай да ротный! Настоящий мужик! — тихо произнёс он.

— Борис Ильич, не обижайтесь, что орден искал вас так долго! — с виноватой интонацией заговорил военком. — Сами знаете, во время войны всякое было. Затерялся где-то вместе с бумагами, пока кто-то случайно не обнаружил.

— Да нет, что вы, разве в ордене дело? Я получил главную награду — жизнь, поэтому на судьбу не в обиде. С моими ранениями дожить до пятидесяти — это от судьбы подарок. Вон сколько моих друзей и ровесников с орденами и без по всей Европе лежит. А мне суждено было выжить. Тот парень, который представил меня к ордену, похоронен в братской могиле под Мемелем. А ведь он мой ровесник. Ушёл, не оставив потомков... А у нас с Тоней, — кивнул он на жену, — трое детей и уже двое внуков.

— Вот и хорошо, — торопливо заговорил военком, — вы не теряйте надежды и обязательно поправляйтесь!

— Попробую, — с едва заметной улыбкой ответил Борис, — надежда умирает последней...

Через две недели Бориса не стало.

Проститься с фронтовиком пришла вся деревня. Он лежал в тёмном костюме, на котором виднелись только две боевые награды. Прошедшая всю войну и потемневшая от времени и окопной пыли медаль «За отвагу». И не «нюхавший порошу», новенький, чистый орден.

Антонина глядела на измученное болезнью, исхудавшее лицо мужа и сквозь душившие её слёзы говорила приехавшим на похороны детям:

— Смотрите, дети... Какой он красивый, наш папка! Настоящий герой!

Нефронтвые 100 грамм

*«От героев былых времён
Не осталось порой имён...»
Из песни. Кинофильм «Офицеры»*

23 августа в ходе Курильской десантной операции Северные острова Курильской гряды были освобождены после ожесточённых боёв с японцами. Командующий японской группировкой Фусаки Цзүцүми принял условия капитуляции, отвёл войска в пункты для сдачи в плен и сдался сам.

Словно вихрь, ворвался в расположение сияющий, как начищенный корабельный колокол, вечно ищущий приключений на свою задницу Лёшка Драчёв. Принёс от радистов весть и две фляжки спирта.

— Мужики, победа! Курилы наши! Япония капитулирует! Пьём за победу! Разведчики притащили канистру спирта, я у них немного разжился.

Настроение у всех было приподнятым. И эта война наконец-то закончилась. Алексей разлил спирт по кружкам. Все с энтузиазмом их расхватали, только Николай, как обычно, остался в стороне.

— Не приставайте, парни, знаете ведь: не пью я. Вера не позволя-ет, и отец не велит.

Уговаривать кинулись все. Особенно бурно напирал холерик по натуре Лёшка.

— Да ты что, Николай?! Такой повод, и не пригубить?! Штабные с утра пьют, а нам — сам бог велел. Ты понимаешь, живыми из первой волны десанта на Парамушире только мы остались! Нельзя не отметить победу и ребят погибших не помянуть!

Лёшка — выпивоха ещё тот, кого угодно в собутыльники уговорит. Из детдомовских, к спиртному пристрастился с юности. Николая поддержал только Семён Веригин.

— Опять какую-нибудь тормозуху притащил? — подозрительно глядя на фляжки со спиртом проворчал он. У всех на памяти был зимний эпизод, когда Лёшка взялся «добывать» спирт из тормозной жидкости. Ославились тогда на всю бригаду. Тормозная жидкость состояла из двух компонентов: этилового спирта и касторового масла. Лёшка лил её на морозе на верхнюю часть лома. Касторка замерзала и оставалась на ломе, а спирт стекал в кружку. Опыт удался, выпили на славу. В прямом смысле этого слова, потому как прославились. Видимо, какая-то часть масла всё же осталась и сработала как слабительное. В сортир образовалась очередь.

Под нажимом друзей-сослуживцев Николай сдался, за Победу выпил, но больше, сколько его ни уговаривали, пить не стал. По общему признанию, спирт был препротивным, однако после первой — колом, вторая — всегда соколом. Друзья повторили, потом добавили...

Николай, совсем непьющий, сразу опьянел, сел в сторонке и принялся мечтать, как приедет живым и здоровым в родную деревню Ивановку, расположенную на самом краю Свердловской области. Как будут его встречать родители, сёстры и вернувшийся с Отечественной войны покалеченным и израненным младший брат Борис. Вспоминал родные места. Родительский дом на берегу реки Ницы. Большие озёра: Монашенское, Зырянское, Чёрное. Озёра образовались после того, как река пробила себе новую дорогу к реке Туре. Рощу с бело-

ствольными берёзами в полукилометре от дома, в которую так любили бегать деревенские пацаны. Особенно летом, когда созревали малина, дикая клубника и костяника. После революции лес стал общественным, но называли этот березняк по-прежнему Барская роща. Вспоминал земляков. Знакомую со школьных лет девчонку, провожавшую его в армию. Ждёт ли она его? Друзей-ровесников, многих из них забрала война. Здесь, на самом краю государства российского, все, даже бывшие недруги, казались ему родными и милыми. Шутка-ли, с сорокового года не был в родном краю. Всё это время восточная группировка сдерживала от вторжения Квантунскую армию. Когда вступили в войну, освобождали Маньчжурию, Сахалин, Курильские острова. Не только японскими пулями и снарядами отмечены эти годы, но и лишениями. Всё гнали на западный фронт, чтобы сломить хребет главному фашисту. Части восточной армии жили тяжело. Снабжали их по остаточному принципу. Мёрзли, недоедали. По сути, каждый нёс службу за двоих. Не роптали. Понимали: так надо для страны. Там, на западе, решается их общая судьба.

Николай, углубившись в мечты, задремал, а сослуживцы всё праздновали победу. К ночи всё стихло. Утром проснулись не все, а тех, которые проснулись, ждали жуткие мучения. Спирт оказался метиловым. Николай выпил немного и умирал в медчасти. Умирал долго и мучительно. Пока был жив, как заклинание повторял: «Господи, помоги! Если выживу, никогда больше в рот не возьму даже капли спиртного». Заклинание не помогло. На третий день отказались работать почки и он умер от общего отравления организма.

Командование, как и полагается в чрезвычайных случаях, провело расследование. Особист майор Мерзляков радостно потирал руки и рыл землю. Для него война с Японией прошла на удивление спокойно, а тут появился шанс показать усердие и принципиальность. Вышедший ещё в мае приказ обязывал строго карать не только самих нарушителей (их уже Бог наказал), а и всех командиров, проявивших халатность в службе и допустивших эту пьянку. В том числе — начальника медицинской службы, не проверившего спирт. Мерзляков провёл расследование в точном соответствии с приказом. Он рассматривал это дело как прямой подрыв боевой готовности армии. Умерших отнесли в графу «Небоевые потери», и все, кто допустил это, были признаны виновными. Отдали под суд начмеда и командира подразделения. Не было поблажки и мёртвым. Они были признаны главными виновниками происшествия. Оформленные на них наградные документы были в срочном порядке отозваны.

Майор Мерзляков свой долг перед государством ревностно выполнил.

По его выводам добросовестно боровшиеся с врагом солдаты и офицеры в одночасье были переквалифицированы в людей, недостойных воинских почестей и славы. Николаю и его товарищам не нашлось места в истории. Нет Николая в списках солдат, вернувшихся с войны, нет его и в Книге памяти милой его сердцу Свердловской области. Из-за войны он не успел жениться и завести семью, потому не оставил потомков. Получилось: и не жил, и не воевал.

Родные и близкие рассчитывать на какую-то особую справедливость не могли. Что в этой ситуации они могли сделать? Пока были живы, хранили память о Николае, жалели его. Больше всех переживал выживший на войне с Германией Борис. Фронтовик, воевавший всю войну на передовой, он воспринимал девиз «Никто не забыт, и ничто не забыто» как штамп пропаганды. Несколько раз ездил в военкомат, где пытался доказывать окопную правду не нюхавшим пороху людям. Он задавал вопросы:

— Как можно лишить почестей и славы человека только за то, что он единожды нарушил дисциплину, расплатившись за этот проступок своей жизнью? Разве справедливо это по отношению к солдату, выполнившему свой долг перед страной?

В ответ разводили руками:

— К сожалению, мы ничего не можем сделать.

Съездил в райком партии.

— Вы реабилитируете репрессированных, неужели нельзя вернуть доброе имя солдату, вся вина которого в том, что он «неправильно» отпраздновал Победу и выпил кружку спирта? Потомки обязаны жизнью этому солдату, а его, как какого-нибудь перебежчика-предателя, вычеркнули из памяти...

Но вразумительного ответа на свой вопрос не получил.

Ничего не добившись, Борис перестал обивать пороги власти, однако обида за брата у фронтовика осталась. Вспоминая Николая, он часто приходил в негодование и вёл заочный спор с принципиальными, озабоченными патриотизмом «судьями».

— Что значит: умер не так, как надо на войне? Помнить надо не только саму Победу, но и всех тех, кто её приближал. Кто, кроме Бога, может определить: правильно или неправильно погиб или умер солдат?

Но общество его доводов и его боли не слышало. В память о старшем брате своего первенца Борис назвал его именем.

ЦИКЛ РАССКАЗОВ «ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК»

Щебетухин

*Народная мудрость гласит: счастлив тот дом, где поселились ласточки.
Обижать доверчивых птиц нельзя не только по совести, но и по закону.*

Однажды во дворе нашего дома разыгралась трагедия. Ласточки под крышей дровяника начали лепить гнездо. Глава молодой семьи сел на землю, чтобы взять в клювик строительный материал, и попал в беду. Видно, совсем ещё молод был и неопытен. Лениво дремавший в траве кот Маркиз мгновенно преобразился, совершил резкий прыжок, схватил птичку в зубы и понёс добычу под навес. Увидевшая беду подружка принялась летать над котом. Она носилась над ним, почти задевая его крылышками, привлекала к себе внимание и как бы упрашивала: «Отпусти!» Но котяра был неумолим. Он был сыт, ленив, но охотничий инстинкт не позволял выпустить из зубов жертву.

Пришлось вмешаться мне.

Кот полностью доверял хозяину и подпустил к себе. Я отобрал у него птичку. К счастью, он не сильно помял ласточку, но, видимо, от испуга и шока она не могла взлететь. Маленькая, лёгонькая лежала в ладонях и испуганно глядела на меня глазками-бусинками, как на новую, ещё более крупную, чем кот, опасность.

Это была мужская особь, относящаяся к разновидности деревенских ласточек, с красно-коричневой грудкой. Я посадил его в небольшой ящик, прикрыл стеклом и поместил в притемнённое место в подвале. Он вёл себя тихо. Сидел без движения в уголке ящика, постепенно успокаивался и приходил в чувство.

На другое утро я взял его в руки и вынес на улицу. Едва разжал ладонь, как он громко пискнул и улетел.

Ласточки — птички ласковые и доверчивые. В отличие от чёрного стрижа, к человеку расположены. Не прошло и полчаса, как он вернулся вдвоём с подружкой. Парочка села в двух метрах от меня на проволоку, натянутую для пса по кличке Малыш. Подружка просто смотрела, а спасённый без умолку что-то щебетал. Наверное, благодарил за помощь. После того, как он высказал на своём языке всё, что хотел сказать, улетели по своим делам.

С тех пор он каждый день прилетал ко мне, садился поблизости на проволоку или уголок крыши и, щебеча без умолку, рассказывал свои

птичьих новости. За это ласковое щебетание мы с женой прозвали его Щebetухин.

Ласточки слепили под навесом дровяника гнездо, подружка села на яйца, но высидеть потомство не получилось. Как-то утром я увидел их вдвоём, печально сидевших на проводе. Зашёл в дровяник. Растерзанное гнездо валялось на земле. Разорить недоступное для кошек гнездо могла только сорока-воровка. Воровать у птичьей мелкоты яйца и даже птенцов в этот период — у сорок любимое занятие. Они тоже выкармливают потомство.

Мы думали: пара улетит подальше от нашего дома и от опасности, но оказались неправы. Ласточки погоревали день и принялись искать для гнезда новое место. Нашли открытую форточку, залетели на чердак и начали строить под самым коньком крыши новое гнёздышко. Там было тепло и безопасно. Сороки туда не залетали. Форточку при сильном ветре мы обычно закрывали, а теперь пришлось пойти Щebetухину навстречу и держать её открытой постоянно.

Под крышей все планы у ласточек сбылись. Слепили гнездо, высидели птенцов и принялись их выкармливать. Теперь Щebetухин прилетал «поговорить» гораздо реже. Занят был сильно.

Прошло некоторое время, и однажды я увидел усевшихся на нижнем краю форточки пятерых птенцов. Ластыята сидели неподвижно, как истуканчики, лишь маленькие глазки резво бегали, реагируя на пролетающих мимо мух. Но хватать мух они пока не решались. Предпочитали ждать родителей; как только те подлетали, открывали рты и начинали слегка помахать крылышками:

— Вот он, я! Меня кормите, меня!

Прошло ещё несколько дней, и мне довелось увидеть их первый облёт. Молодые ластыята облетели вокруг дома. Те, которые были послабее, быстро устали, сели на провод отдохнуть. Более сильные сделали несколько кругов. После первой тренировки залетели обратно на чердак.

С этого дня их полёты стали повторяться, и скоро семья вылетела на облёт дружно всем выводком. Ах, как резво и бестолково кружили в хороводе они вокруг дома! Как переживали за них и носились в этом птичьем рое родители! Как громко, истошно и тревожно пищал Щebetухин, предупреждая детей о любой опасности!

Когда птенцы немного окрепли, родители стали увлекать их подальше от дома, заманивая ввысь и в даль. Пришло время учить потомство ловить мошек и спастись от внезапной опасности в виде ястребка или другой хищной птицы.

Учёба продолжалась до конца августа. К сентябрю выводок улетел в общую деревенскую стаю, а потом все вместе они подались на юг вслед за уходящим из родных краёв теплом.

Пришла новая весна. Я работал во дворе и вдруг увидел первых ласточек. Две птички пролетели мимо, сделали облёт вокруг дома и сели возле меня всё на тот же трос. Одна подсела совсем рядом и очень знакомо защебетала.

— Щебетухин, ты вернулся! Как я рад тебя видеть! Прилетел самым первым, чтобы никто не занял твоё место?

В ответ — ещё более бурное щебетание. Он был рад, что вернулся на родину, рад встрече и, захлёбываясь от этой радости, восторженно рассказывал о тяжёлом перелёте, о трудной зимовке на чужбине и ещё более трудном возвращении к месту, где родился и где вырастил своих первых птенцов.

Но прошёл день, и настроение Щебетухина резко изменилось. Он прилетел на пасеку, где мы с женой работали, и начал атаковать, едва не задевая нас крыльями. При этом время от времени издавал писк — не резкий, тревожный, а требовательный и повелительный. Я не мог понять, отчего у ласковой, доброй птички такая агрессивность.

— Что ты от меня хочешь, Щебетухин?

Он полетел в сторону дома, облетел его и снова подлетел к нам, мельгеша перед глазами и издавая громкий повелительный писк.

— Да он же требует открыть форточку на чердак! — осенило жену. — Помнит, где у него гнездо! Целый час нападал на меня, пока ты ходил в деревню, а я только сейчас сообразила, что ему надо.

Форточка и в самом деле была закрыта. Пришлось лезть на чердак. Щебетухин с подружкой всё моментально поняли. Едва я открыл створку, как птички стремительно влетели с улицы, уселись на жёрдочку под старым гнездом, и Щебетухин, разливаясь в благодарностях, умиротворённо защебетал:

— Ну вот! Совсем другое дело. А то закрыл, понимаешь, доступ к гнезду, горе-хозяин. Не бойся, долг за аренду чердака верну с лихвой. Июньскую мошкарку вам тут поубавлю.

И всё повторилось, как и год назад. Ласточки слепили гнездо. Высидели и вырастили птенцов, а после того, как дети облетались, улетели в общую стаю, поближе к деревенскому пруду.

В начале осени, когда пришла пора холодных ночей, вся деревенская стая прилетела к дому. Почти полсотни птичек парадным строем расселись на проводах, а одна отделилась от них, подлетела ко мне и уселась на расстоянии вытянутой руки. Это был Щебетухин.

Он прилетел попрощаться. Щебетал, делясь своими птичьими планами, и обещал обязательно вернуться.

В добрый путь, Щебетухин! Счастливого перелёта! Возвращайся весной вместе с детьми! Мы будем ждать!

Но он не вернулся. Наверное, погиб где-то, защищая свою стаю от ястреба. Прилетели его дети. Жизнь продолжалась, но никто больше не прилетал ко мне поделиться радостью и птичьими новостями...

Вороны

Мне показалось странным, когда на огромном тополе, что растёт позади нашего дома, вороны, как какие-нибудь аисты или грачи, свили своё гнездо. До этого я не видел, чтобы ворона обыкновенная жила рядом с человеком, и всерьёз забеспокоился. Кур они, конечно, не тронут, а вот цыплята могут стать объектом их нападения. Тем более что и на кур, и на цыплят уже объявился охотник. Ястреб-тетеревятник начал разбойничать, как только куры вышли на вольный выпас, и уже утащил двух несушек. По этой причине я всегда держал наготове ружьё.

Однако последовавшие за этим события меня успокоили. Вороны не только не нападали на кур, а помогали им. В отличие от канюка, тетеревятник не парит в воздухе, выискивая добычу. Прилетает низом, садится на дерево или куст, маскируясь среди листвы, и выжидает. Куры не видят его на дереве, теряют бдительность, и самая беспечная из них становится его добычей.

Совсем иное дело вороны. Старые опытные птицы прекрасно видят хищника, как бы он ни маскировался. Мало того, как только тетеревятник прилетает, они немедля поднимают шум тревожным «Кар! Кар! Кар!»

Куры очень быстро научились распознавать эти сигналы опасности. Особенно хорошо понимал их предводитель куриной стаи. Едва вороны начинали тревожно каркать, петух тут же «включал» свой сигнал тревоги, и куры со всех ног удирали под навес дровяника. Что интересно, они прекрасно распознавали интонацию. На обычное карканье не реагировали и продолжали как ни в чём не бывало работать лапами, выискивая подножный корм.

Совсем сменил своё отношение к воронам я после происшествия с цыплятами. Для того, чтобы цыплята не стали добычей коршуна, я сбил для них деревянный каркас, который накрыл сеткой. Каркас с

сеткой регулярно переносил на новое место с зелёной травкой, чтобы куриное потомство могло искать себе подножный корм.

Однажды во время послеобеденного отдыха прилёг в доме с книгой. Зачитался. Вдруг от книги меня оторвал ворон. Он сел на створку открытой наружу форточки и громко закаркал: «Кар! Кар! Кар!» Явно предупреждал: «Непорядок в твоём королевстве, хозяин! Беспредел творится!»

Бывало, и не раз, на форточку в поисках мух садилась синица. Даже сорока однажды прилетала. Но чтобы ворон! Значит, во дворе действительно происходит что-то из ряда вон выходящее.

Я схватил ружьё и выбежал из дома. В каркасе, где гуляла куриная молодь, истошно орал цыплёнок. В воздухе метались и подавали тревожные сигналы ласточки. Сразу стала понятной и причина этой тревоги. Рядом с «цыплятником» сидел здоровенный тетеревиатник. Он просунул в щель между землёй и каркасом клюв, ухватил цыплёнка за крыло и пытался протащить того через щель. Ястреб так был увлечён, что заметил меня слишком поздно. Я подбежал метров на десять. Он бросил цыплёнка, взлетел и сам стал добычей охотника. С такого расстояния промазать я не мог.

В этом случае получилось, что вороны не только предупредили об опасности кур, но и информировали непосредственно хозяина. Ворон прилетел и сел на форточку именно той комнаты, где я отдыхал.

После ликвидации распоясавшегося тетеревиатника куры и цыплята гуляли без страха. Спокойнее стало и воронам, у которых из гнезда уже торчали головы двух воронят. Теперь вороны гнали подальше от гнезда всех птиц, прежде всего — сорок, которые вечно вертятся вокруг жилья человека в поисках того, что плохо лежит.

Воронята быстро подросли, начали вылетать из гнезда. Они не боялись человека и садились то на крышу дома, то на дровяник или баню. Куры и подросшие цыплята при виде их сначала шарахались, как от ястреба. Но скоро привыкли.

Воронята, очевидно, были разными по полу. Один — большой и толстый, другая — меньше и тоньше. Что интересно, они воспринимали человека и его жилище как защиту.

Однажды, когда родители улетели искать корм, а воронята поджидали их, сидя на коньке дровяника, в небе появился парящий канюк. Петух немедленно поднял тревогу. Куры бросились под навес, а воронята среагировали по-разному. Толстый тоже залетел под навес и уселся на поленницу, а его сестра полетела прямо ко мне и нырнула вглубь лиственницы, которая растёт на пасеке и возле которой

я работал. Как эта молодая ворона поняла, что человек её защитит?

Время шло, и воронята стали улетать вместе с родителями на поиски корма. Не забыли и мой участок. Как-то я обнаружил их семейство в огороде, где среди картошки росли подсолнухи. Все четверо сидели на подсолнухах и мирно клевали семечки. Старший ворон поглядывал на меня, оценивая мою реакцию, но сигнала «на взлёт» не подавал. Он как бы хотел сказать: «Не сердись, хозяин! За добро надо платить добром. Не зря же мы всё лето в твоём хозяйстве охранника-ми работали!»

Я не стал шуметь и потихоньку ушёл. Бог с ними, с семечками. Не стоит из-за пустяков терять дружбу с теми, кто тебе доверяет.

Понял и причину лояльности ворон к человеку. Не раз наблюдал в поле, как ястреб несёт в когтях молодого воронёнка, а за ним летит стая обиженных и бессильных помешать этому ворон. Поля заросли, больше стало дикой птицы. Увеличилось и количество пернатых хищников, которые обожают охотиться на птичью молодь. Чтобы не остаться совсем без потомства, и ищут вороны защиту у человека.

Проклятие старушки

Пока дождался главврача, сидел в приёмной и стал невольным слушателем грустной, поучительной истории. Рассказывала симпатичная молодая женщина, которую звали Ольга. Две других слушали её и, как могли, успокаивали.

Ольга с мужем возвращались в Москву. Родион был опытным водителем и гнал «форд», не обращая внимания на правила и знаки. Он был фанатично убеждён: лучше раз — другой заплатить штраф или «отступные» гаишнику, чем тащиться, как «беременная коза».

Настроение у мужа было скверное. В последнее время пристрастился пить, и каждый раз, когда не удавалось опохмелиться, становился злым и раздражительным. В пути они почти не разговаривали. Ольга понимала: в таком состоянии его лучше не трогать.

Проезжая какую-то деревушку, перед которой стоял знак «40», Родион лишь сбросил скорость до ста километров. А увидев серого кота на обочине, добавил газу и вильнул в его сторону.

— Стой!!! Останови машину! — истошно завопила Ольга.

Родион от неожиданности что есть силы давил на тормоза. Но даже их визг не заглушил крик Ольги.

— Ты растоптал кота!!!

— Ну и чёрт с ним! Пусть не шляется по дороге! — злобно бросил муж в ответ.

Ольга выскочила из машины и побежала к раздавленному коту.

— Куда поёрлась, дура?! Едем дальше! — он выскочил следом и кинулся за женой.

Откуда ни возьмись появилась старушка.

— Убил, убил! — заголосила она. — Что ты наделал, ирод?! Зачем раздавил моего котика?!

Колесо машины переехало коту заднюю часть. Кот был ещё жив и, цепляясь передними лапами, в агонии полз в сторону хозяйки, волоча задние ноги и выпущенные кишки.

— Не скули, бабка! — грубо оборвал причитания старушки Родион. — Так твоему коту и надо! Пусть не шляется по дорогам, а ловит мышей в своём амбаре!

Старушка от его наглости опешила.

— Так он же кот! Знак «40» не для него повесили, а для тебя, умного и грамотного... А ты гонишь по деревне сто двадцать... Тут ведь и ребятишки бегают. А Васька — мой единственный ребёнок. Только он и остался...

Она заплакала, нагнулась и погладила остывающую голову кота.

— Васенька мой... Сгубил тебя паразит окаянный...

— Ладно, не разводи мокроту, — «утешил» её «паразит окаянный». — На вот тебе триста рублей, купишь себе другого котёнка. Ещё и на бутылку останется, справишь поминки по своему Васеньке. — На его мужика промелькнула злобная улыбка. — Тебе и самой-то уж немного осталось...

Его цинизм больно задел старую женщину. Она перестала плакать, взглянула обидчику в лицо и тихо, но твёрдо произнесла:

— Не нужны мне твои деньги, поганец. Я ведь думала: ты задавил кота случайно... Теперь вижу, что нет. Будь ты проклят! Чтоб тебе всю жизнь таскать свои ноги, как моему коту!..

Потрясённая произошедшим, Ольга стояла молча. Она не могла решиться, кого поддержать. Ей было жалко кота и эту бабку, но и муж был не чужим человеком. При последних словах старушки, увидев в её глазах злость, всё же встала на сторону родного мужа и потянула того к машине.

— Поехали отсюда, Родион... Ведьма она. С ней лучше не связываться.

Они сели в машину. Родион ударил по газам, чтобы побыстрее уехать от неприятного места.

Ехали и переругивались. Она корила его за раздавленного кота. Он отбивался:

— Да не скули ты! У кошек семь жизней. Если их не давить, расползутся по планете, как колорадский жук.

— А ты слышал, что пожелала тебе старуха?

— А... не обращай внимания на всякую перхоть. Знаешь, сколько котов я передавил за десять лет? И ничего...

Уже вечером под Самарой попали в страшную аварию. Чудом остались живы, но Родиона увезли в больницу. На него пришёлся основной удар. Он выжил, однако обе ноги отняли выше колена.

Ольга заплакала.

— Теперь он всю оставшуюся жизнь будет таскать свои ноги-кулышки. Накаркала старая карга! Чтоб она сама сдохла, как её котик!

— Молодая ты ещё, — в разговор вступила пожилая женщина, чем-то похожая на старую сельскую учительницу. — Не старушка виновата в ваших бедах. Каждый человек зарабатывает свою карму сам. Совершенное человеком зло возвращается.

— Но я-то зло не совершала! А, получается, тоже наказана, — Ольга снова зарыдала.

— Ну и чё ты ревьёшь? — кинулась утешать её полная женщина лет сорока пяти. — Бросай его! Детей у вас нет. На фигу тебе безногий козёл, который кошек давит да ещё и пьёт? Нажрётся как-нибудь и тебя саму задавит...

— Нет, Тамара Григорьевна, люблю я его. В душе он добрый. Вспылчивый и раздражительный только сильно...

— А если любишь, значит, воспитывай, — снова заговорила пожилая. Говорила спокойно и убеждённо. — В жизни, как в пословице: что посеешь, то и пожнёшь. Похоже, твой только зло сеял. Бог его и наказал. Ему ноги отняли, чтобы не мог ездить и давить невинных зверюшек. Для Бога любая живая тварь важна. Вот он мужу твоему гордыню и поубавил. Но не убил ведь! Жить можно. Сколько таких людей на белом свете. Даже Олимпиада для них специальная проводится...

— Я это понимаю. Потому и не брошу его, — с решимостью ответила Ольга, — но, боюсь, не найдёт он себя в такой жизни... Сопьётся окончательно.

— А если сопьётся, значит дерьмо у тебя, а не мужик! — снова надела на неё та, которую звали Тамара Григорьевна. — Вот тогда смело уходи от него. С пьяницей не будешь счастлива никогда, по себе знаю. А ты ещё молода и найдёшь себе хорошую пару.

— Но это будет предательство! — молодая женщина разволновалась. — Как можно быть счастливым, предав человека?

— В этом ты не права, — возразила ей «учительница». — Совместное счастье не зависит только от одного человека. Оно должно быть обоюдным. Счастлив может быть только тот, кто умеет любить других. Если же он любит только себя, не познает счастье никогда. Много в мире состоятельных и сильных, которые так и не становятся счастливыми. Бог не даёт им счастья за гордыню и пренебрежение к другим. У твоего мужа сейчас появился выбор. Он может стать счастливым человеком, если изменит себя. А если не изменит, то именно он предаст и себя, и тебя.

Они ещё что-то говорили, но я перестал их слушать. У меня сформировалось сильное сомнение: вряд ли Ольга с Родионом будут счастливы. Не верю я в перерождение человека, в душу которого не заложено чувство любви и сострадания. Хотя, говорят, подобные факты в истории бывали.

Скворцы

Весна незаметно перешла в лето, и у скворцов наступила самая горячая пора. Скворчата подрастали, и, чтобы их прокормить, приходилось работать с восхода и до заката солнца.

Мать от работы так уставала, что вечером, едва добравшись до скворечника, засыпала раньше детей. Отец, налетавший за день, начисто забывал про свои утренние и вечерние песни. Всё было подчинено одной цели: приблизить день вылета из гнезда.

Наконец, день этот наступил, но прошёл он на этот раз не совсем гладко. Старшие брат и сестра вылетели сразу. Они сделали на ещё слабеньких крылышках круг и сели на крышу дома. Немного успокоились. Послушали, как кричат на раскидистой иве вылетевшие из соседних гнёзд скворчата, и, поощряемые отцом, полетели к ним.

Это была организованная взрослыми скворцами школа. Здесь скворчат подкармливали, показывали, как самостоятельно искать пропитание, спастись от кошки и ястреба и учили прочим птичьим премудростям, без знания которых в большом мире не проживёшь.

Третий, самый младший скворчонок, в школу лететь отказался. Он здраво рассудил, что жить в скворечнике тепло, уютно и безопасно. А корма, который будут добывать отец с матерью, ему хватит с излишком.

Мать попыталась уговорить его, но хитрый скворчонок притворился больным и хилым и жалобно запищал:

— Я ещё совсем слабый! Вы меня кормили хуже других. Умираю от дистрофии!

Матери стало его жаль, и она принесла ему червяка. Скворчонок стал кричать сильнее, так, чтобы его слышали другие скворцы:

— Помогите! Родители меня совсем не понимают. Не дают нормально расти и развиваться. Даже червяков и тех носят невкусных!

Мать испугалась огласки и полетела искать вкусного червяка. К уговорам подключились брат и сестра. Они прилетели из школы, сели на край скворечника и принялись с восхищением рассказывать о своих новых друзьях, о том, как самостоятельно нашли первых червяков и как ловко улетели в густой куст черёмухи от хищного ястреба.

Скворчонок выслушал их внимательно, но, как только речь зашла о ястребе, закричал:

— Не нужна мне ваша школа! Я и без неё проживу! Корма мать с отцом дадут, а в скворечнике мне никакой ястреб не страшен!

Неизвестно, чем бы все эти уговоры закончились, но в дело воспитания вмешался отец. Он отправил мать и детей в школу, строго-настрого запретив кормить скворчонка.

«Ладно, предки, я вам устрою весёлую жизнь!» — пригрозил про себя скворчонок и принялся орать во весь голос:

— Караул! Пропадаю с голоду! Родители нарушают права ребёнка!

Но все скворцы были заняты делом, и на молодого иждивенца никто не обращал внимания.

Так он проорал полдня, пока не охрип. Как только скворчонок замолчал, прилетел отец. Он помахал перед носом сына огромным жирным червяком. Скворчонок потянулся к еде, но отец отскочил. Кандидат в бездельники вывалился из гнезда, расправил крылья и полетел.

Так они и летели. Впереди отец с червяком. За ним скворчонок. Сделав над полем большой круг, сели на иву. Здесь отец отдал сыну червяка. Того сразу же окружили ученики-скворчата. Они увлекли скворчонка на луг, где он вместе со всеми принялся бегать в траве, самостоятельно выискивая корм. Скоро работа его так увлекла, что он совершенно забыл о своём намерении стать лодырем и тунеядцем и к осени превратился в сильного и ловкого скворца.

А вот у разумных людей не всегда получается так. Стало совершенно не модным причитать ребёнка к честному труду. Для сохранения

рода более важной задачей считается накопление для детей, внуков и правнуков огромного запаса денег, вещей и недвижимости.

Сердобольные родители не задумываются над тем, что не приученный к труду отпрыск не только не сможет чего-либо добиться в большой жизни, но и станет лёгкой добычей для людей-хищников. Особенно лакомым кусочком такие бездельники являются для наркодельцов. И если привыкшие жить одними развлечениями дети попадают в их лапы, то сохранить род не помогут никакие миллионы.

Куриный полководец

Мнение о том, что курица не птица, скорее всего, выдумка людей, наблюдавших за ними только в вольерах и клетках. Да, они не летают, но на воле их поведение мало чем отличается от других пернатых. Куры даже участвуют в «птичьих войнах».

Когда мы поселились в деревне, первым нашим желанием было завести кур. Взяли у односельчан свежих яиц от белой яйценокской породы и с помощью самодельного инкубатора вывели около двух десятков цыплят. Цыплята росли совсем ручными. Даже, когда подросли, полностью доверяли хозяевам и принимали нас за отца или мать родную. Стоило мне сесть, чтобы передохнуть от работы, как пернатые пристраивались рядышком или даже устраивались прямо на мне.

Но так было только в первое лето. На зиму мы оставили всех курочек и самого боевого петушка, который после зимовки стал полным хозяином своего гарема. Характер у него был «петушиный». Он не терпел конкурентов в принципе и даже к хозяевам, которые кормили и поили его стаю, испытывал сильное недоверие.

Пришла весна. Кур выпустили на волю. Ограждений возле дома в то время не было, и они гуляли, где хотели, переворачивая лапами листья, сухую траву, в которых выискивали червей, личинок и насекомых.

Вот здесь куриный предводитель показал себя в полной красе и силе. Он так рьяно охранял свой куриный отряд, что через месяц стал держать в страхе всю округу. Петушок не только выгнал со своей территории соседских петухов-соперников, но и застрашал кошек, собак и людей. Маленький, беленький, быстрый на расправу, он бесстрашно нападал на любого, кто оказывался поблизости от его кур. Надо сказать, его удар когтями действительно был сильным и внушал

страх. От него бежали все, кто хоть раз испытал его когти. Очень скоро с лёгкой руки приехавших из Москвы гостей к петушку пристало прозвище Суворов. Он, как и великий полководец, не терпел поражений. Пришёл (точнее, прибежал), увидел, победил — как раз про него.

Куриный полководец всегда был со своей стаей. Иногда сам искал подножный корм. Когда что-то находил, громко кокотал. Куры бросались к нему наперегонки. Каждая норовила первой схватить червяка, которого обнаружил предводитель.

Однако главную свою обязанность Суворов не забывал никогда. Он зорко оглядывал окрестности и, едва в поле его зрения возникал движущийся объект, на повышенной скорости летел к нему. Тут у субъекта нападения было только два выхода. Самый простой — бежать с поля боя. Так обычно делали кошки, собаки и даже поросята. При этом бежать надо было очень быстро. Это удавалось не всем. Обычно куриный предводитель догонял потенциального обидчика, с разбега наносил удар когтями, а потом ещё и бил крыльями.

А можно было замереть на месте и ждать, пока предводитель не убежит обратно к своей стае. Неподвижный объект Суворов не трогал, но сразу его не бросал. Обычно испытывал на прочность нервную систему. Ходил кругами, подозрительно косил на замершего истукана жёлтым глазом и выжидал, когда тот шевельнётся или панически побежит. Получалась игра — кто кого переждёт.

Если субъект нападения обладал хорошей выдержкой, у него был шанс дожидаться приемлемой развязки. Довольно часто спасали, например, лягушки. Когда кто-то называет главными любителями лягушек французов, это не совсем справедливо. Куры не меньше любят этот деликатес. Стоит какой-то из них поймать зазевавшегося лягушонка, как начинаются куриные бега. Счастливица удирает от других, пока самая резвая не догонит её и не отберёт добычу. После чего все переключаются на новую обладательницу богатства.

В такой момент куриный полководец забывал о своём противнике и со всех ног бежал к отряду, чтобы навести в нём порядок.

Кроме лягушек, выручал и другой движущийся объект. Если он появлялся, Суворов тут же оставлял замершего противника и устремлялся к двигающемуся. А воевать на два фронта даже и непобедимому полководцу трудно. Неподвижный сразу «отмирал» и спешил с поля боя ретироваться. Тому, который двигался, приходилось принимать удар на себя..

Одним словом, воинственный петушок всем без исключения, и хозяину, доставлял большие неудобства. Зато куры за этим предводи-

телем были как за каменной стеной, и стая гуляла там, где хотела. Излюбленное место — под ивами вдоль ручья, где они затеяли «войну» с дроздами, о чём пойдёт речь в следующем рассказе.

Как куры дроздов выжили

Все садоводы знают, насколько прожорливые эти птички — дрозды. Они считают, что ягоды и прочие плоды люди выращивают исключительно для них, любимых. Как только начинает поспевать земляника, они уже на грядках. Стригут ягоды своими клювами, как ножницами, так что хозяевам перепадает совсем чуть-чуть. Позднее переключаются на жимолость, иргу, облепиху, черёмуху, черноплодную рябину. Едят всё, на что глаз упадёт.

Вот и рядом с моим садом-пасекой поселились три семьи дроздов. На ивовых кустах вдоль ручья свили гнёзда, вывели птенцов, и к осени получилась целая стая. Прожорливая и мобильная, повадками напоминающая шайку разбойников. Во всяком случае, ягоды черноплодной рябины (обычно мы собирали два-три ведра) они успешно объели за две недели.

К зиме разбойники улетели ближе к городу. Там садов больше. Больше возможности и полакомиться. Но пришла новая весна, и стая вернулась. Теперь они свили около десятка гнёзд. Удобно. Вода и сад с ягодами под боком. В тени ивовых кустов прохладно. Человек отпугивает хищников. Есть возможность к осени увеличить стаю, как минимум, в три раза. А то, что люди останутся без урожая, их не очень-то и волнует. Для них главное — самим выжить.

Наверное, так бы и получилось, если бы в дело не вмешался куриный полководец со своим отрядом. Отряд провёл небольшую «победоносную войну».

Куры тоже облюбовали местность вдоль ручья. Во время зимовки им изрядно надоело зерно, и они усиленно искали корм повкуснее. Ежедневно гребли старые листья под ивами, выискивая букашек, личинок, червячков. Дрозды курам в этом не мешали: каждый занимался своими делами. Но идиллия продолжалась недолго.

Которую из кур однажды посетила захватническая идея — непонятно. Только в один удивительный момент, направляясь к ручью, я вдруг увидел сидящих на ивах кур. В воздухе, оглашая окрестности тревожным треском, носились дрозды, время от времени имитировавшие атаку на незваных гостей.

Поведение домашней птицы меня заинтересовало. Они что, перепутали ивы с насестом? Или решили отдохнуть на кустах?

В ходе наблюдения выяснилось: куры не просто лезут на ивы, чтобы отдохнуть на них, а целенаправленно прорываются к гнёздам дроздов, сгоняют с яиц хозяев и расклёвывают яйца. Лакомство им явно пришлось по душе, и работали они по какому-то известному только им плану. Как только заканчивали с одним гнездом, тут же передвигались к следующему и снова производили экспроприацию. Гнёзда они находили безошибочно и совершенно не боялись дроздов, которые пытались отогнать их с помощью воздушных атак и громкого, похожего на треск трещотки, шума. Куры сохраняли невозмутимое спокойствие и планомерно продолжали «зачистку».

Через два дня боевых действий дрозды были вынуждены отступить. Улетели за пределы деревни, метров на триста ниже по течению ручья. Подальше от Суворова и его войска. Здесь они снова начали вить гнёзда, несмотря на то, что проявил активность новый враг — сороки. Эти не только могли расклевать яйца, но и утащить на корм своим сорочатам беспомощного птенца. Однако этот противник был явно слабее Суворова и его флегматичных кур. Против сорок тактика совместной борьбы себя оправдала. Стоило кому-то вблизи гнёзд увидеть сороку, как стая поднималась в воздух и дружно отгоняла воровку прочь. Точно так же сообща отпугивали они и появлявшихся вблизи их поселения ястребов.

Птичьи войны закончились, как только птенцы стали на крыло. Дрозды вывели потомство. И хотя оно было не таким многочисленным, стая заметно увеличилась и снова принялась совершать набеги на окрестные сады и огороды. Тут уж куриный полководец садоводам ничем помочь не мог.

Однако в самом начале зимы популяция дроздов сильно сократилась. Беда поджидала их совсем с другой стороны. К этой напасти они оказались не готовы. Попеременные оттепели и холода привели к тому, что ягоды рябины и яблочки дикой яблони, которые дрозды подбирали в конце осени, сильно забродили. Не привыкшие к употреблению алкоголя птицы, наклевавшись ягод, «напивались вдрызг», засыпали где попало и гибли от ночных холодов.

Вот так, наблюдая за природой, видишь, что учение под названием «Дарвинизм» имеет под собой реальную основу. Выжили только те, которые сумели пережить нападение кур, отбились от сорок и ястребов и не отравились пьяной ягодой. Впереди у этих птиц зим-

ние морозы и весенний голод. А с приходом тепла снова нужно возвращаться на малую родину и выращивать потомство. Борьба за выживание не прекращается.

Стрижи-беспредельщики

Летом, наблюдая, как молнией носятся над землёй с резкими и звонкими криками стрижи, редко кто не умиляется. В полёте стрижи хороши. Не зря лучшая пилотажная группа в России так и называется — «Стрижи». Когда наблюдаешь за демонстрационными полётами, аналогия с полётом стрижей полная. Только вместо громких и резких криков тебя оглушает рёв реактивных двигателей.

Между тем сидящий стриж меньше всего похож на истребитель МиГ. Он, скорее, напоминает американский самолёт-невидимку. Чёрный, с острыми крыльями, короткими, но цепкими и когтистыми лапками и тёмными глазками-иллюминаторами, стриж производит отталкивающее впечатление. Не покидает ощущение: эту птичку создавала нечистая, тёмная сила.

После случая в начале лета негатива к стрижам у меня добавилось. Разумом понимаю: вся природа живёт по суровым законам выживания. Здесь нет места жалости и состраданию. Борьба за место под солнцем идёт непрерывно. Но порой она принимает такие формы, что становится не по себе.

Между скворцами и стрижами разгорелась война, в основу которой, как часто бывает и у людей, лёг «квартирный вопрос».

Скворцы прилетели раньше. Облюбовали два скворечника из трёх, и к моменту возвращения из тёплых краёв стрижей у них уже пищали, непрерывно требуя корма, скворчата.

Скворцы работали без устали. С утра и до поздней поры отыскивали и несли детям корм. Однако с прилётом стрижей спокойная жизнь кончилась.

Одна пара стрижей заняла пустующую «квартиру», остальные то и дело предпринимали попытки захватить скворечники, где вывели потомство скворцы. Те отреагировали на угрозу по-разному. Более опытный старый скворец перестал летать за кормом (детей кормила только скворчиха). Он непрерывно сидел на скворечнике, при полёте стрижей отпугивая их, махал крыльями и после того, как те отворачивали в сторону, взлетал и некоторое время преследовал. После чего возвращался и ждал очередной атаки.

А неопытная молодая пара к войне была не готова. Скворец и скворчиха по-прежнему летали за кормом, и гнездо часто оставалось без охраны.

Через пару дней обстановка изменилась. Из второго скворечника скворцы слетели. В первом картина была прежняя. Мать летала за кормом, отец сторожил гнездо. Скворец улетал за кормом только утром или вечером, когда не было полётов у стрижей или в скворечнике сидела мать. Так они и работали до той самой поры, пока скворчата не подросли и дружно, в один день, не вылетели из скворечника, присоединившись к крикливой стае молодняка.

От второго скворечника немного погодя пошёл запах. Решил осмотреть его. Когда открывал крышку, выпорхнула стрижиха. В гнезде лежали едва покрывшиеся пухом мёртвые скворчата. Сверху, на четырёх втоптаных в сено трупиках, лежало белое стрижиное яйцо. В отсутствии родителей стрижи ворвались в скворечник, задавили скворчат и готовились вывести своё потомство прямо на трупиках...

Эта картинка сидела в голове и вечером, когда смотрел по телевизору криминальные новости. Между тем, что совершили стрижи, и действиями представителей «человека разумного» нашёл много общего. Но так и не смог ответить на вопрос: «Почему?» Представители фауны учатся у человека или человек, несмотря на дарованный ему разум, так и не смог оторваться от своих звериных инстинктов?

Трутовки

На одной пасеке жила большая, трудолюбивая и дружная пчелиная семья. Жила она в достатке, хотя внешние условия не всегда благоприятствовали этому.

Были и дождливые годы, и засухи, и болезни. Случались даже моменты, когда семья подвергалась нападению агрессивных соседей, и только дружная совместная защита спасала их дом от разорения.

Руководила семьёй Мать. По понятиям людей, у пчёл — матриархат. Так уж у них устроено, что руководит самая сильная, умная и справедливая пчела. Она не только организует труд и совместную защиту, но и заботится о потомстве и воспроизводит в необходимом количестве особей мужского и женского пола.

Но всё в жизни проходит. Пришло время, и Мать состарилась. И страшного в этом ничего не было. Ибо на смену старой матери

пчёлы обычно выращивают молодую, обладающую всеми способностями и качествами, необходимыми для главы семьи.

Однако на этот раз всё получилось иначе. И виной тому было несколько пчёл, решивших круто изменить жизнь семьи.

Летая за нектаром, они подсмотрели, что другие виды насекомых и животных живут не так, как пчёлы. И эта жизнь им понравилась больше. Поэтому, как только Мать занемогла, они бросили работу, собрались в середине улья и устроили митинг.

— Хватит, — кричали одни, — доколь можно терпеть этот тоталитаризм! (Слова-то какие. И где только подцепили. Не иначе, как на соседней пасеке).

— Пора кончать с этим централизованным планированием и управлением! — вторили им другие. — Даёшь свободу и демократию!

— Как это так? — кричали третьи, — Мать уравнила всех пчёл. А ведь мы все разные. Среди нас есть такие, у кого хоботок длиннее, чем у других! Так почему они должны получать мёда столько же, сколько и остальные?

Надо сказать, что у пчёл система жизни действительно похожа на тоталитарную. Полное единоначалие и централизованное управление. Все запасы мёда, перги и прочих продуктов общественные. Среди пчёл нет паразитов. Трудятся все до единой, и, что самое удивительное, каждая получает ровно столько, сколько ей нужно для нормальной жизни. При этом никто не создаёт никаких личных запасов.

Недовольные такой жизнью пчёлы митинговали долго. И как только Мать умерла, они взялись руководить семьёй сами. Хотя и не обладали необходимыми для этого знаниями, умением и мудростью.

Ну а что же остальные рабочие пчёлы? Они понимали: без руководства жить нельзя. И коль нет у них мудрой и заботливой Матери, что ж, пусть правят эти. Да и раздумывать им было некогда. Нужно было работать.

И новые правительницы принялись устанавливать свои порядки. Теперь правительницы питались по высшему разряду. В их распоряжении были не только лучший мёд и перга, но и очень дефицитное маточное молочко.

Полностью обеспечив себя, они принялись воспроизводить потомство. Количество их детей росло не по дням, а по часам. Но вот загвоздка. Среди этого потомства совершенно не было рабочих пчёл. На свет появлялись исключительно трутни, которые активно поедали мёд и пергу, не принося семье никакой пользы.

А рабочие пчёлы всё так же трудились изо дня в день, и число их всё время сокращалось. Сокращались и кормовые запасы семьи. Но довольные своим правлением пчёлы-трутовки ничего не замечали.

И пришло время, когда улей до отказа заполнился бесполезными трутнями, а рабочих пчёл осталось совсем немного. Они уже не могли прокормить трутневую ораву и защитить семью от внешней угрозы.

Сильные соседи тотчас этим воспользовались. Они напали на улей и разграбили его. Рабочие пчёлы частично погибли во время нападения, а остальные разлетелись по соседним ульям. Время было горячее, и их приняли.

Ну а трутовки со своим потомством без корма не протянули и недели. Когда оправившийся после болезни пчеловод заглянул в улей, то увидел там только пустые пчелиные рамки, гору трупиков да мёртвый трутневый расплод. И только несколько пчёл-трутовок всё ещё ползали по разорённому гнезду. Даже гибель родной семьи их ничему не научила. Они так и не поняли главного: нельзя стать вожаком и руководить другими, если у тебя нет для этого данных. Природа подобной «демократии» не прощает.

— Не умеете управлять, не беритесь! — произнёс пчеловод и выбросил трутовок вместе с подмором и мусором.

Он живо представил всё, что случилось в этой пчелиной семье, и долго не мог отделаться от мысли, что нечто подобное происходит и в его родной стране.

Расстрелянное счастье

Совершенствование оружия и возросшая жадность человека превратили охоту в убийство.

Весной на деревенский пруд прилетели утка и селезень. Они сильно опасались людей, но деваться было некуда. Утиный род из года в год выращивал потомство по соседству, в старой, заброшенной деревне, где в наследство от человека остался небольшой заросший пруд, но этой весной плотину промыло. Пруд ушёл, и крякуши остались без водоёма.

На новом месте условия были лучше. Воды больше, хищников меньше, и корма достаточно. Парочка высидела утят, и через месяц выводок уже плавал по всему пруду, не опасаясь людей. Те отнеслись к пернатым доброжелательно. Ребятишки подкармливали хлебом.

Рыбаки бросали прикорм. Появившегося в небе коршуна немедленно отпугивали криками. Попавшим в беду утятам — помогали.

Однажды один утёнок запутался в сети, которую поставил на ночь жадный до «халявной» рыбы «городской». Городской, потому как не местный, а приезжий, решивший отдохнуть от тяжёлой железобетонной жизни в деревне у родни.

Утёнка спасали всем миром. Увидевшие беду ребятишки прибежали к леснику дяде Пете, у него была лодка. Дядя Петя взял в помощники соседа Ивана, они подплыли к сети, осторожно, чтобы не повредить, достали утёнка и выпустили на волю. Тот, быстро работая лапками, резво уплыл к своему утиному семейству, плававшему неподалёку. Собравшаяся на берегу ребятня искренне радовалась. После спасения птенца мужчины сняли сеть, вытащили её на берег и стойко выдержали атаку «городского», который приписал им посягательство на частную собственность и грозил судом. На шум сбежалась половина деревни. Кричали долго и много, но приезжего ставить сети отвадили. В пруду купались все. В следующий раз в сетях мог запутаться и ребёнок.

Утята росли быстро. Они привыкли к человеку и скоро почти не отличались от домашних гусят, которые плыли к людям по первому зову. Под надзором людей выводок сохранился полностью, что бывает довольно редко. Только опытный селезень не до конца доверял людям. Знал, среди них есть и те, от кого можно ждать беду.

Незаметно подошла осень. Утята стали на крыло. Теперь под началом селезня была стая из девяти крякв. Глава стаи ежедневно уводил выводок на корма. Перед перелётом в дальние края нужно набраться сил. Перелёт запланирован природой. Приходится зимовать на чужбине, чтобы не погибнуть от суровых морозов. А чуть потеплеет — на родину. У уток нет таких претензий на счастье, как у человека. Вернуться на родину. Любить, то есть приобщиться к тайне зарождения новой жизни. Вырастить потомство. Показать молодняку дорогу в тёплые края, вернуться с ними по весне и продолжить утиный род. В этом и заключается утиное счастье. Не всем оно выпадает. Чаще всего прожить счастливую жизнь мешают всё те же люди.

В этот день в деревню из города приехали охотники. Богатые и жадные, в дорогих охотничьих костюмах, обвешанные самыми современными многозарядными ружьями, прошуршали по деревне на дорогих внедорожниках и расположились табором на крутом берегу пруда. Совсем недавно эта компания вернулась из Африки, где удачно поохотилась на слонов. Теперь им захотелось развлечься птичкой. Уж больно хороша похлёбка из диких уток!..

Охотиться предстояло в центре деревни, но охотников это не смущало. Развращённые богатством и властью, чувствовали они себя неподсудными повелителями природы и господами над людьми. Это чувство придавало им значимость и свободу. Свободу от соблюдения каких-либо законов, будь то законы нравственные, юридические или высшие законы природы.

Обслуживал дорогих гостей районный егерь Плишкин. Главной чертой этого облечённого властью, но мелкого душой человека давно стало угодничество. Оно подавило все остальные качества и отбросило как ненужные любые правила человеческой морали. Его усердие и рвение в сфере услужливости не знало границ. В полном соответствии со своим мировоззрением он рассудил: «Не господское это дело — гоняться за утками по дальним озёрам и речкам. Большие люди приехали не мучиться, а отдыхать!» Оттого и привёл он гостей на пруд, пронюхав, что в этой деревушке завелись кряквы.

Деревенские понимали: что-то тут неправильно, но с «охотниками» связываться не захотели. От богатых и облечённых властью можно ожидать всего, чего угодно. Могут ведь и бандюгов подослать. Спалят избу, и доказывай потом, что хотел, чтоб было по справедливости. Всполошились только сидевшие возле магазина бабки: «Снова Плишкин „голодных“ привёз! Опять, как три года назад, гусей постреляют!» Но и их протест был пассивным. Плюнули охотникам вслед и пожелали, чтобы жирные животы «самых голодных» когда-нибудь да лопнули...

А выводок крякв, как обычно, прилетел к родному водоёму на ночёвку. В стае не было потерь. Не было больных и слабых. Все были готовы к дальнему перелёту! Гордые и сильные, они были счастливы и оттого беспечны и самоуверенны. Селезень, увидев машины и чужих людей, не обеспокоился и посадил стаю посередине пруда. За весну и лето даже он успел отвыкнуть от людского вероломства.

«Охота» для птиц началась внезапно. Один из приезжих навёл на цель дорогое, штучной работы ружьё и выстрелил по сидящему выводку. В вечерней тишине выстрел прозвучал, как мощный удар хлыста деревенского пастуха. Отразившееся от угоров эхо запутало картину. Смертельно раненная мать-утка попыталась взлететь, но, пролетев над водой несколько метров, замертво упала в воду.

Перепуганный выводок не понял, откуда пришла опасность, взлетел... и полетел в сторону людей... Люди всегда защищали утят от опасности.

Только вместо помощи в этот раз, как скоростные зенитки, затаивали автоматические многозарядные ружья, и сотни дробинок понеслись навстречу обречённой стае.

Привыкший доверять человеку молодняк погиб сразу. Только ошалевший от людского беспредела селезень носился над прудом, стараясь хоть кого-то из родной стаи найти и увести подальше от смерти... Но над самой дамбой, когда, казалось, он уже выскочил из опасной зоны, смертоносный заряд достал и его... Злая воля очерствевших душ людей за несколько секунд погубила и стаю, и самого вожака...

Удачная охота на почти одомашненную птицу завершилась. Егерь Плишкин плавал на резиновой лодочке, собирал трофеи и радовался: «Кряквы жирные, господа охотники будут довольны».

Повара готовили «шурпу из утятинки». Охотники пили крепкую, выхвалялись дорогими ружьями, меткими выстрелами и спорили, кто больше подстрелил сегодня «диких» уток... «Человеки разумные» отдыхали. Впереди ждала бурная ночь с утиной похлёбкой под виски, хвастливыми охотничьими рассказами и стрельбой по пустым бутылкам...

Пришла новая весна. Следом за солнцем из заморских стран пожаловало тепло и разбудило от зимней спячки природу. На земле, в воде и в воздухе торжествовала любовь. Готовились продолжить род и птицы. Свили гнёзда и уже высиживали птенцов вороны и сороки. Под стрехой весело чирикали пережившие суровую зиму воробьи. Разделились парами и выбирали скворечники скворцы. Под крышами домов любовно ворковали голуби. Ошалевшие от запаха родины, в небе носились стрижи и ласточки. На опушках рощ вели бои тетерева. Прилетели на созданное бобрами болото цапли. На дальнем угоре затеяли свои игры журавли. Только не было больше на деревенском пруду уток... Утиный род доверившегося людям селезня исчез навсегда!..

Иноземец

К деду Захару и бабке Лукерье из города приехали дети. С собой привезли породистого кота. После традиционных лобызаний бабка, дочка и внучка собрались на совет.

— Хотим съездить на море, — объяснила дочь. — Думаем оставить вам нашего кисулю. Дело очень ответственное. Ему требуется особое воспитание.

— Ладно, — легкомысленно согласилась бабка, — оставляйте. Только скажите, как его зовут.

— Вот его родословная. Папа в Америке. Мама в Израиле. Имя всё равно не запомните. Оно длинное...

Наименование породы кота вместе с именем с трудом умещалось на двух листах машинописного текста. Ещё на шести листах излагалась инструкция по уходу и кормлению.

— Иноземец, стало быть, — молвила бабка. — Ладно, так и будем его звать. Что он любит кушать?

— Ест только корм из Америки. Ходит в специальный туалет. На улицу выпускать нельзя. Боится сквозняков и может подцепить простуду или блох. Любит деликатесы.

— Хорошо, хорошо! — остановила дочь бабка. — Деликатесы у меня есть. Как раз из Америки. «Ножки Буша» называются, похожи на куриные. Видно, «Буш» по-ихнему курица... Или петух...

— Ты что, бабуля! — встряла внучка. — Разве «ножки Буша» — деликатес? Их только нищие, бомжи да пенсионеры едят! И вообще, Буш — это не курица, а американский президент!

— Ты смотри, президент! — удивилась бабка. — А по вкусу ножки совсем как куриные! А какие же тогда деликатесы он у вас ест?

— Он очень любит мясо лангуста. В крайнем случае ест краба или осетрину!

— Ты погляди, зверями питается! — охнула бабка. — А с виду такой тихий. А у нас тут ни змей, ни зверей этих нет.

— Каких змей?! Каких зверей?! — завопила внучка. — Он ест морепродукты!!!

— Ну как, видела я по телевизору эту мангусту. Она змей ловит. А иноземец, значит, мангустами этими и питается?

— Бабушка! Он питается не мангустами, а лангустами, — поправила внучка. — Они в океане живут. Очень вкусные, но дорогие. Вам их не купить. Разве только, если с пенсии всей деревней скинетесь!

— Из океана у меня только килька, — вздохнула бабка. Она кинула коту самую крупную. Тот высокомерно глянул на бабкин деликатес, брезгливо потряс лапой и отвернулся. Бабка расстроилась. Но дочь её успокоила:

— Ты, мама, не переживай. Мы корм привезли. На первый случай хватит, а там, глядишь, привыкнет.

Подошёл дед:

— Что тут у вас?

— Да вот, отдают на воспитание иностранца. Но он сильно привередливый. Нормальную еду не ест.

— А вы попробуйте накормить дустом или мышьяком, — посоветовал дед. — Все проблемы сразу отпадут.

— Ты что! — закипела дочь. — Жалко. Девять тысяч за него отдали!

— А если жалко, давайте им займусь я.

— Ни за что! — в один голос закричали дочка и внучка. — Ты, дед, жил при диктатуре и сам стал деспотом. А кот вырос при демократии... Он твоих методов не вынесет!

— Коли так, то пусть за ним ухаживает бабуля, — согласился дед. — Она у меня демократию сильно любит.

Два дня дочка, внучка и подъехавший зять инструктировали бабку, как нужно ухаживать за котом. На третий день уехали поправлять пошатнувшееся от тяжёлой городской жизни здоровье. Через неделю, когда закончились привезённые из города продукты, в жизни бабки Лукерьи наступила чёрная полоса. Янки категорически отказывался есть. Она промучилась с ним целый день и к вечеру слегла... Пришлось деду ухаживать и за котом, и за бабкой.

Захар принялся кормить Иноземца тем же, чем и своего кота Ваську. Но избалованный иностранец только обнюхивал пищу и с гордо поднятой головой уходил прочь. Ваську это вполне устраивало. Он был без комплексов и успешно съедал обе порции. Однако, как у истинного российского кота, в нём было развито чувство преклонения перед всем иностранным. Поэтому в знак особого почтения он принёс Иноземцу мышь.

Увидев полуживого грызуна, тот злобно зашипел и от страха прыгнул на комод. Васька расценил это как очередной каприз богатого родственника и съел мышь сам.

Так продолжалось три дня. На четвёртый, видя, что деликатесов нет, оголодавший кот попробовал косточку от «ножки Буша». Всё-таки пища с родины... Через неделю стал лакать молоко, есть кильку и даже попробовал дешёвую российскую колбасу.

Дед, не любивший бездельников, заявил, что харчи надо отрабатывать, и определил Иноземца на работу. Ночным сторожем в чулан. Кот сильно боялся темноты и орал всю ночь. Услыхав его вопли, благоразумные мыши покинули чулан, чему дед Захар искренне порадовался.

К концу третьей недели Иноземец ел всё, что и кот Васька. Ходил, как все, в туалет на улицу. Исправно нёс сторожевую службу в чулане и подполье. В общем, по всем статьям стал нормальным котом. Вот

только ловить мышей не желал. Что поделаешь, того, кто не приучен к труду с молодости, сразу изменить трудно. Но, нет сомнения, дед с его диктаторскими замашками сможет заставить кота выполнять и эту работу...

РЫЖИК

Тем, кто свою личную ответственность за братьев наших меньших пытается перекладывать на плечи других людей.

Наступила долгожданная весна, но вместо радости она принесла горе. Маленький криволапый пёсик по кличке Рыжик ощутил, что в дом пришла беда, когда вдруг не стало любимого хозяина. Тот долго болел, а потом его куда-то увезли. В доме остались молодой хозяин с хозяйкой. Пёсик не понимал их языка, но чувствовал: теперь они решают его судьбу...

— Жалко усыплять Рыжика, совсем молодой и такой добрый, — говорила хозяйка.

— А куда же его деть? — возражал хозяин. — С нашим он не уживётся, да и держать две собаки в городской квартире — это перебор!..

— Давай увезём его ночью в какую-нибудь деревню и выпустим... Может, к кому-то прибьётся...

Рыжику оставили жизнь, но... Хозяева его долго куда-то везли, глухой ночью выпустили возле старого заброшенного дома и уехали... Пёсик какое-то время ждал: может, одумаются и вернуться? Хозяева не возвращались, и он поковылял к заросшему прошлогодним бурьяном и мелким кустарником дому. Два дня просидел под старым навесом, ожидая, что о нём вспомнят. На третий день услышал похожий звук машины, с радостным лаем выскочил на дорогу, но машина не остановилась, а сильно и больно стукнула его. Пёсик отлетел на обочину и потерял сознание.

Очнулся Рыжик от удара в темя. Рядом сидела ворона. Увидев, что собачонок жив, отскочила в сторону, но не улетела. Пёсик собрал последние силы и с трудом пополз к дому. Болела сломанная лапа и зашибленные рёбра. Несколько дней пролежал он под навесом, изредка выползая из укрытия, чтобы попить из лужи. Рыжик не мог понять, за что его выбросили из нормальной, счастливой жизни. Чем он так провинился, что потерял всё: дом, доброго хозяина, здоровье... Жить не хотелось, но голод брал за горло и гнал навстречу новым

опасностям. Качаясь от слабости, собачонок тихо побрёл к дороге и на обочине столкнулся с шедшей из магазина пожилой женщиной.

— Это откуда ты такой худой? — заахала она. — Кожа да кости, все рёбра видать!..

Женщина протянула ему кусочек колбасы. Рыжику было стыдно брать еду из рук чужого человека. Старый хозяин запрещал это делать. Пёсик отворачивал голову, поскуливал и всё же делал маленькие шажочки, подходя всё ближе. Запах колбасы притягивал, и совсем не было сил сопротивляться. Наконец подошёл, осторожно взял колбаску, мгновенно проглотил её, лизнул женщине руку и вяло завил хвостом.

— Всё, больше нельзя, а то заворот кишок будет. Пойдём со мной, напою тебя бульончиком.

Рыжик всё понял, благодарно взглянул на женщину и заковылял следом. Во дворе дома их встретил мужчина, чем-то похожий на старого хозяина.

— Это где ты подобрала такого доходягу? — удивлённо спросил он. — С ошейником, а худой, будто век не кормили!

— Да вот, видно, выбросили какие-то «сердобольные» горожане. Нашего-то Кусаку машина сбила, пусть этот рыжий живёт в его будке.

Пёсик при слове «рыжий» повернул голову в сторону женщины и завил хвостом. Мужчина заметил это.

— На «рыжего» откликнулся, значит, так и будем тебя звать: Рыжик. Иди, осваивай новую территорию...

Через месяц Рыжик поправился и привык к новым хозяевам. Он бодро бегал по двору, лаял, когда приходили чужие, гонял забредших на территорию котов. Пёсик забыл о голоде. В его чашке стала оставаться еда, и он подружился с той самой вороной, которая привела его в чувство. Птица регулярно прилетала, ждала, когда он насытится, а потом клевала прямо из его чашки. В начале лета приехали внуки хозяев. Пёсик быстро сдружился с ребяташками, сломя голову носился с ними наперегонки. Особенно любил футбол. Во время игры было много шума и крика. Он тоже рычал, гонялся за мячом, толкал его головой, иногда носом... Было немножко больно, но это пустяки. Главное — он обрёл новую семью, где его любили!

Рыжик был счастлив и не задумывался о плохом. Ведь всё могло сложиться иначе, не повстречайся ему добрая женщина. Счастливый финал случается только там, где присутствуют доброта, милосердие и любовь... А чувства эти у людей постепенно становятся дефицитом...

ЦИКЛ РАССКАЗОВ «ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО»

Холодный Ключ — смерть после взлёта

Эти размышления о жизни и смерти небольшого русского села из Предуралья — в каком-то роде обобщение. Прототипов свыше пятнадцати тысяч...

Холодный Ключ — это образ. Некий символ нашей российской деревни.

Холодный Ключ — это первоисточник большой многоводной реки под названием Россия. Ключи и ключики, сливаясь в ручейки, потом в речки, питали и питают главную реку.

Подходит сравнение и с огромным деревом. Деревеньки и села — самые малые корешки, питающие древо России. Без них оно засохнет.

Холодный Ключ — наша общая малая родина! Общая, потому как все мы: и те, кто продолжает жить в деревне, и те, кому роскошь и блеск городов ослепили глаза — родом оттуда, из Холодного Ключа, с его уникальным, не имеющим аналогов в других странах укладом жизни.

Холодный Ключ — наша общая боль. У десятков тысяч российских сёл и деревень судьба с ним схожая.

*

Официальная история села берёт начало с петровских времён. В красивой уральской местности, в ложбине, ограждённой с северной и южной стороны высотами, ласково именуемыми на местном наречии угорами, поселились несколько семей староверов, бежавших из Центральной России от церковной реформы.

Место для жизни было удобным. Более крутые заросшие лесом северные угоры защищали образовавшуюся деревеньку от холодных ветров. Более пологие южные угоры не препятствовали солнечным лучам и помогали создавать в маленькой долине свой микроклимат.

По самой середине ложбины протекал не то большой ручёк, не то маленькая речка с холодной и чистой родниковой водой. Наверное, потому речку назвали Студённой.

Исток речки от поселения был совсем недалеко. В двух километрах выше из земли бил мощный ключ. Он, соединив свою воду с ключиками поменьше, и дал жизнь Студёнке. Ключ назвали Хо-

лодным, и появившееся селение стало носить название Холодный Ключ. Предки хорошо усвоили истину: вода — основа жизни. Дома строились по обе стороны речки, и вода для питья и бытовых нужд была всегда под рукой.

Здесь было достаточно неиспользуемой земли. Разнотравье создавало прекрасные условия для разведения скота. Обилие медоносов позволяло заниматься бортничеством (пчеловодством). В лесах водились зверь и птица. Охота помогала выживать в неурожайные годы. Богатыми были и дары леса. Сбор грибов, ягод, орехов — главный промысел женщин и детей. И самое важное — на все эти богатства ещё не наложил руку помещик.

Всё это способствовало тому, что сюда в поисках лучшей жизни перебирались не только вольные люди, но и бежавшие из центра крепостные.

Поселение быстро разрасталось и скоро превратилось в село.

*

Уклад жизни переселенцев был во многом похож на тот, что сложился в Центральной России. В его основе — патриархальная семья и сельская община. Устрою этого уклада тысячелетиями формировались под воздействием тяжёлых условий жизни, под влиянием суровой природы. Условия эти заложили в сознание русского человека главную истину: выстоять в экстремальные моменты можно только сообща.

Исключительность русского человека, его непохожесть на людей прочих государств обусловлена тем, что на протяжении тысячелетий его предки жили в климате с самым большим перепадом температур на Земле. Нигде на планете нет такой разницы между жарким летом и холодной зимой. И этот природный контраст, веками воздействовавший на русского человека, сформировал не только его уникальные физические данные (он может жить и работать и при плюс сорока, и при минус пятидесяти), но и его душу.

Потому и нет смысла искать какую-то «загадку русской души» тем, у кого диапазон этой самой души заметно меньше. Им, «сформированным» умеренной (или субтропической) природой, не дано понять: русский живёт и работает по другим биоритмам. Как живёт, например, среднерусская пчела, которая в течение весны и первой половины лета копит силу, чтобы за один месяц главного медосбора собрать столько мёда, сколько пчелиная семья в умеренном климате не может собрать за весь сезон.

Потому в жизни русского присутствует всё: от зимнего отдыха вместе с природой до величайших трудовых свершений и непревзойдённых военных побед.

А попытка заставить нашего человека жить по городским биоритмам (город заметно отгородился от природы) или, того хуже, жить по законам «морских стран» приводит только к негативным последствиям. Неизмеримо возрастает количество физических и душевных болезней, с которыми современная медицина, оснащённая суперсовременной техникой и сильнодействующими лекарствами, справиться не может. И пока умные доктора и академики ищут причины высокой смертности в стране, простой люд прочувствовал на себе: нарушение природных биоритмов и веками складывавшегося уклада жизни — вот главная причина вымирания нации.

*

Холодный Ключ жил по законам природы. Вместе с ней село «просыпалось» весной, чтобы включиться в активную работу.

Весна в России, в отличие от западных держав, с сюрпризами. Длительное таяние снега, паводок, возвратные заморозки, часто сразу после сева засушливый период, а иногда и снег прямо на молодые всходы — вот далеко не полный перечень этих «сюрпризов». Бывало и так: сегодня только растаял снег, а через неделю земля уже пересохла и сеять поздно. Потому включаться в работу нужно было без всякой раскочки, и работать приходилось от зари до зари.

Весна постепенно переходила в лето. Солнце двигалось к апогею, и так же до максимума возрастала нагрузка на человека. Пословицу «Летний день год кормит» придумали не поэты-мечтатели. Её выстрадали на своём опыте многие поколения руссов.

В России не субтропики, где скот круглый год на выпасе. За короткий промежуток времени нужно заготовить корма аж на семь месяцев стойлового содержания. Иначе — голод. А параллельно с сенокосом нужно успевать делать огромный объём «второстепенных» работ: от строительства жилья и подсобных построек до заготовки овощей, грибов и ягод.

В интенсивной, изматывающей работе незаметно подходило время уборки. И тут не зевай, иначе зарядят дожди и урожай пропадёт на корню. Слишком короткий промежуток отвела наша суровая природа на вегетационный период.

Поэтому, когда слышишь сетования какого-нибудь городского умника: «Нашему крестьянину вечно что-нибудь мешает... Вот на За-

паде...» — в очередной раз убеждаешься: много у нас людей умных, а вот разумных — дефицит. Ещё меньше людей этой категории на всех уровнях руководства. Отбирать руководящие кадры по принципу угодливости давно стало нашей «славной» традицией. И по этой причине исстари российский крестьянин ничего хорошего от властей не ждал, а полагался исключительно на себя самого...

Но вот летний сезон подходил к концу. Проданы или отданы за долги излишки продукции. Заготовлены к зиме дрова. В свои права вступала осень. Пора свадеб, праздников и долгожданного отдыха. Славившиеся на всю округу холодноключевские пчеловоды целыми флягами ставили медовуху. Остальные — хмельную брагу. И с приходом праздников село гуляло. Не пьянствовало, сидя по углам, а веселилось и гуляло на миру, давая выход лишней энергии... Человек, как и природа, не может после активного лета сразу перейти в фазу покоя.

Зима. Ветры Северного Ледовитого океана приносили лютые морозы. К этому времени долину, в которой располагался Холодный Ключ, заносило полутораметровыми сугробами. И только из труб домов, почти по самую крышу укрытых снегом, вился дымок, показывая: здесь есть жизнь.

Жизнь в селе замирала. Русский человек не просто «в силу приущей ему лени сидел на печи», он вместе с природой отдыхал, набирался сил и копил энергию, чтобы с приходом весны снова включиться в активную жизнь.

*

Были в истории села годы добрые и спокойные. И всё же гораздо больше зафиксировано таких, что в народе называют «лихолетье». Холодный Ключ жил в постоянной борьбе за выживание. Пословицы: «Не буди лихо — пока тихо!», «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», «Пока жареный петух в задницу не клюнет!» — подчёркивают не пассивность, лень и безынициативность русских людей, они характеризуют состояние человека, постоянно живущего в экстремальной обстановке, во время передышки или кратковременного отдыха.

Действительно, зачем проявлять инициативу и будить лихо, если заведомо известно: оно вот-вот объявится само не в одном, так в другом образе или виде. Гораздо разумнее перед боем хорошенько отдохнуть и встретить врага так, чтобы следующая передышка была подлиннее...

Холодный Ключ боролся с катаклизмами природы, внутренними и внешними врагами, голодом, болезнями. Преодолевал препоны, созданные «мудрыми» правителями и чиновниками. И при этом кормил не только себя, но и эксплуататоров, паразитов всех мастей и разновидностей. Знаменитая сказка Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил» — не выдумка талантливого сатирика. Она писалась с натуры.

Несмотря на все войны, голодные годы, эпидемии, население села увеличивалось. Особенно бурным был рост во времена правления Александра Третьего. Строительство Транссибирской магистрали (величайший трудовой подвиг русского народа), помощь со стороны государства переселенцам на новые земли способствовали тому, что население Холодного Ключа превысило тысячу человек. В те годы экономического роста в селе была построена церковь из кирпича. Появилось много зажиточных семей. Люди стали с оптимизмом смотреть в будущее.

Но цари, так же как генсеки и президенты, бывают разными. На трон сел Николай Второй, и положение резко изменилось. На смену политике «опоры на всё русское» пришла политика «открытых на Запад дверей». Был введён конвертируемый золотой рубль, и реальные ценности потекли из России в Европу.

«Потекла» туда и российская пшеница. Только вот львиная доля дохода от продажи этой пшеницы теперь оседала не у крестьянина, её вырастившего, а пополняла кубышку помещика-перекупщика. Крестьяне постепенно разорялись и попадали к помещику в кабалу.

Всё это привело к тому, что в начале двадцатого века после нескольких неурожайных лет в России разразился голод, унёсший миллионы жизней. Сложилась ситуация, которая способствовала приближению революции. Россия эшелонами гнала пшеницу на Запад, а её народ умирал от голода.

Не обошла эта беда и Холодный Ключ. Люди съели в округе всю лебеду, крапиву, другие съедобные травы, но смертность всё равно была высока. К исходу 1912 года почти треть населения села вымерла. Ну а те, кому удалось выпросить хлеба у местного помещика, не только попали к нему в зависимость, а лишились и земли. Земля-кормилица отошла к помещику за долги.

Вот в таком состоянии застала Холодный Ключ весть о начале Первой мировой войны. Эта война потребовала невиданного до тех времён количества солдат. Наиболее здоровых и работоспособных мужиков переделали в шинели и отправили воевать «за веру, царя и

Отечество». А точнее, за интересы европейских держав, затеявших очередной передел мира. Холодный Ключ в течение нескольких лет превратился в обнищавшее, вымирающее село.

Не добавили его жителям процветания и годы революции. Социалистическая революция была встречена крестьянами с надеждой, но последовавшая за ней Гражданская война село окончательно разорила.

Медленное возрождение началось только в двадцатые годы. Была безвозмездно получена в собственность земля. Установился долгожданный мир. В селе открыли школу. Почти поголовно неграмотное население за несколько лет научилось и читать, и писать.

Но обладание землёй и всеобщая грамотность к экономическому подъёму в селе не привели. Главным орудием производства у сельского пахаря по-прежнему оставались вислоухая Савраска да соха.

К началу тридцатых годов в государстве сложилась парадоксальная ситуация. В стране стремительными темпами шла индустриализация. Бурно развивались промышленность, торговля, наука, культура, а село было не в состоянии обеспечить страну даже самыми необходимыми сельхозпродуктами. Главная причина: все работают по-новому, крестьянин — по старинке.

Правительство во главе со Сталиным принимает решение: создать на селе коллективные сельхозпредприятия (колхозы), оснастить их современной техникой и установить в них рабочую дисциплину, как на промышленных предприятиях.

В Холодном Ключе, как и повсюду, эту весть встретили неоднозначно. Те, кому терять было нечего, радовались. Кто жил зажиточно, восприняли новшество в штыки. Особенно яро настроились против образования колхозов так называемые «кулаки» — класс мелких эксплуататоров. В народе их не зря прозвали мироедами. Они были недовольны перспективой передачи части скота и орудий сельхозпроизводства в общественную собственность. Но особую озлобленность мироедов вызвала потеря почти дармовой рабочей силы — батраков. Батраки работали на них либо за долги, либо за похлёбку.

Подогретый кулаками слух о том, что вся живность, включая кур, будет передана «в коммуну» (некоторые грозили: в общественное пользование отдадут и жён), привёл к ажиотажу. Крестьяне начали в массовом количестве забивать скот.

Каждый в отдельности рассуждал логично: «Я свою Савраску прирежу и пушу на пользу своей семьи, а пахать буду вместе с соседом на его мерине». Но и сосед рассуждал точно так же. Кулацкое

подстрекательство и крестьянская «сообразительность» вышли боком. Пришла весна, а как пахать? А тут, как по заказу, и очередной неурожайный год. Небывалая засуха. В результате — голод!

И снова в Холодном Ключе в почёте лебеда и крапива. Трудно проходило становление колхоза. Мешали кулаки, давила психология частника, замучили своими «перегибами» чиновники и усердные ребята из НКВД.

Пережили и это. Прошло пяток лет — и по колхозным полям и дорогам уже бегали тракторы и машины. В Холодном Ключе стали забывать о голоде. Народ вспомнил: веками Русь выживала благодаря коллективному (общинному) труду. В село пришло электричество, радио. Был построен просторный клуб, в котором располагалась изба-читальня, ставились самодеятельные спектакли, показывались кинофильмы, совместно отмечались праздники. Народ запел новые песни. Из этих песен стали уходить тоскливые нотки о безрадостной жизни.

Эх, кабы не новая война! Да такая, какую на Руси ещё не видавали...

Из ушедших на Великую Отечественную в Холодный Ключ вернулся лишь каждый третий. И это было ещё по-божески. Во многих деревнях и сёлах вернулись единицы.

И снова борьба. Борьба за восстановление страны. Снова недоедание, недосыпание, работа от зари до зари. Холодный Ключ не был разрушен непосредственно боевыми действиями, но для Победы и восстановления отдавал всё. Достичь довоенного уровня удалось не сразу.

Наконец, страна была восстановлена. Советское Правительство (тут снова вполне применимо слово «впервые») начало отдавать работавшей на износ деревне долги. Для села стали выделять деньги. В Холодном Ключе развернулось небывалое для этих мест строительство.

Строили индивидуальные дома, фермы, склады, зернотока. Построили новую школу, больницу, клуб. Всем селом на субботах строили общественную баню. Год от года возрастала насыщенность села техникой. Благодаря техническому перевооружению стали укладываться в короткие сроки, отведённые природой для сева, сенокоса и уборки. Впервые за многовековую историю крестьянин-колхозник смог позволить себе установить нормированный рабочий день.

Неотъемлемой частью жизни стала культура. Телевидение, радио, книги, кинофильмы, концерты гастролировавших по стране арти-

стов входили в быт и культурный досуг селян. Опять же впервые в истории уровень жизни российского села вплотную приблизился к уровню жизни в городе.

О массовом голоде забыли. Холодный Ключ вместе со страной переживал взлёт.

Но уже был разработан план очередного (сколько их было) «ослабления России на века». Уже вбивались межнациональные клинья в содружество братских народов. Уже сидели и шипели на городских кухнях те, кто всерьёз воспринимал идею об «интеграции России в мировую экономику». Наивно верил в то, что Запад станет вкладывать деньги (делать инвестиции) в страну с самым суровым климатом, где издержки на любое производство неизмеримо выше мировых.

И снова война. На этот раз враг пришёл не с мечом, а с водкой и калачом. У войны странное название: «Либеральные реформы». Название довольно лицемерное, потому как после этих реформ народ в массе своей жить «как на Западе» не стал, а привычный уклад наших людей был разрушен.

Начались необратимые процессы и в Холодном Ключе. Сначала объявили «вне закона» колхоз. Видимо, в «благодарность» за то, что колхоз помог выстоять в годы страшной войны и покончить в стране с голодом без всякой помощи извне. А может, перевесил другой «грех». Уж больно быстро уровень жизни на селе начал приближаться к городскому. «Бесталанной» простушке-деревне выделяли деньги, а «талантливая» городская элита «жила в нищете».

Коллективное хозяйствование признали «неэффективным», и колхозы начали распускать. Одновременно был кинут клич: «Страну накормит фермер-частник!» (Это в стране, которая веками жила по законам общины!!!) Не имеющим элементарного представления о сельской жизни «новым правителям» померещилось: в холодной стране можно наладить «эффективное сельхозпроизводство» по тем же трафаретам, что приняты в странах с благоприятным климатом.

Ломать не строить. Хозяйство растащили за несколько месяцев. Многие, в первую очередь те, кому досталась техника, устремились в фермеры.

Новоявленное правительство, проводившее политику перехода от общественной формы собственности к частной, провозгласило курс на поддержку фермера. Но «поддержка» оказалось фикцией. К этому времени само государство отдало почти всю свою собственность в руки частника и лишилось главных рычагов влияния и на экономику, и на общество.

Село осталось без государственной поддержки. Новоявленные фермеры практически сразу разорились и перешли в разряд «индивидуальных хозяйств». Иначе говоря, вернулись в старинные времена к натуральному хозяйству.

Колхоз был разрушен, фермеры не состоялись, и основная часть трудоспособного населения села лишилась работы. Все, кто мог, устремились в город, где можно было найти хоть какое-то занятие и заработать хоть какие-то гроши. Препятствий в этом никому не чинилось. В стране официально проводилась политика насаждения индивидуализма и разрушение общинных устоев поощрялось.

За несколько лет Холодный Ключ опустел. Но в нём ещё теплилась жизнь до той поры, пока правители не запустили программу «оптимизации».

Суть этой программы проста. Лишившись собственности, государство, выискивая деньги, начало работать по принципу: лучше собрать с миллиона нищих по копейке, чем «попросить» миллион у олигарха. В поисках этих «копеек» чиновники проявляли чудеса изобретательности. От этого напрямую зависело повышение их «жизненного уровня». Потому задумываться над тем, что, закрывая школу, больницу и клуб, они окончательно рушат уклад жизни села и подталкивают его к вымиранию, «эффективным хозяйственникам» было без надобности. Подумаешь, исчезнет ещё одна «бесперспективная» деревня.

В Холодном Ключе сначала признали малокомплектными, а затем и вовсе закрыли школу и детский сад. В результате почти все молодые семьи переехали в ближайший посёлок, где освободилось много старых домов. «Шоковая терапия» способствовала этому. На каждый десяток умерших там рождался один ребёнок. И хоть с работой в посёлке тоже было туго, но детсад и школа пока функционировали.

В Холодном Ключе не стало молодёжи, не нужен стал и клуб. Его закрыли, а здание «разобрали на запчасти».

С больницей пришлось повозиться дольше. Старики все как один желали лечиться. Её убрали в два этапа. Сначала сократили до размеров медицинского пункта. А когда недовольство людей утихло, ликвидировали и медпункт. Теперь в Холодном Ключе было некому поставить даже простой укол. В результате из села потянулись и пожилые. Сердобольные дети стали более активно забирать родителей к себе.

Дольше всех держалась церковь. Она выстояла и не была разрушена даже в лихие двадцатые, во время троцкистского нашествия на

православные храмы. Теперь из-за отсутствия прихожан приход был закрыт, батюшка уехал в райцентр, а церковь разграбили и, чтобы скрыть следы, сожгли какие-то заезжие «гастролёры».

*

Переживший за время своего существования множество бед и катаклизмов Холодный Ключ «либеральных реформ» не перенёс. После «оптимизации» в нём осталось полтора десятка стариков. В течение последующих трёх лет уехали и они. Кого забрали в город, а кого увезли на Крутую горку.

На этой горке покоились все поколения их предков. По преданию, души умерших любили эту господствующую над местностью высоту. Во время поминок там открывалось «окно», через которое можно было поговорить с покинувшими этот мир родными и близкими. Они слышали всё и многим помогали оттуда в исполнении заветных просьб и желаний.

Оставшиеся доживать на родине старики приехали на Крутую горку последними. На них и прервалась эта связь с предками.

Прошло несколько лет, и красивая лощина, в которой располагался Холодный Ключ, заросла лопухами, кустарником и молодыми деревцами. От старинного русского села осталось несколько разрушенных домов, пруд, в котором теперь хозяйничали бобры, и кладбище на Крутой горке.

Заросло и это кладбище. Лишь изредка здесь ещё попадались ухоженные могилки. Их приводили в порядок те, кого ностальгия заставляла приезжать из городов в родительскую субботу. Когда уйдут из жизни и они, окончательно уйдёт из памяти людей и это село. Лишь сухая архивная справка сможет напомнить: когда-то на этом месте бурлила жизнь. Здесь жило село с названием Холодный Ключ.

Но справка эта не будет востребована. Год от года возрастает количество людей, живущих одним днём. Их не интересует ни прошлое, ни будущее... А Холодный Ключ ушёл в прошлое. Он умер...

Исчез ещё один ключик, питающий полноводную российскую реку. Засох очередной корешок, как всё ещё многим кажется, огромного и вечнозелёного дерева России.

Сёл и деревень с подобной судьбой в России тысячи. Так что же мы за «отряд» такой, если в упор не видим потери такого количества «бойцов»? Не замечаем того, как наша общая малая родина умирает?!

Подобно страусам мы спрятали голову в песок и следом за нашими «командирами» повторяем: «У нас всё хорошо... Россия, вперёд!»

А встречать лихо в «безопасной» позе страуса — нельзя. Обязательно прилетит российская птица мудрости — жареный петух... И клюнет!..

Доморощенный пророк

Люди, обладающие какими-либо непонятными для обычного человека способностями, встречаются не так уж редко. За это отличие от основной массы человечества их награждают всевозможными прозвищами и званиями: целитель, шарлатан, чудака, псих, чудила, оригинал... И живётся им от этого, ох, как непросто.

Василий относился к разряду чудаков. Он знал о своих способностях с детства. С помощью какого-то необъяснимого чутья он мог предвидеть ближайшее будущее. Нет, у него не было грёз, каких-то таинственных видений, вещих снов и прочих загадочных явлений, которые современная наука причисляет к мистике. У Василия всё было буднично. Он просто знал, что будет именно так, а не иначе. При этом довольно редко ошибался.

Несмотря на этот свой дар, парень не стал ни светилом науки, ни известным предсказателем или психологом. Сын крестьянина, как в пору его рождения говорили, колхозника, до совершеннолетия прожил в деревне. Отец умер через год после его рождения. Мать в тридцать лет стала инвалидом из-за хронической болезни. Жили на её скромную пенсию до самого окончания десятилетки, и о каких-то столичных институтах он даже не мечтал. Понимал: всё это нереально. Но учиться дальше хотелось, и после школы поступил в военное училище. Этим убил двух зайцев: снял с матери обузу и по окончании получил высшее образование.

Использовал свой дар он редко. Отучили ещё в детстве. Бывало, катается с горки с друзьями и вдруг скажет: «Мишка, не надо ехать в этот овраг! Упадёшь и сломаешь лыжу». Мишка хорохорился, ехал, падал и ломал. И что в результате? «Глаз косой», «накаркал», «ведьмак» и прочие невинные мальчишеские ярлычки. Получалось: не вредный Мишка виноват, а его, Василия, слово материализовалось...

За свою чудаковатость каких только обид от друзей-пацанов не натерпелся. Да и как могло быть иначе? Он смотрел на вытворяющих безобразия приятелей как на дурачков-дебилов. Потому как знал, что последует далее... Те подобную «заумность» не прощали. Переживать

обида уходил в лес. Здесь, наедине с природой, и восстанавливал душевное равновесие.

Служить попал в Забайкалье. Только тут осознал: профессия, которую вручила судьба, ему не очень-то и подходит. Василию всегда было комфортно в уединённой капсулке. Учиться в училище и служить пришлось среди людей. Причём очень-очень разных. По характеру и поступкам он не вписывался в стандарт среднестатистического офицера, потому в среде сослуживцев прослыл всё тем же чудачком. Но свой дар не использовал и здесь. Отчасти от того, что не хотел высовываться, а больше потому, что никто в его советах и не нуждался. Скажите, что можно посоветовать сослуживцу на проводах в Афганистан? Если Василий чувствовал, а точнее, знал, что с войны этой он живым не вернётся. Заявить об этом во всеуслышание? Прослывёшь недругом, который «накаркал». Сказать стандартное: «Береги себя...» Так об этом говорит едва ли не каждый.

А уж предупреждать о чём бы то ни было командиров вовсе глупо. Какой единоначальник признает своё решение неправильным и послушается какого-то «человека в футляре», опасющегося, как бы чего не вышло. Только очень умный. А такие в среде начальников в большом дефиците.

Однако Василий был тактичен, дисциплинирован, к делу относился добросовестно. Потому командиры ему доверяли и по служебной лестнице потихоньку двигали.

После длительного воздержания от общения с женским полом в Забайкалье, как только перевели в центр, женился на первой встречной. Промучились в браке несколько лет. Жена была вполне нормальной, не избалованной жизнью городской женщиной. Выскакивая замуж за офицера, знала, на что идёт. Но жить с чудачком, который заранее знает, что от тебя ждать, а вместо черноморского побережья проводит свой отпуск в тайге, очень скоро стало невмоготу. Ко всему не удалось им родить и детей.

Вот так и тянули до переломного года, в котором его монотонная, вполне предсказуемая жизнь нарушилась. Василий в это время служил в одном из управлений Группы советских войск в Германии. Жена подала на развод. Она не захотела, как ей советовали подруги, оттянуть время развода на два года, чтобы «дослужить» с мужем до плановой замены. Уехала в город к родителям, где быстро сошлась со своим одноклассником.

Развод вывел Василия из душевного равновесия. В его душе нарастало чувство приближающейся неприятности, которая круто

изменит жизнь. Но он не мог определить, с какого направления эту неприятность ожидать.

*

Во время сборов командного состава Группы Василия назначили руководителем на практической площадке, которая называлась «Невзрывные инженерные заграждения».

Под его руководством подразделения сапёрного батальона подготовили площадку. Занятия проводил лично, взяв в ассистенты командира батальона. Всё шло хорошо, пока на его точку не прибыла группа главкома. В неё входил почти весь генералитет.

Василий начал доклад с нового тогда вида проволочных заграждений под названием «Егоза». Это была спираль из сталистой проволоки, вокруг которой навивалась изобретённая каким-то очередным российским «кулибиным» ленточная колючая проволока, за свою остроту названная в войсках «резунка».

Докладывал подполковник грамотно. Технику изготовления спирали в полевых условиях разъяснил досконально. Но главком был чем-то недоволен и вдруг внезапно его оборвал:

— Вы, подполковник, нам не рассказывайте теорию, а покажите, как сделать это практически!

— Есть! Товарищ Главкомандующий, разрешите позвать расчёт?

— А вы — без расчёта. Вдвоём с комбатом. А то вы теперь только в теории сильны...

Слова главкома задела Василия:

— Никак нет! Я родом из деревни... Привык делать любую работу. Всё, что подготовлено на этой площадке, могу изготовить сам!

Главком недоволен поморщился:

— Вы не разглагольствуйте, а возьмите и сделайте!

— Тогда разрешите взять хотя бы приспособление и рукавицы.

— А вы сделайте без них, как мы на фронте...

Ситуация для Василия сложилась неблагоприятная. Информация о том, что во время войны такой проволоки вообще не было, будет расценена как пререкание. К этому же приведёт попытка разъяснить то, что «резунка» обвивается вокруг сталистой проволоки с помощью специального приспособления, изготовленного на заводе исключительно для того, чтобы личный состав, работающий с ней, не поранился. Эта новая проволока рвёт кожаные и резиновые рукавицы, что говорить о голых руках...

Единственным человеком, который мог пояснить это в данной обстановке главному, был начальник Василия, но генерал стоял в стороне и трусливо молчал.

Василий выдержал тяжёлый взгляд полководца и невозмутимо ответил: «Есть!» Подозвал комбата, и они начали изготавливать спираль вручную, без рукавиц.

«Резунка» впивалась в руки, рвала кожу. Из ран потекла кровь, но Василий не подавал вида и спокойно пояснял, что и в какой последовательности нужно делать.

Генералы притихли. Смотрели на происходящее молча, и только начальник политуправления не выдержал. Он наклонился к главному и тихо произнёс:

— Что вы делаете? Нельзя же так!

Главком, видимо, посчитал, что поглумился достаточно, и отреагировал на это замечание сразу:

— Хорошо, подполковник. Хватит. Вижу, кое-что вы умеете. Благодарю за показ!

Василий опустил изодранные в кровь руки и, усмехнувшись, ответил совершенно не по уставу:

— Спасибо, товарищ Главкомандующий!

Глаза полководца недобро блеснули, но он сдержал себя, на выходку подчинённого не отреагировал и, резко повернувшись, пошёл на другое учебное поле. Свита потянулась следом.

К Василию подскочил начальник его управления:

— Ты что?! Разве так разговаривают с главкомом! Без погон можешь остаться! Подумаешь, главком его обидел!..

Подполковник вновь усмехнулся и громко, так что слышали все, кто оставался ещё на площадке, заявил:

— У меня не такие большие звёзды, как у вас, и я за них не дрожу! Да, главком меня обидел! А тот, кто меня обидел, долго не проживёт!

Генерал побледнел:

— Подполковник! Прекрати свои дурацкие шуточки!

— Я не шучу!

К концу занятий инцидент стал достоянием гласности. Коллеги офицеры открыто подшучивали над чудачком. В обиход вошла фраза: «Если хочешь дожить до пенсии, не обижай Василия!» Сначала он на шутки и приколы не реагировал. Но всему есть мера. И потухший было вулкан просыпается.

Однажды после совещания один из сослуживцев, получивший от главного выговор, мрачно пошутил.

— Наврал ты всё, Вася! «Кто меня обидел, долго не проживёт!» — передразнил он Василия. — А «покойничек» всё выговора да служебные несоответствия сыплет.. Неудачный ты у нас пророк! Доморощенный!

И тут Василия прорвало.

— Неудачный, говоришь? А давай проверим. У тебя скоро умрёт отец!.. У Григория вырежут аппендицит! Юрий попадёт в автомобильную аварию, а Александр так и не получит перед увольнением «полковника»!..

Сослуживцы смотрели на обычно спокойного Василия в высшей степени изумлённо. Уж не крыша ли поехала? А он поочерёдно подходил к каждому и сыпал предсказаниями... Только начальнику второго отдела ничего не сказал. Просто махнул рукой, круто повернулся и ушёл.

— Да, что-то не в порядке у парня с психикой, — подытожил выходку подполковника начальник отдела. — Вы с ним поаккуратнее, мужики...

Мужики стали вести себя «поаккуратнее». Теперь посмеивались над Василием только в его отсутствие.

Хихикали недолго.

Прошло два месяца. Главком, недавно назначенный на эту должность, получил известие. В округе, которым он ранее командовал, вскрыты хищения в особо крупных размерах. Выяснилось: командующий округом замешан в этих хищениях непосредственно, за что против него возбуждено уголовное дело, и министр обороны уже открыто называет его вором. Разоблачение такого масштаба в то время было редкостью, и «крупные» воры вели себя иначе, чем нынешние.

Главком составил завещание. Подписал приказ о назначении на вышестоящую должность своего адъютанта. Пришёл домой, сделал все необходимые распоряжения, заставил медсестру поставить укол «от сердца»... И умер...

Все были ошарашены. «Предсказание» Василия сбылось. Сослуживцы пытались дознаться: «Как ты узнал?» Но Василий разговаривать на эту тему категорически отказывался и немного погодя написал рапорт на увольнение. Попытки отговорить были безуспешными.

На проводах Василий немного разговорился. Его спросили:

— Куда поедешь? Где будешь работать?

— Куда-нибудь в лес... В заповедник. В тайге мне проще, чем среди людей!

— Так почему же ты все-таки уходишь?

— Потому, что скоро всё рухнет!

— Что рухнет?

— Всё. Не будет системы социализма, развалится на мелкие государства Союз. И служить вы будете не Родине и народу, а новоявленным буржуйам... Будете защищать их и наворованное ими добро...

Потомков дворян и буржуа среди сослуживцев не было. Новому предсказанию никто не обрадовался. Но, учитывая сбывшееся предсказание, над чудачком никто не смеялся. Офицеры встретили его слова с большим недоверием. Как люди военные они знали, что существует так называемый «план Бжезинского», но слишком велика была в то время вера в нового, молодого лидера страны и начинающуюся перестройку.. И слишком велико желание положительных перемен.

И только несколько лет спустя все его сослуживцы смогли сильно удивиться.

Хотя нет, не все. Не смог начальник второго отдела, который умер от рака через полтора года после описанного события.

Остальные были поражены! Все предсказания Василия сбылись!!!

С тех пор безуспешно разыскивают они Василия. Где он сейчас, этот доморощенный пророк? Для пенсионеров, доживающих свой век, вряд ли предскажет он что-то хорошее. Но так уж хочется узнать: туда ли ведут страну нынешние поводыри? И что ждёт детей и внуков в будущем?..

Коренной «россиян»

Мишка Синицын в наследство от бабушки-южанки из Приднестровья получил чёрные как смоль волосы и тёмные глаза. Через это и приключился скандал в цирке, куда их четвёртый «Б» привела учительница. Способствовал этому и крепкий загар. Мишка всё лето провёл в деревне у деда. Лето было жаркое, надобности надевать на себя надоевшую за зиму одежду не было, и потому к концу лета паренёк стал сильно похож на коренного жителя африканской страны Эфиопии.

Клавдия Ивановна указала ряд и определила места, на которые можно было рассаживаться. Мишка с закадычным другом Ваней первыми ринулись «занимать плацдарм», но их поджидал сюрприз. На Мишкином месте сидела полная женщина, на Ванином — девочка чуть их постарше.

— Тётенька, — без всякой лишней дипломатии обратился Мишка к женщине, — вы заняли наши места! Нам учительница сказала садиться на девятнадцатое и двадцатое.

Тётенька в ответ отрезала:

— Не знаю, что вам сказала ваша учительница, это места наши!

— А куда нам садиться?

— Это не мои проблемы!..

От такого ответа Мишка расстроился. Праздничное настроение мгновенно улетучилось. Он не знал, что делать, и растерянно оглянулся на Клавдию Ивановну. Та была занята, о чём-то разговаривала с незнакомой женщиной. Из состояния неопределённости его вывела девочка, без приглашения включившаяся в разговор:

— Ты чё, не понял? Эти места наши! А твоё место, чурка, вообще на полу! Садись и не выступай!

После такого заявления Мишка посчитал себя сильно оскорблённым. Его растерянность мигом улетучилась. Он вспомнил, как в таких случаях разговаривают деревенские мужики, и громко, без всякого намёка на стеснение дал отпор:

— Я коренной россиянин! А ты, б...дь такая, научись сначала различать! Экстремистка грёбаная!

Он так и сказал «грёбаная», с такой же интонацией и ударением, как произносил это слово дядя Петя, что жил в доме напротив деда. Дядя Петя так называл свою жену, тётю Дашу, когда она не давала ему денег на выпивку.

У девчонки округлились глаза и совсем пропала речь, а её мамаша громко завопила, обращаясь к учительнице:

— Женщина! Вы привели детей в цирк, так смотрите за ними! Вот этот чёрный ругается матом, как сапожник! Мы пришли в цирк не для того, чтобы выслушивать матерки ваших невоспитанных детей!

Учительница подошла, чтобы разобраться в инциденте:

— Миша, что ты опять натворил?

Вместо Мишки на вопрос Клавдии Ивановны ответила тётенька:

— Он обозвал мою дочь словом, которым называют гулящих девок, и обматерил её, как последний рецидивист!

Учительница не стала разбираться в подробностях и строго потребовала:

— Миша, немедленно попроси прощения.

— Извините, я больше не буду, — стандартно ответил Мишка.

— Садись, сейчас нет времени разбираться с твоим поступком, а завтра я жду твою маму в школе, ты меня понял?!

Папы у Мишки не было. Они жили вдвоём с мамой, и за все его поступки всегда приходилось страдать ей. Он виновато опустил голову, буркнул в ответ «понял», но волновавший его вопрос всё же задал:

— А куда мне садиться, Клавдия Ивановна?

На его вопрос с заднего ряда ответил мужчина, ставший невольным свидетелем этой сцены:

— Куда-куда? Тебе же девочка сказала — на пол! Она назвала этого паренька «чуркой» и указала ему место на полу, — дал он пояснение учительнице.

— Ах ты, защитник какой нашёлся! — немедленно вступила в бой с мужчиной мамаша девочки. — Моя дочь учится в элитной гимназии! Там воспитание не плебейское. А вы кого защищаете? Эти чёрные уже заполонили всю страну!

Мужчина в ответ усмехнулся и с сарказмом спросил:

— Чем же они вас и вашу культурную дочку обидели? У вас обеих прямо аллергия на чёрный цвет...

— Да вы не ехидничайте! Эти, — кивнула она на Мишку, — дай им волю, сядут на шею, как в Европе! Тогда не так запоёте!

— Да мальчуган-то здесь при чём? Какой же он «чурка»? — хохотнул мужчина. — Так обложить матом может только коренной россиянин. Молодец пацан! На хамство нужно отвечать, как подобает. В следующий раз эта культурно воспитанная девочка, прежде чем что-то ляпнуть, будет думать!

Пока шёл этот диалог, учительница поняла суть произошедшего, сверила билеты и уже жёстким тоном сказала:

— Женщина, вы действительно сели не на свои места. Эти отведены моему классу.

Та вынула билеты, поняла, что ошиблась, но признавать своё полное поражение не желала.

— Пойдём, Жанна, — взяла она за руку дочь, — вот она, современная школа! Какие учителя — такие и ученики! Понаехали и устанавливают везде свои порядки...

Пока они переходили на свои места, женщина продолжала ворчать. Возможно, её нелюбовь к мигрантам имела какую-то конкретную почву. Но выплёскивала она свои обиды и недовольство не на тех, кем была обижена, а на своих ни в чём не повинных соотечественников.

А Мишка Синицын смотрел представление уже без особой радости. Хотя вместе с одноклассниками переживал, смеялся и хлопал в ладоши, но в его детской душе зрела очередная зарубка. Сегодня

он пытался, как мог, постоять за себя, и снова оказался виноватым. За это придётся расплачиваться. Их с мамой опять вызовут к директору. Будут грозить отчислением из школы. Потом последуют маминны санкции, и о субботнем походе в бассейн придётся забыть. Нет в этой жизни ну никакой справедливости!

Срубил мужик две берёзки

Много воды утекло с той поры, о которой писал Салтыков-Щедрин, но российский чиновник из города Глухова жив и поныне...

Пенсионер Матвей Сорокин ехал из города и сильно грустил. Его вызывали в региональный департамент лесного хозяйства. Грустить было отчего. Не медаль ему там вручили и даже не ценный подарок или грамоту, а квитанцию на уплату штрафа.

Всю свою сознательную жизнь Матвей проработал шофёром в колхозе. Носил гордое имя — сельский механизатор. За добросовестную работу вручали ему и медали, и подарки, и грамоты. Не только ему. В деревне работали все. И был толк. И зерна собирали много, и стадо колхозное в шестьсот голов содержали. Только на личном подворье у колхозников насчитывалось свыше пятидесяти бурёнок.

Но непрерывные «перестройки», «реформирования» и «модернизации» сельского хозяйства привели к тому, что колхоз развалился, поля заросли кустарником и берёзками, а в деревне осталось всего две коровы. У него да у Ивана Спиридонова, что живёт на другом краю деревни. Невзирая на трудности и возраст держали они кормилиц и обеспечивали молоком и свои семьи, и соседей с детьми. Теперь, похоже, Иван останется в одиночестве. Матвею придётся корову продать. И довели его до этого решения соотечественники. Точнее, подгруппа Homo Sapiens, потерявшая совесть и мутировавшая в особую разновидность человекообразного паразита, в простонародье именуемую «чиновниками».

Бурёнкам, как известно, на зиму требуется сено. С современной техникой его заготавливать не так сложно, но до их деревни такая техника не дошла. Как и пятьдесят лет назад, заготавливают они сено по старинке. Вручную выкашивают покос, после того, как трава высохнет, гребут и мечут зарод. Зарод вывозят волоком гусеничным трактором. Для того, чтоб не развалился по дороге, мечут на срубленные берёзки. Заодно и покос чистят от поросли, иначе давно зарос бы де-

ревьями и кустарником. Полвека так сено косили, и вдруг оказались вне закона. Сейчас многие гадают: изменилась ли работа милиции после переименования в полицию? Матвей не гадает. Он прочувствовал её работу на собственном опыте. И откуда на его голову свалился этот полицейский чинуша?

Неприятные воспоминания Матвея были связаны с событием двухнедельной давности. Тогда по этой же самой дороге ехал из областного центра начальник криминального отдела районной полиции подполковник Немыкин. Полицейского тоже терзали тяжёлые раздумья. Вышестоящему начальству хоть тресни, а покажи работу отдела. А как её покажешь, если работать приходится между молотом и наковальней? Раскрывать убийства — дело хлопотное и неблагодарное. Это ведь реальная жизнь, а не телесериал, где опера никого не боятся и всегда побеждают.

Вчера нашли в озере труп десятиклассницы. Одноклассники утверждают: её изнасиловали, а потом убили приезжие работяги. И как вести расследование, если в деле замешаны гастарбайтеры? Начнёшь трясти заезжих, тут же инкриминируют разжигание межнациональной розни, спустишь дело на тормозах — возникнет «висяк», и обвинят в бездействии. Опять придётся переквалифицировать дело в несчастный случай. Утонула девка сама, по собственной глупости. В принципе, идея вполне реальная. Родители у неё русские, из простолудинов, возникать не станут. Дочь всё равно не вернёшь, а связываться с полицией себе дороже. А если и попробуют, можно отпрессовать по полной. За них уж точно никто в разжигании межнациональной розни не обвинит.

Приняв решение, Немыкин повеселел: план должен сработать. А «показать работу» отдела можно и другим способом. Как там шутят его опера: «Хорош тот полицейский, который способен обвинить в нарушении закона любой фонарный столб!»

Как бы отыскивая этот самый столб, подполковник бросил взгляд на придорожный пейзаж и увидел трактор, тащивший на срубленных берёзках скирду сена.

«Да это же чистейшей воды самовольный поруб!» — озарило его.

Полицейский вылез из машины, взмахом руки остановил трактор и пальцем поманил сидевших в нём людей. Из трактора вылез хозяин скирды. Это и был Матвей Сорокин. Немыкин представляться не стал, много мужику чести, а сразу потребовал:

— Покажите мне разрешение на срубленные берёзы.

Матвей замялся:

— Так нет у меня разрешения. Я их на своём покосе срубил... Он у меня в аренде, налог за него плачу.

— Вы платите за землю, а для того, чтобы пилить деревья, нужно разрешение из департамента лесного хозяйства. Оно у вас есть?

— Разрешения нет. Я думал, что на своей земле хозяин...

— Эта земля не ваша, а государственная, — грубо оборвал его подполковник, — она дана вам в аренду. Это не значит, что вы можете творить на ней всё, что хотите! Немедленно сгружайте скирду и тащите берёзы к районному отделению полиции. За самовольный поруб заведём на вас дело.

Матвей попытался успокоить распалившегося начальника:

— Хорошо, я привезу эти берёзки, но разрешите сначала довести скирду до дома. Два километра осталось...

— Я сказал: «Сгрузить немедленно!» И чтобы через час эти берёзы были в райцентре!

Матвей перед таким напором человеческой глупости спасовал. Скирду стянули в чистом поле, и берёзки повезли к зданию полиции.

В этот день для райотдела полиции состоялось бесплатное шоу. Под смех и ехидные замечания сослуживцев криминальный отдел принялся за работу. Завели дело о самовольной вырубке леса. Под бдительным надзором начальника замерили кубатуру. Замеряли долго и тщательно. Учли каждую веточку, намерили ноль целых шесть десятых кубометра. Заполнили ворох документов. В департамент лесного хозяйства отправили материалы. В докладной подробно и обстоятельно расписали ущерб и вред, который нанёс мужик экологии, лесному хозяйству района и стране в целом.

После добросовестно выполненной работы один из оперов задал резонный вопрос:

— Товарищ подполковник, а что делать с этими берёзками дальше?

Подполковник долго голову не ломал:

— Увезите их Махмуду на пиломару. Пусть распилит на дрова малоимущим.

Прибывший из солнечного Азербайджана Махмуд вырубал и распиливал на пиломатериал районные леса. Попутно пилил дрова, которые продавал малоимущим по цене полторы тысячи за кубометр. На дармовых берёзках предприниматель с Кавказа заработал более пятисот рублей.

И дело закрутилось. Чиновники департамента лесного хозяйства на письмо из полиции отреагировали быстро. Сначала Матвея вызва-

ли в местное отделение. Эти жили совсем рядом с народом, потому сильно ругать самовольного порубщика не стали. Районный начальник вёл себя вежливо и даже посочувствовал мужику:

— Ты уж как-нибудь выкрутись, не продавай корову. Я тебя понимаю, но поделаться ничего не могу. Полиция отправила бумаги в вышестоящий департамент. Мы вынуждены отреагировать.

Дескать, поруб незначительный, и можно было бы закрыть на него глаза, да вот полицаи, будь они неладны. Матвею выписали приличный штраф и послали докладную в региональный департамент. А сегодня туда вызвали и его.

Здесь обстановка царила иная. Матвей попал к чиновнику, который жил «страшно далеко от народа». Этот оправдываться не стал. За ущерб, нанесённый экологии и государству, обозвал Матвея злым порубщиком и штраф удвоил.

Матвей попытался возражать и вступил с чиновником в спор:

— Да вы посмотрите, что делают в лесу лесозаготовители! Они такие берёзки своей техникой давят сотнями... А бобры?! Это же бедствие! Валят и осину, и тополя... И ничего, экология не страдает!

— С лесозаготовителями мы разберёмся без вас. А бобры занесены в Красную книгу. Их трогать нельзя.

— Да с такой вашей политикой скоро придётся заносить в Красную книгу и мужика, и коров! Мне вот, чтобы заплатить ваш штраф, придётся теперь корову продать. Из-за двух берёзок...

— А чтоб неповадно было. Вам дай волю, так всё самовольно вырубите.

— Мы постоянно живём на этой земле, и ничего лишнего не вырубали. Этот покос у нашей семьи пятьдесят лет. Перешёл от отца. Каждый год срубали по одной—две берёзки. Если не вырубать, зарастёт за пять лет!

— Вы что хотите, чтобы я подсчитал ущерб за пятьдесят лет? Так я это сделаю! До самой смерти не расплатитесь... Ещё и дети долг платить будут.

— Нет, не хочу! А вы лучше за приезжими «бизнесменами» подсчитайте. Вырубают и вывозят всё подряд. Молодняк топчут, лес и землю калечат... Почему их не трогаете?

Допек Матвей чиновника, вывел из равновесия.

— Мужик, не тебе нас судить! Не суй нос не в свою епархию, а не то вызову полицию и определим тебя за хулиганство!

Как говорится, не на того напал. Бюрократ букву закона знал и припугнуть умел.

Вот потому ехал и грустил Матвей Сорокин. Говорят, из любого положения есть, как минимум, два выхода. У него остался только один. Продать корову и уплатить этот злополучный штраф.

Матвей ехал и как в былые времена в пору яркой осени не любился родной природой. Осенние краски, прозрачное голубое небо не вызывали оптимистичных чувств. В голове не складывались стихи. Его состояние было хуже, чем у перелётных птиц, с тоскливыми криками летевших в заморские края. Перелётные прощались с Родиной, но в их душе жила надежда: весной они смогут вернуться с чужбины обратно. В душе Матвея надежда умерла. На его глазах Родина из матери превратилась в мачеху. Великий народ, к которому принадлежал и Матвей, превратился в пасынка, до которого правителям-компрадорам нет дела.

Да, он признаёт: срубив две берёзки, нанёс родной природе ущерб. Но этот ущерб несопоставим с тем, что официально, с разрешения власти, причиняют ей заезжие «предприниматели». Те же лесозаготовители Махмуда. Валят всё, что попадёт под руку. Лес загаживают сучьями, обрезками брёвен и поломанным кустарником. Тысячами давят, ломают и втоптывают в землю молодые деревца. Их тягачи и погрузчики тащат брёвна по бездорожью. Продавливают глубокие колеи в земле. После них не только проехать, пройти нельзя. Никто их за это не штрафует.

Не штрафуют и ребят с Кавказа, заготавливающих ёлочки. Они тоже уродуют лес. Ёлки выкапывают с корнями, оставляя в лесу глубокие ямы-воронки. Потом увозят на огромных фурах. Увозят не все. Многие ёлочки так и бросают среди полей и лесов рядом с ямами, которые, как следы от оспы, уродуют лицо родной земли. После таких «заготовок» в лесу даже грибы собирать невозможно. Но никто на «заготовителей» за этот реальный ущерб природе и экологии не заводит дело.

Соседнему району вот повезло чуть больше. Глава района, прокурор и главный судья поехали на охоту и залетели на машине в такую яму. Поломали не только машину, а руки и ноги. И сразу отреагировали. Выкапывать ёлочки, правда, не запретили: дело денежное, откат хороший, но ямы заставили зарывать. А что делать в их районе? Нет охотников среди районного начальства, не ходит оно в лес. Даже грибы им заготавливают особо приближенные лизоблюды. И при чём, скажите, здесь какой-то национализм или шовинизм, если невооружённым глазом видно: всем приезжим инородцам живётся на его родине хорошо и комфортно. Не в пример ему, коренному жителю.

Да только ли лес приходится жалеть? Матвею вспомнилась песня «Русское поле». Хорошая песня, с правильными словами. Когда-то пели её в праздники. Где сейчас это русское поле? Не видно на нём колосков. Заросло бурьяном и кустарником. Не нужно оно нынешним управителям. Не нужен и мужик, испокон веков работавший на этом поле, кормивший Россию и генералов от власти. Сегодня генералов кормит забугорный фермер в обмен на российские ресурсы. Но будет ли так всегда? — вопрос вопросов.

Раздумья Матвея прервала обогнавшая его старенький «жигуль» милицейская машина. В ней невозмутимо восседал и с высокомерным презрением поглядывал по сторонам обидчик Матвея — начальник криминального отдела полиции Немыкин. Он ехал из областного центра в превосходном настроении. Его отметили на совещании как перспективного руководителя и примерного офицера. Пообещали хорошую должность, а значит, и новое звание. Под аплодисменты сослуживцев вручили награду и благодарность из департамента лесного хозяйства. А как иначе? Ведь он привлёк к ответственности злостного порубщика леса. Другой на его месте просто не обратил бы на такой пустяк внимание.

Без пяти минут полковник купался в успехе. Он знал, как отлажена система, и умел выдерживать главную линию: вовремя угодить вышестоящему начальству и не мешать никому «прирабатывать деньжата». И с убитой девчонкой получилось так, как задумал, дело прикрыли. Утонула деваха по собственной глупости. И что её понесло на озеро в разгар осени, когда даже рыбаки на берегу не появляются?

Матвей Сорокин посмотрел вслед умчавшейся на запредельной скорости машине и поморщился. Полицейский червяк вызывал у него всего лишь чувство брезгливости. По-настоящему волновал другой вопрос: где же высшая справедливость? Над мужиком, работающим на земле, измывались во все времена. Однако такого, чтобы уничтожали под корень, ещё не было.

Село выхолостили. В нём не осталось тех, кто мог бы продолжать дело отцов. Молодые разъехались по городам. Осваивают там специальности менеджеров и охранников. А те, которые остались, отлучены от земли перекосом цен и законотворческими закорючками. Россия, с тех пор как её встроили в глобальную систему, из великой страны превратилась в уродливую пародию государства для паразитов. Меняются президенты или «сохраняется стабильность» — политика в государстве не меняется. Да и можно ли назвать это политикой? Обыкновенное мародёрство на обломках погибшей империи.

И что делать ему, потомственному русскому мужику? Как в сказке Салтыкова-Щедрина, надеяться на чудо? Окажутся вдруг генералы на необитаемом острове и вспомнят, что есть мужик, который должен их кормить? А ведь обязательно вспомнят, как только придёт Лихо. Не зря народ придумал пословицу: «Ел бы богач деньги, кабы бедный его хлебом не кормил». На мужике держалась Россия и должна держаться. Значит, надо жить и выживать вопреки этой жирующей своре. Правильно воспитывать детей и внуков, они — будущее.

«Вот вам!— показал Матвей своим обидчикам фигу. — Дунет свежий ветерок, и слетите, как пена с похлёбки!»

Подъезжая к дому, он совсем успокоился.

«Дикий» мёд и «дикие» покупатели.

Байки старого пчеловода

Сатирик Задорнов в своих выступлениях часто поднимал тему о безграмотности молодого поколения. И не только в смысле грамматики. Честно говоря, думал: это некоторое преувеличение для того, чтобы усилить впечатление.

Но жизнь заставила поверить: реформа образования по западному образцу пошла не на пользу всему народу. Люди перестали вдумчиво читать, разучились искать полезную информацию и правильно анализировать её.

Стыдно не отличать мёд от нектара!

Звонит телефон. Беру трубку. Тоненький девичий голосок современной «моднявки»:

— Я по объявлению. Это вы продаёте пчелосемьи?

— Да, это я продаю.

— Скажите, а сколько мёда даёт одна пчелосемья?

Раз человек интересуется, вполне серьёзно отвечаю:

— В зависимости от силы семьи и погоды от 20 до 50 килограммов за лето.

— А зимой они мёд не дают?

— А вы видели пчёл, которые летают зимой?

— Нет.

— Так как они могут «дать» мёд, если не летают?

— Ну, мало ли, может, вырабатывают в ульях.

— Нет, не вырабатывают. Зимой в ульях они его в основном едят, а какое у вас образование?

— Десять классов.

— В школе не рассказывали о том, как пчёлы собирают нектар с цветов?

— Рассказывали, но я же не про нектар вас спрашиваю, а про мёд...

— А разница большая?

— Ну конечно! Вы что не знаете? Нектар — это такой сок в пакетах... У него даже вкус другой, совсем не такой, как у мёда!..

Получил пчеловод выволочку от представителя продвинутого поколения.

Как кушать положки?

Если нет чувства юмора, на медовой ярмарке лучше не торговать. Посетители обращаются иногда с очень оригинальными просьбами.

Ко мне подходит пожилая женщина и задаёт вполне нормальный вопрос:

— Скажите, у вас есть запрополисованные положки?

Положок — это кусок холста, который укладывают в улей поверх рамок. Они у меня есть. Их обычно покупают люди, страдающие заболеваниями дыхательных путей для того, чтобы делать ингаляции. Повесят в спальне возле кровати и дышат воздухом с парами прополиса.

Я отвечаю утвердительно, но следующая просьба женщины повергает меня в слабый шок.

— Продайте один и расскажите, как мне его кушать. У меня болит желудок, и доктор прописал кушать прополисные положки.

Я сохраняю полную серьёзность, а сам лихорадочно соображаю. Для начала пытаюсь отговорить от столь экстраординарного способа лечения.

— Есть положки с прополисом не совсем удобно. Может быть, вам лучше применять прополис в чистом виде. Жевать, например, или сделать настой? Вы попробуйте проконсультироваться по этой теме у другого доктора.

— Нет, нет! Человеку, который меня лечит, я полностью доверяю. Он сказал именно «кушать»!.. Правда, не сказал как...

Разубеждать человека, уверовавшего в такой способ излечения, бессмысленно. Да и нужно ли? Умные философы утверждают: лечит не лекарство, а вера в то, что вылечишься. И всё же я пытаюсь вернуться:

— К сожалению, я не врач, не знахарь и даже не экстрасенс, а просто пчеловод...

— Я это вижу. Но вот если бы вам порекомендовали есть положки, что бы вы стали делать?

— Я бы порекомендовал этому «врачу» сходить к другому доктору. К психиатру...

— Нет, вы зря смеётесь. Это очень уважаемый человек, он плохого не посоветует. Как бы вы стали есть положок?

Вот теперь вопрос был поставлен конкретно. Тут в сторону не увильнёшь:

— Я бы разрезал положок на маленькие кусочки, посыпал его солью и глотал их по три раза в день после еды, обильно запивая кипячёной водой.

— Ну, вот видите! — возликовала собеседница. — Можете, когда захочите!

Она так и сказала «захочите», и этим меня окончательно переубедила. Я перестал пререкаться, продал ей положок, и мы расстались, вполне довольные каждый собой.

Мёд от «диких» пчёл — только для грубиянов

Однажды вдоль рядов ярмарки шёл, судя по повадкам, современный крутой «бизнесмен», которого по годам можно было отнести к среднему поколению. Он всем задавал какой-то вопрос и, получив ответ, переходил к следующему продавцу.

Когда подошёл к соседу, я прислушался. Вопрос посетитель задал в грубой манере. Так обычно разговаривают господа с холопами:

— У тебя мёд от диких пчёл есть?

Сосед ответил со свойственным ему юмором:

— У меня нет. Попробуйте обратиться к Винни Пуху. Они с Пятачком специализируются на добыче «неправильного» мёда.

— Ты мне поумничай! — рявкнул в ответ не оценивший юмора круголобый. — Уедешь из Москвы в одних трусах!

Аналогичный вопрос и в подобном же тоне задал он и мне. Я не люблю разочаровывать «вежливых» клиентов и отпустить подобных нахалов без дорогой покупки и потому ответил утвердительно:

— Есть! Но осталась последняя литровая баночка.

В ответ категоричное:

— Мало. Мне надо три фляги!..

Вообще-то каждый нормальный человек знает: «дикие» пчёлы в наше время такие же самые, что и пчёлы «домашние». Улетел рой в

лес и прижился в дупле какого-нибудь дерева. В природе их не так много. Мёду от такой дуплянки можно взять не более пятнадцати килограммов. А нектар они несут с тех же цветов. Вывези улей с «домашними» пчёлами в лес и получишь тот же мёд, что и у «одичавшей» пчелы, живущей в дупле.

Читать лекцию по пчеловодству грубияну не стал. Решил набить цену:

— Вы понимаете, собирать мёд от диких пчёл долго и трудно. Пока найдёшь дупло, выкуришь пчёл, заберёшь соты и выдавишь из них мёд, глядишь, и день прошёл... Набрать две-три фляги можно только за весь сезон, поэтому мёд этот очень дорогой.

Мои старания даром не пропали. Видимо, кто-то сильно напел этому «кошелечку с ушами» о чудодейственных качествах мёда от «диких» пчёл. А может, просто пошутил над ним. Купить как можно больше этого мёда для него теперь дело престижа. Потому оторвался он от своих важных дел и носится по рынку.

— Ты не парь мне мозги! Собирать мёд — это твои проблемы! Мои проблемы — платить. Говори, есть у тебя «дикий» мёд или нет?!

— В таких объёмах сейчас нет. Но завтра подвезу! А вы для начала возьмите литровую баночку и попробуйте. Может быть, мёд от «диких» пчёл вам не понравится.

— Я его уже пробовал, он с кислинкой. Давай сюда свою баночку!

С кислинкой — так с кислинкой. Мёд из дуплянок действительно с кислинкой. Его откачивают не в медогонке, а получают путём выдавливания из сотов. В мёд попадает некоторое количество пыльцы (перги), вот и получается «с кислинкой». Добавь в обычный натуральный мёд немного перги — и получишь «мёд от диких пчёл».

Я взял литровую баночку мёда с намешанной в нём пергой, подал покупателю и «загнул» цену:

— Три тысячи рублей.

Реакция меня удивила. Крутой не был жадюгой либо просто не знал, куда деньги девать. Протянул пятитысячную бумажку:

— А говорил — дорогой! Сдачу оставь себе и готовь на завтра три фляги, расплачусь наличкой. Только не вздумай обмануть!

— Ну что вы, как тут обманешь? Ведь мёд от «диких» пчёл совсем не такой, как от пчёл «домашних»! Любой ребёнок определит разницу.

На другой день состоялась сделка, на которой я получил приличную выручку. Весьма выгодное это дело, торговать мёдом «диких» пчёл. Если, вдобавок, покупатель попадётся «дикий»...

«Земляничный» мёд с Кубани

Посетителей на ярмарке было мало. Я подошёл к соседу с Кубани покурить, обменяться опытом и новостями.

В этот момент к его торговой точке подошла молодая пара. Вопрос задала она:

— Скажите, а у вас земляничный мёд есть? Не с садовой «Виктории», а с настоящей дикой земляники?

Я собрался было рассмеяться. Пчёлы на цветы земляники не садятся даже за пыльцой, но кубанец опередил меня:

— Есть, но он чуть дороже того, который на витрине.

— А попробовать его можно? — задал вопрос её спутник.

— Конечно, можно. Чуть-чуть подождите, сейчас принесу.

Продавец зашёл внутрь своего киоска и немного погодя вышел с баночкой мёда. По виду самого обычного.

— Пожалуйста, вот ложечки, пробуйте.

Парень с девушкой попробовали.

— Да! Действительно пахнет земляникой. Берём!

Они расплатились, поблагодарили, и перед уходом девчонка разоткровенничалась. Оказывается, эта покупка могла не состояться по вине «нехорошего» дядьки.

— Хорошо, что мы к вам зашли. А то вон тот дяденька с усами, — она кивнула на соседнюю торговую точку, — сказал, что земляничного мёда в природе не существует.

— Ну, это у них на Урале его нет, — успокоил покупателей продавец, — а у нас в Краснодарском крае есть любой мёд! На то она и Кубань!

Молодые ушли довольные покупкой, а я принялся пытаться кубанца:

— Не поделишься опытом, как получаешь «земляничный» мёд?

— А что ж тут сложного? Всё гениальное просто.

Он вынул баллончик с ароматизатором, открыл крышку флаги, прыснул туда земляничного аромата и снова закрыл крышку.

— Немного настоится — и земляничный мёд готов!

Мне бы немножко пчелиных какашек...

Однажды к моей торговой точке на ярмарке подошла дама средних лет, как выразилась моя помощница Лена: «Ну прям вся из себя!»

Лена как раз и торговала. Я в палатке распаковывал пустую тару, и диалог продавца с покупателем хорошо слышал.

Дама наклонила голову к Лене и тихо сказала:

— Милочка, мне надо немного пчелиных какашек... Граммов двадцать-тридцать.

Необычная просьба заставила меня насторожиться. Наши темноглазые соотечественники упорно и последовательно насаждают миф о великой тупости блондинок. Эта была жгучей брюнеткой. Причём не крашеной, а «природной».

Просьба покупателя — закон для продавца. Лена была блондинкой, к тому же не обладала хорошим чувством юмора и пустилась в пространное объяснение:

— Понимаете, с этим большие проблемы. Пчёлы не оправляются в улье. Они делают это на воле, причём в полёте. Поэтому их какашки собрать невозможно.

— Ой, не говорите мне глупости! — теперь уже громко и тоном, не терпящим возражения, заговорила дама. — Моя подруга только вчера купила их на вашей ярмарке!..

Лена опечалилась и пошла на попятную.

— Вообще-то собирать их можно. Во время зимовки, если в улье много падевого мёда, пчёлы могут опоноситься. Но наскрести этого поноса можно только весной...

— Вот видите! Значит, всё-таки можно! — радостно-ликующий и одновременно назидательный тон брюнетки говорил о её явной победе. — Но до весны я ждать не могу! Видимо, придётся обратиться к другому торговцу.

— Ничем не могу вам помочь, — совсем уныло ответила Лена. — И вряд ли вы найдёте их у кого-то сейчас. Может быть, вам купить чьи-нибудь другие какашки?..

— Вы что ... издеваетесь?! Сказано же: пчелиные!

Произнесено это было очень громко. Почувяв запах небольшого скандала, окружающие начали проявлять интерес к их диалогу.

Я вынужден был вмешаться:

— Простите меня великодушно, — как можно более вежливо обратился я к даме, — а для какой цели вам нужны эти какашки?

Брюнетка тут же сменила гнев на милость и уже спокойно пояснила:

— У моей мамы болит кишечник. Доктор порекомендовал сделать настой из этих какашек и пить три раза в день по чайной ложечке.

Что-то подобное я и ожидал услышать.

— Так, может быть, вам нужен прополис?

— Да-да, точно! — обрадовалась дама. — Именно этим нерусским словом он и назвал... «Приполюс» — это ведь пчелиные какашки?

— Вынужден разочаровать вас. Прополис — не пчелиные какашки... Это пчелиный клей, который имеет антибактериальные свойства. Пчёлы собирают его с растений. Они заклеивают им все щели, и прополис защищает улей от сквозняков и болезней.

Дама слегка скисла, но на всякий случай переспросила:

— Это точно не какашки?

— Точно, точно. И это именно то, что нужно вашей маме.

Она была обескуражена, но признавать свою некомпетентность не желала:

— Это подружка навесила мне лапшу на уши. Какашки... какашки... Скажите, а самими какашками, ну, вот тем поносом, о котором говорила она, — дама кивнула в сторону Лены, — что-нибудь лечат?

— Нет! Какашками только калечат!

Я дал ей упаковку прополиса, рассказал, как делать настой, и просвещённая брюнетка покинула ярмарку. А ведь могла при её настойчивости действительно купить у кого-нибудь какашек и добавить кишечных болезней своей маме.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ И БАЙКИ

В одну воронку.

Иронический рассказ

Домушник со стажем Гоша Шкворнев по кличке Шкворень не имел никакого отношения к власти и большим деньгам, потому к тридцати пяти годам имел уже три ходки. Он числился в разряде домушников, воришек, которых полиция ловит и сажает без большого напряжения и с превеликим удовольствием, оттого что дело это для правоохранительных органов абсолютно не хлопотное, хотя и вовсе не прибыльное. Это ведь не бабки стричь с коррупционеров, которые в тюрьму садятся за взятку, за взятку же через некоторое время и выходят.

Гоша шёл по разморённой жарой улице на конкретное дело, но того азарта и душевного трепета в предвкушении хорошей добычи, что сопровождали его в былые годы, не было. Он с отвращением вдыхал пропитанный разогретым асфальтом и содержимым мусорных баков воздух, и от этой городской вони его невесёлые мысли становились совсем сумрачными. Шкворень размышлял о несправедливости жизни. Воровать обычными способами становится всё труднее.

Славные времена, когда в деревнях на домах не было замков, ушли в прошлое. Правда, воровать в тех домах было нечего, но сегодня даже те, у кого в кармане вошь на аркане, ставят металлические двери. Если так пойдёт дальше, то традиционное воровство и обычный гоп-стоп напрочь себя изживут...

О гоп-стопе Гоша знал не понаслышке. Опробовал это дело на практике, после чего три месяца у него полностью выпали из жизни. Не мог работать по состоянию здоровья. Историю приключившейся с ним «болезни» вспоминал с большим стыдом. Так позорно проколоться мог какой-нибудь начинающий гопник, но никак не профессионал, имеющий солидный воровской опыт. До этого Шкворень не верил в Бога, хотя и вспоминал о нём, когда надо было что-то попросить. Но в тот раз, он уверен, его наказал Бог. За то, что не по понятиям поступил и предал любимое дело.

Тогда в его жизни случилась чёрная полоса. Демократия и технический прогресс смешали все правила. Работать приходится в жутких условиях. Потенциальные жертвы закрыли квартиры бронированными дверями, в подъездах поставили домофонов, повесили на каждом углу камеры. Из-за них одно за другим сорвались три дела. Дошло до того, что хлеба не на что стало купить. Тут-то лукавый и попутал. Гоша решил подзаработать непривычным для себя способом. Попросту говоря, слегка пограбить запуганных преступностью женщин.

Два раза всё прошло гладко. Родители наградили неплохими артистическими данными: изобразить свирепое выражение лица для него не составляло труда. Женщины, увидев физиономию грабителя, готовы были безропотно отдать всё. Шкворень обходился с ними поджентльменски. Всё не брал, не маньяк ведь какой-нибудь... Забирал только деньги, серёжки и кольца. За что женщины были ему искренне благодарны. Насмотревшись российских сериалов, где подобные им героини гибнут штабелями, они справедливо полагали, что отделались весьма легко.

Гоша уже начал подумывать: не переквалифицироваться ли на это новое для него ремесло, но случилась беда. В тёмном скверике попала совсем невзрачная пигалица. Не подозревая о том, что над ней нависла гроза, она шла и беспечно разговаривала с кем-то по телефону. Шкворень сработал по опробованной схеме: изобразил свирепого монстра, показал дамочке маленький ножичек и попросил у неё серёжки да сотовый телефон. Она непритворно удивилась и скромно ответила: «Сейчас дам». И дала... Ногой в пах! Удар был крепким...

Ей-то что, она от мужика защищалась, а мужику-то каково? Видно, не в добрый час попался он ей и не в славном она пребывала настроении. Гоша после того, как разогнулся, попытался помахать ножичком, но этим только раззадорил пигалицу. Она выбила из его рук нож и врезала ногой по рёбрам так, что и без того слабый свет в скверике окончательно померк для Гоши. Но женщина оказалась человеком. В полицию не сдала и «скорую» вызвала. Пока лежал в больнице, придумал себе заклинание, которое, как молитву, повторяет с тех пор ежедневно: «Лучше с голоду буду травку кушать, но женщин грабить не стану никогда!»

Болезненный эпизод заставил его отказаться от авантюры и вернуться к любимому делу. Обворовывать квартиры в отсутствие хозяев безопаснее.

Гоша любил работать днём. Что бы там ни говорили, но люди днём беспечны и не любопытны. Им совершенно не интересно, к кому идёт мужик в робе сантехника с инструментальным ящиком. И бдительные старушки на скамеечке перед подъездом не сидят. В самый разгар жары предпочитают смотреть сериалы. Сегодня он шёл на досмотр квартиры, хозяева которой улетели отдыхать в Турцию. Отдых в райских отелях — занятие замечательное, но и делиться богатством с теми, кто этого лишён, — дело святое. Если хозяева оставляли в квартире хороший куш, Гоша от всей души благодарил своих «меченатов» заранее приготовленными записками...

Шкворень нашёл нужный дом, убедился в отсутствии видеокамеры и, дождавшись, когда запищал домофон и из двери выскочили двое пацанов, вошёл в подъезд. Лифт не работал. В нос ударил запах мочи и гниющего мусора. Обшарпанные, изрисованные надписями, давно не видевшие ремонта стены указывали на то, что здесь очередная компания ЖКХ обанкротилась. Вместе с руководителями компании уплыли и собранные с жильцов на ремонт деньги. Шкворень медленно поднимался по лестнице, но дойти до нужной квартиры помешали обстоятельства. Услышал наверху топот детских ног и любопытный диалог:

- Ты куда это так летишь, Ленка?
- Тётя Фая, у меня попугай Селивёрст улетел! Бегу ловить!
- Дверь-то закрыть не забыла? А то уворуют всё мамкино золото!
- Не забыла, тётя Фая!..

При слове «золото» Шкворень наострил уши. Его охватило лёгкое волнение. Ленка пролетела мимо, едва не сбив домушника с ног. Когда внизу хлопнула дверь, Гоша поднялся на площадку и осторож-

но глянул в окно. Он ожидал увидеть солидного попугая, Селивёрст всё-таки, а обнаружил, что ребятня во главе с Ленкой гоняется за обыкновенным волнистым попугайчиком жёлтого цвета. Сбежавший из клетки Селивёрст возвращаться обратно не думал. Попугай упивался свободой, резво перелетал с дерева на дерево и с удовольствием играл с детворой в догонялки.

«Играют в полицейских и вора, — философски оценил баталию Шкворень. — Даже птица из тюрьмы на волю стремится!» Домушник понял: девчонка увязла надолго, и решил осмотреть квартиру. «Мамкино золото» заинтриговало.

Шкворень осторожно подошёл к двери. Отмычки не понадобились. Как и предполагала соседка, Ленка впопыхах не захлопнула дверь. Он неслышно вошёл в прихожую. Тишина... Опасливо заглянул в комнату и обомлел. В стенке под стеклом стояли блестящие, отливающие серебром и золотом кубки и висели спортивные медали разных форм и достоинств.

«Как же удачно я зашёл! — обрадовался Гоша. — Сегодня Господь Бог ко мне явно благоволит. Надо поторопиться, пока девчонка не вернулась!»

Домушник торопливо начал складывать медали и кубки в сумку, но лёгкий стук отвлек его от приятного занятия. Он обернулся и увидел стоящую около двери невысокую молодую женщину. Она спокойно с лёгкой усмешкой смотрела на него. Оторопевший домушник машинально сунул руку в карман, но грозный окрик остановил его:

— Даже не думай достать нож или спастись бегством! Будет только хуже!

Шкворень окаменел. Он мгновенно вспомнил своё заклинание. Лицо женщины было ему незнакомо, но голос он узнал бы из тысячи... У него занули суставы и мышцы. Не приятной истомой, как после тяжёлой работы на лесоповале, а мучительной ноющей болью, как болят они, когда побиты бока и рёбра. Рёбра узнали женщину раньше, чем испуганная голова: «Снова она!»

А женщина уже спокойно и вполне доброжелательно спросила:

— Читать умеешь?

— Угу, — утвердительно кивнул сильно побледневший домушник.

— Подойди к диплому и прочитай вслух, что написано!

Шкворень подошёл к висевшему на стене диплому, с трудом разлепил губы и, заикаясь, начал читать:

«Наг-г-г... награждается чемпионка по ру-к-к... рукопашному бою... капитан Свет-т-т... Светлана Кулакова...»

«Какая точная у неё фамилия! — вспомнив её кулаки, восхитился воришка. — Но ногами она бьёт гораздо больше!»

— Молодец! — похвалила его женщина. — Теперь, если не хочешь оставшиеся годы мотаться по больницам, бери трубочку и звони. Думаю, сам знаешь куда...

Она подала вору телефонную трубку и, сложив на груди руки, встала в дверном проёме, отрезая путь к бегству.

Гоша покорно набрал ноль два:

— Полиция, в квартире двадцать пять дома номер восемь по улице Воровского совершена попытка ограбления. Выезжайте, грабитель задержан...

Дежурный задал стандартные вопросы:

— Кто это говорит? Фамилия, имя и отчество?

— Это говорит Шкворнев Георгий Васильевич...

— Вы хозяин квартиры?

— Нет, я грабитель...

В милицейской машине Гоша снова размышлял о превратностях судьбы. Его взяли с поличным на краже... с отмычками и загруженными в сумку кубками. Зря люди говорят, что Бог любит троицу. Предвидится ему четвёртая ходка. Но сегодня Гоша не досадовал, а благодарил судьбу. Тюремь он не боялся, а вот попасть на кулаки чемпионки Кулаковой категорически не желало всё его существо, всё его тело. Телу с лихвой хватило первого раза...

В тюрьме Гоша попал в изолятор. За грандиозную драку с сокамерником, посмевающим утверждать, что снаряд дважды в одну воронку не попадает. Гоша на собственном опыте убедился в ложности этой истины! Он-то знал точно, что-то в мире людей сбилось, и проверенные не раз законы и понятия не работают.

В изоляторе было много времени, чтобы хорошо подумать. В ходе мучительных раздумий Георгий Шкворнев пришёл к выводу: воровать и грабить действительно нехорошо. Высокое звание домушника в этом нестабильном мире прокормить не способно. Можно, конечно, переквалифицироваться в мошенники. Великие комбинаторы не вступают в открытое противостояние с Уголовным кодексом, и сейчас именно они правят бал. Но учитывая пошатнувшееся от «свидания» с Кулаковой здоровье, самый подходящий вариант будет только один: завязать совсем. Одному Господу Богу известно, сколько ещё этих «неправильных снарядов» может прилететь в одну воронку. А второе предупреждение от Бога — через капитана Кулакову — Гоша уже получил...

Брюнетка за рулём

Бытует мнение, будто бы блондинка за рулём подобна обезьяне с гранатой. Неизвестно, когда выдернет чеку и куда бросит. Я тоже был в плену этих заблуждений, пока моя брюнетка не окончила курсы вождения.

Вы, может быть, думаете, я ей сразу руль своей «Лады» доверил? Ничего подобного. Люблю я свою машину.. И жизнь сильно люблю, хотя она со мной не всегда ласкова. Потому ровно месяц придумывал я уловки, чтобы не подпускать новоиспечённого «Шумахера» к машине ближе одного километра.

Но всему приходит конец. Приятель подвёл. Пригласил на семейное торжество. От них сосед-музыкант, что на кларнете и трубе играл, съехал. Гуляли всем домом. Повод уважительный — не откажешь.

Моя подружка расцвела. Ты, говорит, не обращай сегодня внимания на все эти промилле, а пей, сколько влезет. Обрати машину я поведу! Устроила мне натуральную западню. В каком случае нормальный мужик может доверить управление своей машиной женщине? Только тогда, когда выпьет. Причём не ноль один промилле, а три бутылки разом!

И не надо смеяться! Это жизнью проверенная норма. Чтобы любая баба стала красоткой, мужику достаточно выпить бутылку! А чтобы посадить женщину за руль своего авто, как минимум — три!

В общем, поставила она меня перед дилеммой: или употребляй только компот, или пей на халяву сколько хочешь. И какой ненормальный выбрал бы компот? Конечно, я выбрал халяву. На всю катушку отгулял, запечалился только когда домой поехали. Брюнетка села за руль, и мы тронулись. Точнее, «тронулся» к концу путешествия только я.

Женщина умудрялась не только вести машину, но и награждала прозвищами всех, кто попадался на нашем пути. Каждого участника дорожного движения она относила к какому-нибудь представителю флоры или фауны. Флоры было немного. «Колючка верблюжья», «репей цеплючий» да «дуб стоеросовый».

Преобладала фауна. Только на пешеходном перекрёстке я насчитал четырёх её представителей. Сначала на переход выскочила какая-то «коза безрогая». Следом за «козой» проползла «старая кляча» с кошёлкой. За ней протащила «неповоротливая корова» с хозяйственной сумкой. В конце пролетела, разговаривая по телефону, «молодая кобыла».

Когда этот «домашний скот» благополучно перешёл улицу, брюнетка показала поворот, но в последний момент раздумала и поехала прямо. Это вызвало нездоровую реакцию. Сзади немедленно засигналил и покрутил пальцем у виска какой-то «жеребец стоялый». Обогнала и что-то злобно прошипела в открытое окно «гусыня длинношея».

Ехидно ухмыльнулся и показал средний палец «петух безголовый».

Брюнетка выставила в окно фигу. Это сильно взбудрило преследователей. Нас тут же обогнал и грубо подрезал какой-то «козёл» на «Шкоде». Окатила водой из лужи «курица бестолковая». Закидала грязью проехавшая на раздолбанной «шестёрке» «кошёлка рваная». Включил мигалку и обогнал на запредельной скорости «индюк надутый».

На меня нахлынули воспоминания детства. Показалось: снова попал на деревенский скотный двор, где разгуливали и конфликтовали между собой представители домашнего скота и птицы.

А новоиспечённый шофёр трещал, как автонавигатор. Перечень российского скота и птицы ещё не был исчерпан, а брюнетка уже перешла на экзотических животных. Она пунктуально выдерживала сорок километров в час, но даже так умудрилась догнать какую-то «овцу белобрысую», которая двигалась со скоростью «беременной бегемотихи».

Собравшаяся позади колонна занервничала. Экзотические дружно кинулись на обгон. Обошёл справа и окатил водой из лужи «верблюду сопливый». Перепугал до смерти пролетевший на ревущем, словно реактивный истребитель, спортивном авто «попугай разукрашенный». Обогнал и тут же затормозил и «распушил пёрышки» «фазан облезлый». Вывернул с прилегающей территории, едва не задев нас бампером, «ишак безголовый». «Олень-рогоносец» бил колёсами своего джипа так, что камни по сторонам летели. А «кошельки с ушами» на дорогах машинах мельтешили, как тараканы на кухне.

Но всё это были цветочки. Ягодки созрели, когда нас обогнала и швырнула камушком в стекло какая-то «скотина беспородная». Оскорблённая брюнетка ударила по газам и кинулась в погоню. Мы пересекли сплошную линию, вышли на встречу, пролетели два красных светофора и втрое превысили рекомендованную скорость.

Я зажмурил глаза и вспомнил не только детство, но и всю прожитую жизнь. Три выпитые бутылки вылетели из организма за три секунды, и этот организм стал трезвее фонарного столба. Но выпивка помогла. Инсульта с инфарктом у меня не случилось, хотя гнали мы

под сто восемьдесят. И в этот момент я свою брюнетку даже зауважал. Маленькая, хрупкая, а крутые мужики на иномарках и джипах шаркались от нашей «Лады», как джейраны от волка!

Мы давно догнали и перегнали запустившую нам камень в стекло «скотину беспородную», а брюнетка всё жала и жала на газ. В тот момент я не знал, что она перепутала эту педаль с тормозом, поэтому принялся читать молитву.

И случилось чудо! На обочине появился гаишник! Слёзы радости потекли из моих глаз. Бог существует! Мы будем жить! Не погибнем в адских мучениях. Нас не придётся вырезать сваркой и доставать из груды искорёженного железа! Сейчас паренёк махнёт палочкой и отберёт у этой женщины права... навсегда!

Но беды не ходят в одиночку. Гаишник оказался калачом тёртым. Увидев за рулём женщину, он малодушно отвернулся и сделал вид, что изучает придорожный пейзаж.

Однако на брюнетку его образ оказал положительное воздействие. Она мгновенно разобралась с педалями и сбросила скорость. Мы снова не мчались, а ехали. Позади опять образовалась колонна. «Навигатор» заработал в прежнем режиме. Что замечательно — она ни разу не повторилась! Впрочем, один прокол всё же случился. Какой-то бедолага безуспешно пытался выехать на дорогу с места стоянки.

— И этот «козлик» туда же! — в сердцах воскликнула брюнетка. — Не может подождать, пока я проеду!

Конечно, козлик заметно моложе козла, и рожки у него маленькие, но всё же это был повтор. Я как человек полностью протрезвевший посоветовал пропустить «козлика».

— Как это?! — удивилась брюнетка и от неожиданности притормозила.

«Козлик» мгновенно воспользовался ситуацией, втиснулся в поток машин и помигал нам лампочками.

— Ещё и издевается! — возмутился «навигатор». — Влез вне очереди и привет нам шлёт с лампочкой!

— Это он тебя поблагодарил, — пояснил я. — На языке водителей так говорят «спасибо».

— Что ты говоришь? — удивилась брюнетка. — Смотри, какой вежливый «зайка» попался.

Так мы проехали несколько месяцев. По мере того, как к брюнетке приходил опыт, крупного рогатого скота на дорогах заметно поубавилось. Зато больше стало «заек», «котиков», «птичек» и «милашек». Это вселяло надежду. Может быть, настанут времена, когда взаимная

вежливость придёт не только в нашу повседневную жизнь, но и на большую дорогу.

Наконец пришло время, и я, находясь в трезвом уме и здоровой памяти, впервые отпустил свою брюнетку в самостоятельную поездку. Она поехала в центр города за покупками и вернулась обратно живой и невредимой. Правда, автомобиль после этого пришлось покупать новый. Но получилось даже лучше. Тёща с тестем помогли купить иномарку. Теперь ездим с комфортом.

А я для себя сделал вывод: водительский талант и опыт у женщин совершенно не связаны с цветом волос, а зависят исключительно от того, пьёт ли её мужчина. У непьющего женщина навсегда может остаться без водительской практики.

Так что мой вам совет, мужики: не бойтесь доверять управление автомобилем женщине. Будете в плюсах. Конечно, при условии, что у тестя с тёщей есть деньги на новую машину.

Лекарство от охоты

Осень — пора охоты. Но в век, когда прилавки ломаются от продуктов, а оружие достигло небывалого совершенства, это древнее занятие превратилось в убийство! Можно ли это поправить?

Можно, считает егерь Шишкин. Для этого на охоте пить надо много. Тогда от охотников конкретная польза: по дичи не попадают, а та постоянно в спортивной форме. А как иначе? Если по тебе палят из всех стволов, хоть и знаешь, что промажут, всё равно научишься резво бегать. Благодаря водке у Шишкина в охотхозяйстве вся дичь цела и самые быстроногие в районе олени, косули и зайцы. Да и утки с гусями летают резвее, чем у соседей.

У Шишкина строгая система: перед охотой каждый должен преодолеть «шведский стол». Сначала выпей, что хочешь, закуси, чем можешь, а потом иди и стреляй. Выпить на халяву никто не отказывается, поэтому эффект от охоты всегда положительный.

Последний случай — тому пример. Приехали к нему поохотиться четверо крутых ребят: Толян, Вован, Димон и Рудик толстый. Братки беспринципные и безжалостные — стреляют по всему, что шевелится. Шишкин этих ребят через свой «шведский стол» пропустил и благословил на охоту.

Толян пошёл на болото гусей стрелять. После двух бутылок виски у него в глазах не двоилось, а восьмерилось, поэтому стая прилете-

ла очень большая. В восемь мушек прицеливался, из восьми ружей палил, а по гусям так и не попал. Зато они по нему не промазали. Наши гуси после полётов с Путиным точно «бомбить» стали. Видно, систему «Глонас» освоили. В общем, уходил на охоту в однотонном костюме за двадцать тысяч долларов, а вернулся в камуфляже. С ног до головы пятнистый. Костюм, кепка, сапоги ... Даже лицо в боевой раскраске. Но Толян — оптимист, не расстроился. Есть ведь примета: если тебя обкакали птицы — это к большой прибыли.

А вот у Димона охота не удалась. Димон покрепче Толяна, у него в глазах только двоилось. По этой причине долго не мог обойти осину, которая на пути встретилась. Одну обойдёт, на вторую наткнётся. Так и мучился, пока один глаз не догадался прижмурить. После этого осину обошёл без проблем. На радостях присел на пенёк и глотнул из фляжки.

Зря глотнул... Потому что на него сразу вышли три медведя...

Три медведя — это вам не две осины... Димон снова попытался зажмурить один глаз, но глаза так широко открылись, что зажмурить не получалось... Тогда он догадался прикрыть глаз ладонью. Один медведь... Открыл глаза — три медведя... Больше времени на то, чтобы экспериментировать с глазами, у него не было. Димон запаниковал и выстрелил по зверям дуплетом. Мишки не испугались, взбодрились и проворно все втроём побежали к Димону.

Димон так быстро никогда не трезвел. А главное — так стремительно и так далеко никогда не бегал. Только через месяц его в Якутии обнаружили.

Ещё хуже с охотой получилось у Вована. Вернулся ползком, весь избитый. Сам виноват. Увидел в небе орлов и давай по ним дробью палить. Орлы долго терпели, а потом... очередь из автомата шаракнули. Оказалось, это десантники на парашютах приземлялись. У них в этом районе учения проходили. Хорошо, что холостыми стреляли. Эти гвардейцы так же, как гуси, никогда не мажут...

Но Вовану от этого не легче. Говорит: «Лучше бы пристрелили сразу!» После приземления небесные орлы на нём полчаса приёмы рукопашного боя отрабатывали. Видно, не зря у Вована нос перед охотой чесался. Хотя пострадал не только нос, а и рёбра. И фонари под глазами зажглись...

У Рудика толстого охота тоже не удалась, хотя из избушки он вообще не выходил. Русскому человеку победить «шведский стол» труднее, чем разбить шведов под Полтавой, однако толстяк с задачей успешно справился. А чтобы жена не ворчала, что вернулся без дичи,

купил в супермаркете гусиные тушки. Но получился конфуз. Рудик по пьяни с тушек штрих-код забыл снять. Легенда об удачной охоте провалилась... Жена заподозрила измену, вцепилась ему в волосы, и голова у охотника стала похожа на те ощипанные тушки. Именно в этот печальный день Рудик толстый стал Рудиком лысым.

В результате охоты получился сплошной позитив. Гуси целы... Медведи живы, здоровёхоньки... Десантники получили боевую практику... Жена Рудика кое-что в охоте соображать начала... А главное — Вован с Димоном с охотой завязали навсегда, лысому Рудику ездить на охоту жена запретила, а Толян, оставшись в одиночестве, в рыбаки подался.

Славно всё получилось. Так что есть и от водки польза! Особенно в деле охраны и спасения природы от человека разумного!

Хорошо быть оптимистом!

Один умный философ написал: «Счастье в умении радоваться жизни!» Может, сдуру, а может, по наивности решил я выполнять этот мудрый совет и стать неисправимым оптимистом. Как и полагается, дал зарок: что бы со мной не приключилось, буду только радоваться.

Повод для радости появился сразу, как только утром, наполняя моё существо бодростью, резво зазвенел будильник. Выключил его ударом о стену и, испытывая чувство огромного удовлетворения, побрёл в душ.

Во время приёма душа закончилась горячая вода. Пока звонил в ЖЭК, закончилась и холодная. Не стал переживать, растёрся сухим полотенцем, настроил себя на позитив. Решил: в новой жизни всё должно быть по-новому. На работу надел лучший костюм.

На улице восхитился прекрасной погодой. Был на седьмом небе даже тогда, когда стая завистливых галок отбомбилась на мой костюм. Не расстроился. Костюм, по оценке жены, мне не к лицу. К тому же давно вышел из моды.

Пока шёл к машине, немножко переживал: попаду сегодня в пробку на дороге или нет? Возле машины возрадовался: пробки ныне не грозят! Хулиганы прокололи все четыре шины.

До работы добирался общественным транспортом. Во всеобщей толкотне как молитву шептал заповедь «возлюби ближнего», но кошелёк всё равно спёрли. Порадовался тому, что зарплату задержали и денег в нём не было.

В офис прибыл с опозданием. Это переполнило чашу терпения начальника, и он меня уволил. Но и тут не было худа без добра! Не придётся больше смотреть на жирную харю этого самодура и выслушивать его идиотские нотации.

Пошёл в банк обналичивать переведённый на карточку расчёт, а у банка отобрали лицензию. Тут я совсем возликовал. Зарплата фиговая, пропадёт — не жалко. А вот у босса, который меня выгнал, в этом банке лежат миллионы. Вместо них он теперь получит семьсот тысяч! Вот радость так радость!

Домой шёл пешком. По дороге присоединился к митингу безработных. Встал в их ряды, чтобы защитить свои права.

— Ну вот! У нас ещё один правозащитник прибавился! — радостно сказали омовцы и принялись лупить меня дубинками. Телу было больно, а душа торжествовала: раз бьют, значит, любят!

В квартиру вернулся раньше обычного и застал жену в постели с соседом. Искренне порадовался за них. Моя толстая коровушка нашла наконец своего зоофила. А сосед-чиновник раз и навсегда теперь решит свою главную проблему. Ему не придётся ломать голову над тем, как и на что потратить уворованные у государства деньги.

Эмоции переполняли и зашкаливали. Будто ребёнок радовался всему, что на меня свалилось. Чтобы со счастьем не случился перебор, отправился в магазин покупать крюк, верёвку и мыло. Как истинный оптимист купил заодно и ножницы. Вдруг в последний момент передумаю.

Когда возвращался, встретился с тремя бугаями в тёмном скверике.

— Мужик, ну дай нам закурить! — жалостливо попросил самый здоровый.

Курить по совету того же философа я бросил, потому следующие двадцать минут пребывал в печали... Радовались жизни и веселились исключительно мои «собеседники».

Теперь лежу в больнице и гадаю: выйду отсюда своими ногами или вынесут? Я и не подозревал, какие богатые возможности у нашей медицины сделать человека счастливым! Тем не менее, пока жив. Потому радуюсь и благодарю медперсонал. А заодно налётчиков за то, что отобрали верёвку и мыло!

А если радуюсь, значит, я счастливый человек! Не обманул философ!

Одного только не пойму: ну зачем так много счастья мне одному?! Может, желаете? Могу поделиться!..

Бабушка в полиции.

Современная сказка для взрослых

Шёл 20** год. Пришла бабушка в полицию:

— Сынок, ограбили меня. Вместо пенсии мизер оставили. Прими заявление.

Полицейский начальник преисполнился важности:

— Заступаться за бедных — наш святой долг, бабуля. Преступника сможешь узнать?

— Узнаю, сынок... узнаю этого варнака из тысячи...

— Пиши заявление. А потом с лейтенантом составите фотопортрет преступника.

Заявление написали быстро, над фотопортретом мучились долго. Бабуля совсем старенькая, из всего посёлка только она одна до нового пенсионного возраста дожила... Что-то у неё в голове не так щёлкнуло, и бабушка описала того, кого чаще других по телевизору показывают.

Лейтенант удивлённо смотрит на фоторобот:

— Что-то морда у этого грабителя знакомая! Где-то я его раньше видел.

Бабуля голову подняла и говорит:

— Конечно, ты видел его, сынок. Вон его портрет у вас на стенке висит!..

Что тут началось...

На помощь полицейскому начальнику прибежали прокурор с главным судьёй.

Бабушке предъявили экстремизм! Потом терроризм! Покушение на верховную власть! На детекторе лжи стали допрашивать. Бабуля запираться не стала и призналась во всём. В личной связи с Бен Ладаном, в контактах с запрещённой в России организацией ИГИЛ, а заодно в том, что это она в первом веке нашей эры спалила древний Рим, во втором разрушила Карфаген, а во время войны с Наполеоном сожгла до тла столицу нашей родины Москву. В довершение ко всему полностью сдала своего супруга и подельника деда Макара. Макар тоже вину отрицать не стал. До выхода на пенсию по новому закону ему было ещё далеко, но он уже давно со склерозом, маразмом и поллитрой крепко дружил и то, что натворил в прошлом, помнил плохо.

Прокурор запросил бабушке и её подельнику солидный срок. Судья, чтобы неповадно было, добавил ещё. Но бабуля загасила их энтузиазм и преждевременную радость:

— Даже не надейтесь, ребятушки! Фиг мы вам эти шестьдесят лет отсидим! Уберёмся от вас с Макаром лет через пяток!

Полицейский начальник и прокурор с судьёй сильно загрустили, но тут случай всё изменил.

Стали проверять до седьмого колена родословную бабушки. И в самом последнем, седьмом колене обнаружили, что она находится в родстве с тем человеком, портрет которого висел на стене и которого чаще других по телевизору показывали!.. Что тут опять началось... Перед глазами у всех главный закон «вертикали»: «Своих не сдаём!»

Обвинения с бабушки и Макара мгновенно сняли. Буквально все извинялись и просили прощения. Лейтенант проявил инициативу и раскопал информацию о том, что Карфаген разрушил римский полководец Сципион, а древний Рим сжёг Нерон.

Полицейский начальник и прокурор с судьёй опять затосковали: раскрываемость и осуждаемость устремились к нулю. Но прокурор про лейтенанта вспомнил. Лейтенанта обвинили в связях с криминальными авторитетами Сципионом и Нероном. На него же повесили экстремизм вместе с терроризмом. За то, что неправильный фоторобот составил и лицо у человека с портрета «мордой» обозвал.

Все обрадовались, но опять преждевременно. У лейтенанта не в седьмом, а прямо во втором колене дядька-депутат нашёлся. Полицейский начальник и прокурор с судьёй загоревали пуще прежнего. Преступление совершено, а повесить его не на кого. День погоревали, два... а потом, чтобы статистику не портить, осудили какого-то бомжа без роду племени.

Одним словом, как и положено в сказке, всё хорошо закончилось, за исключением сушей малости. Пенсия у бабушки так и осталась мизерной. Никто не захотел с ней доходами поделиться. Вдобавок ко всему Макара на пятнадцать суток упекли. За то, что бабуле фингал под глазом поставил. Не смог простить ей личной связи с Бен Ладаном. По всему получилось: напрасно она в полицию «правду искать» потащилась и во время выборов голосовать за благодетелей зря ходила.

Сказка ложь, да в ней намёк. Наивным бабушкам урок...

Живёт такой рассеянный

Максим Дубов полностью не соответствовал своей фамилии, так как «дубом» не был с молодости и уже к тридцати годам являлся ведущим программистом в крупной многопрофильной фирме. Ведущим

не по должности, а по знаниям в своём деле, своей профессиональной пригодности и исключительности. Если быть кратким, он был из тех людей, заменить которых без крупных потерь для фирмы просто невозможно.

Трудоголик и гений в одном лице, он, как это часто бывает, страдал «комплексом Паганеля». Иначе говоря, в глазах обычных людей выглядел чудачком, потому как логика гениев с логикой обычных людей часто не стыкуется. Высокий, сероглазый шатен с добродушным выражением лица и с доброй душой практически никогда не нервничал. У него не было для этого ни повода, ни времени. Его мозг находился в постоянной работе и довольно часто при первой же возможности уходил в дебри компьютерного программирования.

Даже самые строгие начальники понимали: ругать Максима за какие-либо прегрешения абсолютно бессмысленно. Скажите, можно ли отругать человека «так, чтобы проняло», если он в это время обдумывает абсолютно новую конструкцию велосипеда? Или думает о том, какой вкусный борщ приготовила ему жена. И чем такого человека можно укорить, если работу, которую он выполняет, лучше его всё равно никто сделать не сможет?

А можно ли едко и ехидно высмеять его бытовые чудачества? Как? Если он сам добродушно над ними хохочет и при этом приговаривает: «Ох, и дурень же я! Ох, и придурок!»

Жена Максима, Елена, хорошо знала, за кого выходила, и потому домашней работой мужа не перегружала. Хотя после рождения дочери такая необходимость всё же возникла. Супруга, под стать мужу, имела добрый нрав, но с гениальностью и логикой у неё было всё в порядке, потому в бытовых вопросах Максим беспрекословно жене подчинился. Но даже тут он не давал окружающим поводов для насмешек. При любой попытке друзей зачислить его в круг подкаблучников, он неизменно выдавал услышанную где-то фразу: « У „крутого“ мужика жена плачет, а у подкаблучника — смеётся!»

Максим не был рыбаком, но его гениальная голова требовала много фосфора. Из-за этого сильнее всего на свете он любил рыбу. Жену он тоже любил, поэтому ласково обращался к ней не иначе как Рыба моя!

Елена на такое обращение не обижалась. Она была блондинкой от природы и понимала: тащить гения по жизни — её крест. Ведь гении хоть и восхищаются умом брюнеток, а женятся всё равно на блондинках.

Итак, некоторые эпизоды из жизни рассеянного.

Сходил за картошкой

Максим приходит с работы и с порога извещает о своём прибытии:

— Рыба моя, я уже дома!

Жена возится с дочкой в ванной:

— Ой, Макс, я немного не уложилась с ужином. Стирала, теперь купаю дочку, и, как назло, кончилась картошка. Пока не разделся, сбегай в магазин.

— Хорошо. Разворачиваюсь и бегу. Больше ничего не надо?

— Нет. Купи только пакет картошки.

Через полчаса возвращается, ставит пакет в прихожей и начинает разуваться.

— Рыба моя, я снова дома. Просьбу твою выполнил.

Жена преисполнена благодарности:

— Спасибо. Пока не разулся, выполни ещё одно маленькое дело.

Выбрось мусор в мусоропровод. Пакет в прихожей.

Максим снова обувается, выбрасывает пакет, возвращается, жена встречает его в прихожей:

— Максим, а где купленная картошка?

— Да вот же она, в пакете...

— Максим, это мусор, который я просила выбросить, а картошка где?!

Максим оглядывает пакет и виновато оправдывается:

— Ну прости меня, видимо, я не тот пакет выбросил.

Берёт пакет с мусором, выбрасывает его в мусоропровод и, вернувшись, радостно сообщает:

— Всё! Пакетов больше нет, выкинул всё, что было. Можно раздеваться?

Елена возражает:

— Нет, Макс. Ты полностью обнулил программу. Придётся начинать всё сначала. Будь добр, сходи за картошкой!

Огурцы — не помидоры

И снова поход в супермаркет. Учитывая особенности Максима, Лена составила список продуктов, которые нужно было купить. Среди прочего включила в список огурцы и помидоры.

В этот день Максиму повезло. В супермаркете всё имелось в наличии и очереди не было. Домой пришёл довольный.

— Рыба моя, я всё купил согласно списку!

— Хорошо, переодевайся, мой руки, и садимся ужинать.

Переодевшись, Максим оглядывает сервированный стол.

— Что-то я любимых томатиков не вижу, одни огурцы.

— А вот что купил, то и ешь!

— Но я же купил и огурцы, и помидоры...

Жена выкладывает на стол два пакета с огурцами:

— Вот то, что ты принёс. Где тут помидоры?

Максим чешет затылок. Берёт пакеты, внимательно изучает их и показывает жене на этикетки-наклейки со штрих кодом:

— Вот смотри, здесь написано: «Огурцы», а здесь: «Помидоры»!

Елена смотрит на мужа с великим изумлением:

— Максим, это что — розыгрыш? При чём здесь «написано», если и в том, и в другом пакете огурцы? Ты что, на этикетки посмотрел, а на внешний вид даже не взглянул?

Максим снова чешет свою «репу».

— Рыба моя, ну прости. Ты же знаешь, когда мне в голову приходит удачная мысль, все другие из неё разбегаются...

Жена тяжело вздыхает:

— Прощаю. Но в следующий раз смотри не только на этикетки. А то вместо помидоров принесёшь арбуз или тыкву.

Поездка в Великий Новгород

Максим часто разъезжает по командировкам, где устанавливает и отлаживает программы для компьютеров в филиалах фирмы. Особенно достаётся в конце года, когда необходимо любой ценой осваивать заказ. В самый канун Нового года поехал в командировку в Великий Новгород. До станции Чудово ехал на «Сапсане», курсирующем между Москвой и Санкт-Петербургом, от станции — на такси.

Тридцатого декабря тем же маршрутом поехал обратно. Билет на поезд до Москвы купил заранее. Когда приехал на станцию, увидел поезд и едва успел заскочить в вагон.

Устроился в вагоне и тут же позвонил жене:

— Рыба моя, я скоро буду дома! Новый год будем встречать вместе!

После этого, намереваясь немного поработать, включил компьютер, но сказались усталость последних дней, потому сразу заснул.

Проснулся утром. Поезд уже на вокзале. Вышел на стоянку такси, называет таксисту улицу. Тот просит уточнить адрес:

— А где это?

— Это недалеко от Садового кольца, я покажу.

Таксист зависает на несколько секунд, а потом любопытствует:

— Вы вчера случайно в бане не были?

— Нет, а причём здесь баня?

— Ну «Иронию судьбы» мы все смотрели. Похоже, вы прибыли к нам прямо из московской бани.

Теперь пришла очередь удивиться Максиму. Он оглядывает окрестности и задаёт встречный вопрос:

— Это что Санкт-Петербург?

— Самый что ни на есть.

— Значит, я сел не на тот поезд...

Максим разворачивается и идёт к кассам.

Кассирша долго не может понять, что хочет от неё этот странный клиент. В конце концов подзывает более опытную подругу, у которой в тот момент технологический перерыв:

— Галя, помоги разобраться. Тут один чудик со станции Чудово что-то чудит!

— А что он хочет?

— Просит принять билет на поезд, который ушёл вчера, и поменять его на новый.

Подруга берёт билет и внимательно его изучает. Чувством юмора она не обделена, потому решение выдаёт быстро:

— Мужчина, мы в прошлое билетов не даём! Можем выписать только в будущее и то исключительно за ваш счёт! И вообще, как с этим билетом вы здесь оказались?

Максим извиняется:

— Я по ошибке сел не в тот поезд.

Обе кассирши тоже смотрели «Иронию судьбы», потому дружно смеются:

— Не иначе как перед Новым годом ходили в баню?! И что вас, московских алкашей, по пьяни так в Петербург тянет?

Максим оправдывается:

— Да я не алкаш! По рассеянности заскочил не в тот поезд, а проводники проявили халатность. Не проверили билет и не подсказали, что я ошибся.

Но закалённую в общении с клиентами кассиршу таким откровением не разжалобишь. Она мгновенно переводит стрелку от Российских железных дорог на самого пострадавшего:

— Мужчина, железная дорога не обязана оплачивать рассеянность пассажиров! Билет вам придётся купить новый!

— Так бы сразу и сказали, — тут же успокаивается Максим. Покупает новый билет и звонит жене:

— Рыба моя, я сейчас в Питере, но скоро буду дома!

Жена воспринимает эту новость не столь радостно, как накануне:

— Ты мне это уже ночью обещал. Как оказался в Питере?

— Понимаешь, промахнулся маленько с поездом и уехал в противоположную сторону.

Жена хихикает в трубку и в шутку предупреждает:

— Смотри, не укажи в Хельсинки. Если к вечеру не приедешь, заподозрю в измене!

Он успевает приехать вовремя. Новый год встречают в кругу друзей. Похохатывая над собой, Максим во всех подробностях рассказывает о своём предновогоднем приключении. Все смеются, и только Лена, как бы в шутку, высказывает сомнение:

— Откуда мне знать, может, ты всё это придумал, а на самом деле развлекался с любовницей?

— Ты меня плохо знаешь! — торжествуя басит Максим и достаёт из кармана бумажку. — На, читай!

Елена берёт бумажку и громко читает: «Справка дана Дубову Максиму Александровичу в том, что он по рассеянности сел не на тот поезд и 31 декабря сего года прибыл в город Санкт-Петербург. В период с 6.10 до 11.00 московского времени находился в здании Московского вокзала. В указанный период своей жене ни с кем не изменял».

Справка была подписана и заверена печатью какого-то питерского железнодорожного начальника.

Хохот друзей не мешает Елене найти в этом оправдательном документе брешь:

— Все ли заметили, справка подтверждает невиновность Максима Александровича только в течение четырёх часов. А в командировке он был трое суток!

Все снова смеются, а Максим клятвенно обещает жене исправиться. Для гениального программиста наладить производство подобных справок — дело плёвое.

Супермен в России

Вы часто скулите и ругаете установившиеся морозы. А вот представьте: в эти условия попал избалованный теплом американец. Глядя на него, вы почувствуете за себя гордость!

Эту грустную историю рассказал в торопливо убегающем в Западную Европу поезде американский рейнджер.

Его служба в Афганистане протекала скучно. Воевали, главным

образом, лётчики. Чтобы избежать потерь, они бомбили аборигенов почти из космоса. Из-за этого часто промахивались. Однажды, нанося удар по Ираку, попали в китайское посольство в Югославии. А во время бомбёжек самой Югославии погубили столько народа, что «международному трибуналу» пришлось обвинить «в геноциде» Милошевича.

Майкл и сам стал жертвой этих «ястребов». Какой-то пересевший с лошади на самолёт ковбой перепутал знаменитую гору Тора-Бора с индивидуальным мешком американского солдата и... нанёс удар по своим.

Майкл получил ранение и попал в госпиталь. Здесь он познакомился с русской девушкой Таней. Коварная красавица соблазнила доверчивого рейнджера и заставила на себе жениться.

Молодая жена уговорила мужа съездить на её родину. Майкл слышал: непокорный народ упорно не желает жить по рецептам «цивилизованных стран» — и согласился взглянуть на эту страну своими глазами.

Рейнджер наивно полагал, что поедет в Москву. Но оказалось, что Москва — это всего лишь большая гостиница, в которой живёт, в основном, приезжий люд. Сами русские проживают в резервации, которая на их языке называется «периферия».

До «периферии» добирались долго: сначала самолётом, потом поездом, автобусом, грузовиком, лошадью, на собаках... Последние сто двадцать километров шли пешком. Майкл перенёс дорогу стойко. Правда, в конце пути его трёхпудовый мешок несла Таня.

Родня в честь дорогих гостей собрала застолье. В доме, площадью тридцать шесть квадратных метров, поместилась только половина жителей деревни. Другая половина сидела по домам и ждала своей очереди.

Начались испытания. Майкл с удивлением узнал, что у русских самая маленькая стопка — двухсотграммовый стакан. Этими ёмкостями распивали изготовленную местными умельцами водку с благородным названием «Троя». Запивали брагой. Закусывали пельменями, грибами и квашеной капустой. «Троя» заметно отдавала тормозной жидкостью, но по части кайфа превосходила виски, кокаин и героин вместе взятые.

Пили непрерывно. За знакомство, за молодых, за здоровье, за дружбу с Америкой, за успехи в боевой и политической подготовке... Под утро — просто за уважение друг к другу. Отказываться пить — нельзя! Оставлять в стакане «зло» — смерти подобно!

В полночь погас свет. Оказалось, что конец света, о котором с таким страхом говорят на Западе, — для русских обычное явление. Какой-то шутник «приватизировал» в этой стране рубильник и теперь регулярно с ним балуется. Русские не расстроились. Зажгли керосиновые лампы, выпили за упокой души приватизаторов и принялись, как в старину, пить и плясать.

От всего выпитого, съеденного и увиденного у Майкла схватило живот. Туалет оказался во дворе. Всего в ста пятидесяти метрах. Добираться пришлось в темноте. Сначала Майкл попал в баню. Потом в конюшню, в гараж, в собачью будку... К ранению добавились ушибы, травмы, укусы собак...

Достигнув цели, рейнджер почувствовал себя самым счастливым человеком. Но только на одну секунду. На второй секунде он понял, чем Калифорния отличается от Сибири... Минус сорок пять с небольшим ветром необычайно укоротили счастливый миг. Обратный путь к дому занял всего шесть секунд...

За ночь рейнджер совершил ещё пять вылазок и понемногу начал привыкать. Но беда не приходит одна. После восемнадцатого стакана Майкл совсем обрусел и принялся раздавать полученные за войну в Афганистане доллары. Русские не выказали к «американским деньгам» никакого почтения, а бывший десантник Гриша использовал их вместо туалетной бумаги. Такого надругательства над портретами американских президентов Майкл стерпеть не мог! Он решил наказать хулигана, но... Гриша ударил первым...

Очнулся Майкл только утром. Здоровья, за которое пили всю ночь, не было. В голове осталась единственная мысль: «Лучше обратно в Афганистан... Под ракеты родных „ястребов“».

Русские, напротив, чувствовали себя превосходно. Майкла поставили на лыжи и повели в тайгу на охоту. Охотничьи лыжи оказались капризными. Майкл пробовал идти классическим ходом, но лыжи сами переходили на коньковый и разъезжались в стороны. Вдобавок ко всему после крутого подъёма начался затяжной спуск... Лыжи понесли, и Майкл моментально отгадал русскую загадку. «В гору ползком, а с горы кувырком» — это калифорниец на сибирских лыжах. Но худа без добра не бывает. Этим способом рейнджер не только быстро догнал ушедших в отрыв охотников, но и перегнал удиравшего от них оленя.

Истязание продолжалось весь день. К тому моменту, когда русские умудрились подстрелить какого-то нерасторопного зайца, Майкла можно было сразу вести в реанимацию.

Вместо этого его повели в баню. То, что русская баня — это камера пыток, крематорий и газовая камера одновременно, он сообразил слишком поздно.

Его раздели и начали хлестать липовыми, а потом берёзовыми ветками. Майкл сознался во всём... Русские не поверили и начали бить дубовыми... Рейнджер выдал все секреты американского спецназа и потерял сознание... Его вытащили из бани, бросили в сугроб, привели в чувство и повели на второй заход...

Только после третьей порки супермена занесли в дом. Здесь ему напомнили заповедь полководца Суворова: «После бани последние штаны продай, но выпей!» И поднесли стакан с «Троей». В дом начали прибывать жители второй половины деревни. Первый тост подняли за знакомство.

Так продолжалось трое суток. За это время рейнджер перенёс больше стрессов, чем во всех войнах, в которых участвовал. На четвёртый день, когда в сорокаградусный мороз его вывели на рыбалку, он сбежал.

Дурной пример десантника Гриши оказался заразительным, поэтому денег хватило только до Франции. Через Атлантику придётся своими силами... Вплывь... Но после России это уже не пугало. Главное — добраться и рассказать об этой стране правду.

После кратковременного пребывания в России у Майкла появилось твёрдое убеждение: «Обижать и дразнить русских категорически нельзя! Русский Дух — не мистификация! Он существует!.. И потому попытка переучить русских на «американский лад» может привести к обратному результату».

Видимо, убедить соотечественника не получилось, потому что в интернете появилось сообщение: «Во время учений в Польше у американских рейнджеров замёрзли памперсы и бойцы потеряли боеспособность!» А ведь Польша — далеко не Сибирь!..

Стрижка

Перед праздником мама решила подстричь папу. Вадик, его сестрёнка Лена и примкнувший к ним пёс Тишка внимательно наблюдали за процессом и впитывали приёмы работы «цирюльника».

Мама всегда сама стригла папу. Она не доверяла столь ответственное дело даже самым лучшим в мире парикмахерам. По её глубокому убеждению, причёска у папы должна быть такой, чтобы все молодые

женщины от него шарахались, а пожилые и старые при виде папы крестились и говорили: «Свят, свят!..»

Однако маме никак не удавалось достичь совершенства. Всю вину за это она сваливала на старые ножницы — свой главный инструмент.

Но папа был не только «безалаберный», «беззаботный» и «безответственный», а и добрый. Он пожалел маму и купил ей электрическую машинку со множеством мудрёных насадок.

Именно эта машинка, а отнюдь не то, как мама калечила папину причёску, вызвала неподдельный интерес у Вадика, Лены и Тишки.

С машинкой дело шло лучше. Когда с папиной причёской было покончено, мама почувствовала за себя гордость. Папин вид был недалёк от идеала.

Совсем другие чувства испытали наблюдатели. У Вадика и пса Тишки из глаз потекли слёзы, а у Лены возникло непреодолимое желание самой кого-нибудь подстричь. Как только родители ушли в другую комнату, сестрёнка тут же обратилась к Вадика с деловым предложением:

— Вадик, а давай я тебя так же подстригу!..

В глазах у Вадика всё ещё стоял образ подстриженного папы, поэтому он наотрез отказался:

— Нет, Ленка! Ты мне всю растительность на голове испортишь и обязательно выстрижешь лысину.. Стриги вон Барсика, — показал он на мирно спящего на диване кота. — Смотри, сколько у него волосев и пуху!

Лена оценивающе посмотрела на Барсика:

— Да-а-а, зарос наш котик, как пуховый кролик. А ты мне его удержишь?

— Конечно.

Сказано, сделано. Калечить причёску решили коту.

Как опытный санитар из психлечебницы, Вадик аккуратно замотал Барсика в полотенце. Получилась смирительная рубашка, из которой торчала лишь участвующая в эксперименте голова. Кот после сытного обеда пребывал в благодушном настроении. Не подозревая предательства и измены, он лежал на коленях у доброго санитаря и тихонечко мурлыкал. Не предупредил о надвигающейся беде и партнёр по экстремальным играм — пёс Тишка. Он лицемерно помахивал хвостом, с интересом и едва заметным злорадством ожидал развязки.

Блаженство Барсика длилось недолго.

Лена включила машинку.

В голове у кота возникли и роем закружились ассоциации. Ассоциации вызвали кошмарные воспоминания. Совсем в младенческом возрасте его пытались умертвить эти же самые ребята. Предлог был очень благородный. Умные детишечки додумались до мудрого решения: высосать пылесосом всех блох из его щётки. Вот только пылесосу ничего не объяснили. И тот вместе с блохами затынул в приёмную трубу и самого котёнка. Господь бог, в лице бабушки Таси, спас тогда кота от мученической гибели...

Вспомнился и более поздний случай. Милые детки по самые уши вымазали его шоколадом и мороженым... После чего решили простирнуть в стиральной машине... В тот раз его вопли слышали все. Даже соседи тремя этажами выше.

И вот теперь эти мутные ребята снова что-то затевают:

— Спокойствие, Барсик, только спокойствие!.. Сейчас я сделаю тебе причёску «а-ля папа».

Лена поднесла машинку к голове Барсика.

«Неужели вернули смертную казнь?» — промелькнуло в той голове.

«Парикмахерша» приставила машинку к кошачьему загривку. Воспоминания и ассоциации переросли в панику, паника — в решимость драться до конца.

«Дёшево жизнь не отда-а-а-м!» — промяучил кот хриплым басом.

В смертельной схватке за жизнь его силы удесятились. Он вытащил из смиренной рубашки передние лапы и в течение нескольких секунд исцарапал всё окружающее пространство. После чего вырвался из рук Вадика и, как реактивный истребитель, взлетел на висевший на стене телевизор. В исцарапанное пространство попали: диван, на котором совершалась экзекуция, абсолютно ни в чём неповинный воздух, санитар Вадик, парикмахер Лена, лицемер и предатель Тишка и даже прибежавшая на шум бабушка Тася, попытавшаяся снять своего любимчика с телевизора.

Финал был невесёлым. «Инквизиторы», пока им заливали царпины йодом, пищали от боли и ругали неблагодарного Барсика. Хотели сделать как лучше, а он их усердия не оценил.

Пёс Тишка размышлял о несправедливости жизни. Видно, не зря утверждают: в чужой драке больше всех достаётся стороннему наблюдателю.

Кот забрался под шкаф в самый тёмный угол. Он никак не мог разгадать: за что его приговорили к высшей мере? Неужели за украденный со стола кусок колбасы? Но в демократической стране за воровство не

казнят.. А некоторых даже не сажают... Тем не менее, факт налицо. Без всякого суда и следствия приговор пытались привести в исполнение. И не с помощью какой-нибудь банальной гильотины, а новым техническим средством, сильно смахивающим на электрошокер.

Однако праздник приближался, и к его началу дружное семейство вернулось в нормальное состояние. Хотя отношение к произошедшему у всех было разным.

Тишка получил от бабушки, готовившей холодец, тарелку костей, поэтому пребывал на седьмом небе и воспринимал всё как нелепый, досадный случай.

Жертва террора, Барсик, был полностью реабилитирован. Безвинно репрессированный получил компенсацию в виде хорошего куска сёмги. Он делал вид, что всем доволен, но в душе затаил на «палачей» обиду.

Папа после детального осмотра своей причёски пришёл к выводу, что машинку он купил не совсем удачную. Ему показалось: старые ножницы стригли лучше.

Лена переживала. Ей так и не удалось попробовать себя в парикмахерском деле. Стричь надо было не kota, а пса Тишку. У него нрав спокойный и когти не такие острые. Правда, вот зубы...

Вадик был уверен: кот взбеленился из-за излишнего самолюбия. Котьяра считал себя независимым, самостоятельным и ходить с причёской, как у папы, попросту не желал. А может, у Барсика просто было плохое настроение? Есть смысл подождать, пока оно улучшится, и повторить попытку.

Бабушка, как это ни покажется странным, больше всего жалела папу. Наверное, его новая причёска на неё так подействовала.

Самой довольной в семье была мама. Царапины у детей заживут. Зато какой прогресс в деле стрижки. На корпоративную вечеринку папу можно смело отпускать одного. С такой причёской никакая соперница на него не позарится!..

Невезучий дрельбор

В пятницу, в самый разгар рабочего дня, у Геннадия страшно разболелся зуб. Какое-то время терпел, мучился и надеялся, что «само пройдёт». Сказать по правде, зубных врачей он побаивался, потому на чудо и понадеялся. «Само» не прошло, и пришлось ехать в соседнее село, в участковую больницу. Здесь зубных дел мастером работал

участковый доктор Владимир Иванович. Стоматолог внимательнейшим образом осмотрел зуб и выдал заключение:

— Зуб вполне нормальный, дёргать рано. Я тебе сейчас поставлю временную пломбу с мышьячком, боль должна стихнуть. Если не стихнет, выковырай пломбу, прополощи рот содой и при первой возможности приезжай ко мне.

На том и расстались. Если бы Геннадий знал, что зубные врачи тоже ошибаются, он не раздумывая заставил бы эскулапа выдрать «вполне нормальный» зуб вместе со всей его корневой системой. Но вера в медицину у него в ту пору была сильна, и эта наивная доверчивость вышла ему боком.

Пломба не помогла. К ночи зуб разболелся так, что у Геннадия появилось непреодолимое желание залезть на ровную стенку без всякого альпинистского снаряжения. К утру это желание переросло в открытую антипатию к Владимиру, потому как попытка выковырять пломбу полностью провалилась. Расковырял лишь десну, отчего щека распухла и боль утроилась. Геннадий диву давался: ему пломбировали зубы, и не раз. Обычно пломба держится хуже, чем застрявшая в зубах косточка от винограда. В этот раз всё получилось наоборот: зуб шатался, десна кровоточила, а пломба сидела намертво.

Дождавшись рассвета, Геннадий покатил в больницу с твёрдым намерением: больше никаких пломб, только дёргать! Этот решительный замысел провалился на первом же этапе. В больнице он понял, что на практике означают слова «при первой возможности приезжай». В данном конкретном случае «возможность» откладывалась на двое суток, ибо стоматолога в больнице не было, и дежурная сестра вежливо объяснила причину его отсутствия:

— Владимир Иванович уехал на охоту и будет только в понедельник. Так что наберитесь терпения...

Терпения осталось совсем мало, и Геннадий взвыл от досады и боли:

— Передайте Владимиру Ивановичу: пусть охотится на зверей и с охоты не возвращается, потому что я тоже озверел и здесь его точно зашибу!

О том, как терпел он эти два дня, история умалчивает, известно только, что к понедельнику Геннадий возненавидел свою работу, сослуживцев, телевизор, участковую больницу, а к утру вообще весь белый свет. Зубного врача он теперь не боялся, он его ненавидел. За два мучительных дня и две бессонные ночи Геннадий пришёл к одно-

значному умозаключению: зубы даны человеку исключительно для того, чтобы тот мучился, и теперь он был согласен на удаление не только больного зуба, но и всех его здоровых родственников.

С распухшей щекой, припухшими от горя и страдания глазами, не в добром здравии и не в славном настроении притащился он утром к стоматологу. Как тень, прошёл мимо сидящей очереди и обречённо взобрался в зубоврачебное кресло, которое в этот скорбный день ассоциировалось у него с эшафотом.

Владимира уже предупредили, что наступивший понедельник — последний день в его жизни, и он заискивающим и извиняющимся тоном укорил Геннадия:

— Что ж ты... как маленький! Я ведь говорил: заболит — вытащи пломбу и прополощи рот с содой.

— Выдери её сам! — зло бросил в ответ Геннадий. — Когда не надо, твои пломбы сами вываливаются, а когда приспичит, их можно сковырнуть только вместе с челюстью...

— Ты, главное, не нервничай, — успокоил пациента Владимир и принялся за пломбу. — Слушай, точно крепко сидит, наверно, с цементом немножко переборщил. Но мы сейчас всё поправим: высверлим пломбу, залечим нерв, и зуб успокоится...

— Смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз! — из последних сил, но вполне ещё грозно предупредил Геннадий. — Вялый ты сегодня, и дух после охоты из тебя идёт тяжёлый. Если и в этот раз напортачишь, помилования не жди!

— Ладно, не пугай, мы тоже не лыком шиты! — решил показать характер зубной мастер и принялся настраивать бормашину — своё главное устрашающее оружие.

Жёсткое предупреждение Геннадия не подействовало. Получилось не «как в прошлый раз», а гораздо хуже.

Владимир что-то долго и нудно высверливал в зубе, после чего натолкал в рот Геннадию ваты и «профессионально» впихнул в зубной канал дрельбор, собираясь канал этот почистить. Геннадий взвыл от боли, поперхнулся и судорожно закашлялся. Владимир бросил инструмент — куда он изо рта денется — и быстро вытащил руку: пациент нервный, не дай бог, укусит. Дал больному прокашляться, снова сунул руку в рот и совершил пренеприятнейшее открытие: инструмента на месте не было. Специалист по зубам ошеломлённо уставился на Геннадия:

— Где дрельбор? Ты что... выплюнул его, когда кашлял?

Геннадий изумлённо посмотрел на стоматолога и прошепелявил:

— Ычего я не ыплёвывал! Ыдишь, вся вата о рту!

Владимир торопливо вытащил вату, осмотрел рот, плевательницу, кресло, исследовал в ближайшей округе пол. Дрильбора не было. Брови стоматолога поползли вверх, страшная догадка осенила его похмельную голову:

— Ты, случаем, не проглотил его?

Геннадию было уже всё равно, лишь бы скорее закончились мучения:

— Не знаю... может, и проглотил... Выдери зуб, а! Или отруби мне сразу голову!

Владимир ничего не ответил, побледнел только сильно, да лоб его покрылся испариной. Проглотить дрельбор — это ведь не монетку случайно сглотнуть. С другой стороны, в жизни стоматолога появился обнадёживающий момент: если и суждено кому-то сегодня умереть, то точно не ему. Но он усилием воли загасил вылезшее из тёмных закоулков сознания злорадство, представил, что может наделать инструмент с режущей кромкой в желудке у Геннадия, и немедленно остановил приём страждущих.

Очередь заволновалась и заворчала. Каждому была известна жизненная истина: чем дольше отсутствует стоматолог, тем сильнее у населения болят зубы. Но Владимир устоял. Не мог он отпустить в опасную дорогу пациента, в желудок которому случайно обронил свой рабочий инструмент. Стоматолог в спешном порядке выдернул пострадавшему зуб, и они поехали в районную больницу на рентген.

Поездка стала началом большого пути. Зайдя в рентген-кабинет, Владимир сурово потребовал прекратить плановый приём и немедленно заняться его пациентом. Рентгенолог, отгулявший накануне именины, в этот момент размышлял о том, что в родном государстве, как на проклятом «Острове невезения», пришло время отменить все понедельники. Он с трудом отошёл от флегмы и совсем не грозно, а, наоборот, устало и буднично охладил пыл Владимира и указал путь, по которому тому вместе с его пациентом нужно было идти. Впрочем, направление это они знали и без рентгенолога. В России под горячую руку туда посылают всех и каждого, причём делают это с завидным постоянством. Однако вникнув в суть дела, «просветитель душ» принался назидательно ворчать:

— Вот ведь что с людьми пьянка делает! Поискали бы сначала, как следует, снаружи, чего сразу внутрь человека-то лезть? Человек ведь не щука-дура, чтобы глотать всё, что блестит...

— Да осмотрели весь кабинет! — выходил из себя Владимир Иванович. — Дрильбор как сквозь землю провалился! В желудке только и не посмотрели!

Рентгенолог похмыкал, почесал свою тыковку и сказал, наконец, главное:

— Рад бы помочь, ребята, но не могу. Электрики отключили свет до пяти вечера, а в пять я уйду на день рождения к другу, угораздило его в понедельник родиться. Так что не теряйте времени, дуйте прямиком в соседний город, возможно, там вас просветят.

Выбора не было. На узике Геннадия поехали в районную больницу соседнего города. В этой больнице волшебным образом совпали все три случайности: рентгенолог был на месте, вся аппаратура работала, имелось в наличии и электричество. Пока переезжали, боль в десне у пострадавшего поутихла и в его измученной голове зародилась робкая надежда: может, и не глотал ничего, а произошла какая-то нелепая ошибка? Но рентген в пух и прах разбил эту глупую надежду. Дрильбор удобно устроился в желудке, который, судя по всему, пытался его переварить, но справиться с хромированной железкой не смог.

О необычном больном доложили главврачу Георгию Ивановичу. Тот лично знал Геннадия и не преминул попенять пострадавшему:

— Дорогой мой, нельзя глотать что ни попадя, особенно острые медицинские инструменты... От этого можно стать совсем мёртвым.

Пострадавшего немедленно госпитализировали. Лечащим врачом назначили Галину Ивановну, женщину, которой по манере разговора с больными очень подходила фамилия Крикунова. Крикунова голо-систо и назидательно принялась инструктировать Геннадия:

— Значит так, будем вас наблюдать и готовить к операции! Лежать тихо, как мышка в норке! Из палаты не выходить, с постели не вставать, резко с бока на бок не переворачиваться, ничего тяжелее ложки не поднимать! Хотя ложка вам тоже ни к чему! Будем голодать, чтобы к операции очистить желудок и кишечник!

Геннадий тут же задал вопрос, который в данный момент его сильно волновал:

— А в туалет?!

— В туалет можно! Для туалета сестра принесёт всё необходимое. Оправляться только в горшок и по большому, и по малому!

Три дня Геннадий выполнял указания лечащего врача: ежедневные анализы, рентген, «оздоравливающее» голодание и неподвижный образ жизни. Силы больного таяли, но чувствовал он себя удовлетворительно, потому как зубо-врачебный инструмент в желудке вёл

себя неагрессивно, а зуб, от которого столько натерпелся, остался в участковой больнице. На четвёртый день привезли двух здоровенных мужиков, сильно покалечившихся на мотоцикле. Одного, а потом второго нужно было везти в операционную. Увидав, как мучается хиленький женский медперсонал, Геннадий искренне пожалел женщин, нарушил данное лечащему врачу обещание и помог погрузить мужиков на каталку. Мужики оказались гораздо тяжелее ложки. Во время погрузки в животе у него сильно кольнуло: зловредная железка отправилась в путешествие и перекочевала из желудка в кишечник. Медперсонал с новой силой заговорил об операции. Но на вопрос больного «каковы шансы?» все старались отмолчаться и отводили глаза в сторону. Понять медиков было можно. До сих пор дрельборы никто не глотал, и в больнице отсутствовала не только статистика, но и какой-либо опыт по их извлечению из кишечника, поэтому вариант Георгия Ивановича «стать от этого совсем мёртвым» никому не казался фантастическим.

Вечером Геннадия навестил работавший в военкомате друг. Друзья обсудили ситуацию, вдвоём пошли к главврачу и уговорили того отпустить больного помыться и подстричься перед грядущей операцией, итог которой был не совсем ясен.

Скучна жизнь русского человека без приключений. Видимо, потому и ищут их наши люди в любой обстановке, причём не только на то место, что у всех на слуху, но и на места прочие... Как только вышли за ворота больницы, у Геннадия возник естественный вопрос: зачем напрягать друга и его семью, если до дома совсем чуть-чуть, каких-нибудь семьдесят километров. Он взял у друга уазик и поехал в родной Гожан. Чувствовал себя неплохо, однако панические мысли нет-нет да и посещали голову.

«Подстричься и помыться в бане обязательно надо... — оправдывал он свой поступок. — Неизвестно, как закончится операция, не приведи господь, придётся лежать в гробу небритым и нестриженным...»

Стригся обычно у соседа, потому отдал распоряжение жене, чтобы истопила баню, и направился к цирюльнику. Во время стрижки рассказал соседу о своих злоключениях. Тот был слегка под хмельком и пребывал в философском настроении. Парикмахер уловил волнение клиента, проявил сочувствие и вытащил бутылку спирта «Рояль»:

— Не волнуйся, сейчас тебя успокою. Спирт качественный, даже немцы его пьют, а нам тяпнуть по стаканчику сам бог велел! Кто знает, доведётся ли выпить ещё?

От такого предсказания Геннадий сильно встревожился:

— Вот, успокоил так успокоил... Напекаешь, что во время операции концы отдам?!

— Ну почему сразу концы? Можно ведь и ласты склеить, коньки отбросить или дуба дать... Мало ли вариантов!..

Геннадий поёжился и пробурчал:

— Негативная у тебя перспектива... Лучше сразу застрелиться...

— Не доверяю я медикам. Сколько уже народу зарезали, и всё законно! — гнул своё сосед. — Давай выпьем! Говорю тебе: хуже не будет! На операцию весело поедешь, как на праздник, а если не повезёт, легче с белым светом будет расставаться!

— А-а-а, давай! — сдался Геннадий. — Какая уже теперь разница, от чего коньки отбрасывать: от твоего спирта или от скальпеля хирурга...

Спирт оказался забористым и крепким. Геннадий помнил, как самостоятельно пришёл от соседа, как в сопровождении жены направился в баню, а дальше — как отрезало. Проснулся только утром от надрывного звона будильника, поторапливающего загостившегося дома пациента: «Пора... пора на операционный стол!»

Жена знала: пока инструмент не достанут, принимать мужу твёрдую пищу противопоказано — и перед отъездом накормила его куриным бульоном. При этом она, как и супруг накануне, тоже переборщила с объёмом. Кроме того, бульон из жирной домашней курицы — это вам не постный супчик из фабричных окорочков. Оголодавший в больнице Геннадий понял это, когда проехал половину пути. Дальше всё было как в той рекламе о чудодейственном средстве «эспумизан», которого, как на грех, под рукой не оказалось. Живот раздуло, урчание в животе переросло в рычание, потом в шум и гам, и нашего страдальца непреодолимо потянуло в сортир. Горшка, который прописала Галина Ивановна, рядом тоже не было, зато вдоль дороги ровными рядами выстроилась красивая лесопосадка из молодых, чуть выше человеческого роста сосёнок. Едва он успел забраться поглубже в посадку и сдёрнуть штаны, как жирный бульончик с оглушительным треском и свистом вылетел из его организма.

Оставшийся путь Геннадий проехал без приключений. Вовремя успел на утренний рентген, после чего тихонько проник в палату и затаился. Галина Ивановна пришла на обход со свежим снимком в руках совершенно обескураженная: тщательно готовившаяся операция провалилась с треском. Крикунова начала допрос с пристрастием:

— Больной, мы три дня готовили вас к операции! И вот теперь, перед операцией, этот злосчастный дрельбор исчез! Может, подскажите, куда он пропал?

Геннадий изобразил удивлённое лицо, а в самой глубине души, чтоб сверху не было видно, возликовал: «Ура! Инструмент вылетел вместе с куриным бульоном!»

Однако рассказать лечащему врачу о своих приключениях Геннадий не мог. Искренность могла притянуть за уши грандиозный скандал. На его простоватой физиономии появилось глуповатое выражение дилетанта от медицины, и он высказал дурацкое предположение:

— Галина Ивановна, а не могла эта железка перевариться? В желудке у меня полно соляной кислоты, изжога непрерывно мучает. Может, кислота её разъела? Еды вы совсем не даёте, а переваривать желудку что-то надо...

Провести на мякине опытную Галину Ивановну было нельзя. Строгим взглядом и начальственным тоном она пригвоздила распоясавшегося больного и не позволила перевести разговор в область юмора.

— Больной, если в школе у вас была двойка по химии, то даже не пытайтесь хохмить! На вчерашнем снимке дрельбор есть, сегодня его нет! Куда он за ночь делся?! Докладывайте, что и в какой последовательности делали?! Иначе продержу вас на обследовании ещё месяц!

Угроза была инквизиторской и вполне реальной. В то время ещё не был принят либеральный закон, запрещающий держать пациента в стационаре более десяти дней. Не проведена была ещё и «оптимизация», потому коек в больнице на всех хватало. Геннадий смалодушничал и... сознался во всех грехах. Рассказал и про поездку домой, и про спирт, и про куриный бульончик...

Крикунову его рассказ сильно взбодрил, женщина немедленно перешла с крика на ор:

— Я же вам велела лежать тихо, как мышка! Из палаты никуда не выходить! Оправляться только в горшок! Вы игнорировали все инструкции, вы грубо нарушили режим! Я буду писать на вас докладную! Если дрельбор пропорол стенки кишечника, у вас может начаться перитонит!

На ор прибежал главврач. Георгий Иванович укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй, я тебе поверил, Геннадий Андреевич, а ты меня подвёл. Обещал сходить на часок к другу, а поехал домой! Нехорошо.

Перитонит и в самом деле может приключиться, потому с сегодняшнего дня ежедневные анализы, рентген и голодание, пока не убедимся, что всё обошлось.

В последующие дни было всё так, как описал главврач, плюс клизмы, уколы и горькие пилюли, которые назначила Галина Ивановна. Голодание и уколы бесили Геннадия, но хуже всего он переносил забор крови из пальца. Как только заходил к сестре, видел её пробирки и железку, которой она колола палец, кровь отливала от лица, внутри срабатывал рвотный рефлекс, непреодолимо, на грани обморока, кружилась голова. Он перестал нормально спать по ночам. Снились кошмары. Галина Ивановна с огромным шприцем в руках надвигалась на него и грозно редела:

— Где дрельбор?! Куда вы дели вещественное доказательство? Найдите его и представьте!

Геннадий не запомнил место, где он расстался с куриным бульоном и несчастливым стоматологическим инструментом, но найти его в принципе было возможно. Делов-то: тщательно прочесать лесопосадку, сосёнка за сосёнкой, километр за километром... Но есть ли в этом смысл?

На четвёртый день экзекуций он пришёл к выводу, что смысл есть. Голодание и процедуры истощили нервную систему до предела, он начал всерьёз подумывать о том, где взять верёвку и мыло, а во время очередного обхода бухнулся перед лечащим врачом на колени и взмолился:

— Галина Ивановна, отпустите меня на два часа, я найду эту проклятую хромированную железку!

Крикунова изумлённо подняла строгие брови.

— Зачем?!

— Готов проглотить её снова и лечь на операцию, только избавьте меня от анализов и исследований моего организма... И разрешите съесть хоть маленькую корочку хлеба!

Мстительную Галину Ивановну тяжело было разжалобить. Она оценивающе оглядела пациента и жёстко забила последний гвоздь:

— За всё в этой жизни нужно платить, больной! А за грубое нарушение инструкции и режима — особо!

Тем не менее ей стало понятно: больной прочувствовал, осознал и раскаялся. Можно снимать санкции.

Во второй половине дня в палату зашёл главврач. Сказал, что Геннадия крупно повезло, что он родился в рубашке и спирт «Рояль» и баня совместно с жирным куриным бульоном провели операцию по

удалению дрельбора лучше, чем высококлассные хирурги. Геннадия выписали.

Дома он с бутылкой коньяка направился к Владимиру Ивановичу, который жил в эти дни как на иголках, ждал из больницы худых вестей и подобно молоденьким девушкам гадал на ромашке: посадят, не посадят. По закону всемирной подлости всё время выпадало: посадят. Когда Геннадий заверил доктора, что у него и в мыслях не было обращаться в суд, Владимир на радостях тоже достал бутылку, и они отпраздновали. Один пил за день, в который заново родился. Второй — за то, что избежал суда и тюрьмы. Потом пили за доверие к медицине, за дружбу между врачами и больными. В конце — просто за везение: проглотил не шпагу и не вилку, а всего лишь небольшой стоматологический инструмент...

Николай Борисович БАШМАКОВ

Родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободотуринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972), Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер. Полковник в отставке.

Прозаик, публицист. Литературной деятельностью занимается с 1999 года. Автор семи книг, большого количества рассказов и статей, опубликованных в российских, белорусских региональных изданиях и на различных интернет-сайтах. Член Союза писателей России (2014).

За создание высокохудожественных произведений литературного искусства, снискавших широкую читательскую любовь и признание, а также за большой вклад в развитие литературного процесса в Пермском крае и многолетнюю успешную работу по привлечению общественного внимания к пермской художественной литературе и патриотическому воспитанию подрастающего поколения был награждён орденом Достоевского II степени (2017).

Живёт в Пермском крае.

Краткая библиография

Откровения собеседников: Сборник рассказов. — Пермь: Изд-во Богатырёв П. Г., 2004. — 131 с.

Дом на плоту: Роман. — Пермь: СПУ «МиГ», 2008. — 272 с.

Динозавр из поколения «пепси»: Роман. — Пермь: Алекс-Пресс, 2010. — 360 с.

Я обручилась с биатлоном: Повесть. — Пермь: Звезда, 2012. — 224 с.

Вероятный противник: Рассказы. — Москва: АНО «РИД «Российский писатель», 2014. — 192 с.

Дом на плоту: Роман. — 2-е изд., испр. и доп. — Пермь–Екатеринбург, 2016. — 264 с.

Боги вернулись: Фантастический роман. — Пермь: Пермский писатель, 2017. — 320 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Бумеранг из юности. <i>Повесть</i>	5
Цикл рассказов «Всё начиналось в юности»	
Охранник.....	91
Вальс судьбоносный	95
Шанс.....	98
Сюрпризы фейерверка. <i>Счастливая новогодняя история</i>	111
Рассказы о войне	
Ополченцы сорок первого	117
Атака штрафной роты. (<i>Отрывок из книги «Чеченский порог»</i>).....	121
Самосуд	127
Выбор.....	133
Заплутавший орден	135
Нефронтовые 100 грамм	143
Цикл рассказов «Природа и человек»	
Щебетухин.....	147
Вороны	150
Проклятие старушки.....	152
Скворцы	155
Куриный полководец	157
Как куры дроздов выжили	159
Стрижи-беспредельщики	161
Трутовки	162
Расстрелянное счастье	164
Иноземец.....	167
Рыжик.....	170
Цикл рассказов «Человек и общество»	
Холодный Ключ — смерть после взлета.....	172
Доморощенный пророк	182
Коренной «россиян»	187

Срубил мужик две берёзки	190
«Дикий» мёд и «дикие» покупатели.	
<i>Байки старого пчеловода</i>	
Стыдно не отличать мёд от нектара!	196
Как кушать ложки?	197
Мёд от «диких» пчёл — только для грубиянов.....	198
«Земляничный» мёд с Кубани	200
Мне бы немножко пчелиных кашек... ..	200
Юмористические рассказы и байки	
В одну воронку.	
<i>Иронический рассказ</i>	202
Брюнетка за рулём.....	207
Лекарство от охоты	210
Хорошо быть оптимистом!	212
Бабушка в полиции.	
<i>Современная сказка для взрослых</i>	214
Живёт такой рассеянный	215
Сходил за картошкой.....	217
Огурцы — не помидоры.....	217
Поездка в Великий Новгород.....	218
Супермен в России.....	220
Стрижка.....	223
Невезучий дрельбор.....	226
Об авторе	236

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

том 28

Николай
БАШМАКОВ

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ В ЮНОСТИ

сборник прозы

Автор проекта *В. Якушев*
Корректор *Л. Димченко*
Дизайн серии, вёрстка *С. Неведомская*

ISBN 978-5-6042008-0-3

9 785604 200803

Пермская краевая общественная (профессиональная)
организация Союза писателей России
г. Пермь, ул. Сибирская, 30. permsprossii@rambler.ru

Подписано в печать 28.10.2019. Формат 60x84/16.
Бумага ВХИ. Гарнитура «NewtonС».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95.
Тираж 100 экз. Заказ № 10934.

Отпечатано в соответствии с предоставленным
ИП Неведомская оригинал-макетом
в ООО «Универсальная типография «Альфа Принт»,
www.alfaprint24.ru, тел. 8-800-300-16-00.

28

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-6042008-0-3

9 785604 200803